

МИР ЕВРАЗИИ

Научный журнал. Издаётся с мая 2008 г. Выходит один раз в три месяца

2013. № 1(20) Январь-март

ISSN 2308-0396

Главный редактор
Н. С. МОДОРОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАГН (г. Горно-Алтайск)

Первый зам. главного редактора
В. Г. БАБИН — кандидат исторических наук, ректор ГАГУ (г. Горно-Алтайск)

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА
Горно-Алтайский государственный университет

НАУЧНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю. В. ТАБАКАЕВ (председатель совета) — доктор философских наук, профессор, академик РАЕН (г. Горно-Алтайск)
А. Н. АЛЕКСЕЕВ — доктор исторических наук, профессор (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)
В. Г. ДАЦЫШЕН — доктор исторических наук, профессор (г. Красноярск)
Н. Ф. ИВАНЦОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)
А. Б. КАМЕНСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)
В. Д. КУБАРЕВ — доктор исторических наук, профессор (г. Новосибирск)
О. ЛХАГВА — доктор исторических наук, профессор (г. Улан-Батор)
А. И. МАРТЫНОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН (г. Кемерово)
В. Я. РУШАНИН — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск)
Л. И. ШЕРСТОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Томск)
М. В. ШИЛОВСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Новосибирск)
Э. М. ЩАГИН — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М. И. ПАКЛИН (зам. главного редактора) кандидат исторических наук, доцент (г. Горно-Алтайск)
А. П. АДЛЫКОВА — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)
О. М. ГАНБОЛД — профессор (г. Ховд, Монголия)
Э. П. ДВОРНИКОВ — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)
Д. М. КАРАЧАКОВ — доктор исторических наук, профессор (г. Абакан)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1,
Университет, редколлегия журнала
«Мир Евразии»
Тел.: 8 (388-22) 2-62-33
Факс: 8 (388-22) 2-67-35
e-mail: mns@gasu.ru; mirevrazii@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций (Россвязьнадзор) Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-36173 от 06.03.2009

Электронная версия журнала представлена на сайте Научной электронной библиотеки (индекс научного цитирования):
<http://www.elibrary.ru>

© Горно-Алтайский государственный университет, 2008; 2013

Содержание

Адлыкова А. П., Мезенцев Р. В., Сидоренко Д. И. Конфессиональная политика советских органов власти на Алтае в 1920-1923 гг.	2
Алейников М. В. Декабрьские события 1986 года в Алма-ате: причины, характер, последствия	4
Антонова И. В. Слово краткое об Угрешском заточнике — митрополите Макарии Невском	8
Борисова А. В. Роль рыболовной конвенции 1928 года в развитии русско-японских дипломатических отношений накануне второй мировой войны ..	14
Гиренок С. Н., Мезенцев Р. В., Янова Л. А. Деятельность профессионального союза железно-дорожников Западной Сибири в начале XX века	17
Дацышен В. Г. Проблемы японского труда в рыбной промышленности российского Дальнего Востока	20
Дворников Э. П. Аспекты формирования обрядовой практики древних и средневековых кочевников Горного Алтая по археологическим материалам	24
Дудик С. Г. Результаты исследования культурной идентичности среди населения Кош-Агачского района	26
Иванцова Н. Ф. Проблемы индустриального развития СССР конца 20-30-х гг. новейшей Российской историографии	28
Кенешбеков К. А. Российские немцы Кыргызского края Российской Империи в восстании 1916 года	33
Кумаров Б. Татарская мечеть города Зайсана	35
Мельников С. М. Диспаритет цен как фактор кризиса сельскохозяйственного производства в ходе трансформации сельского хозяйства Западной Сибири в 90-е годы XX века	38
Мельников С. М. Национальный характер и отношение к труду русского человека	43
Модоров Н. С. Русская православная церковь в годы «великих потрясений»: 1917-1922	47
Мырзашкызы А. Формирования единого экономического пространства в условиях приграничного сотрудничества Казахстана и России	52
Попов А. В. Польская диаспора в Сибири: история и архивы	56
Федосеева И. М. Сибирь и развитие советско-германских экономических связей в 20-х гг. XX века	59
Хвастунова Ю. В. Религиозные организации и группы в Усть-Коксинском районе	62
Шекшеев А. П. К вопросу о типологической общности и региональной специфике крестьянского повстанчества начала 1920-х гг.	65
Шмаков О. Н. Аграрный курс правительства России в начале XX века: истоки спорных оценок	70
Южакова Н. Н. Наука Казахстана в годы Великой отечественной войны	73
Рецензия	77
Информация	77

Представленные в журнал статьи публикуются после рецензирования и при оформлении их в соответствии с требованиями редакции.

При перепечатке или цитировании материалов из журнала «Мир Евразии» ссылка обязательна. В статьях сохранен авторский стиль.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы материалов.

Подписано в печать 20.03.2013.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 11,57. Уч-изд. л.11,55. Тираж 300 экз.
Заказ №

Отпечатано в типографии Горно-Алтайского университета.

649000, Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1

УДК 94(571)

А. П. Адлыкова, Р. В. Мезенцев, Д. И. Сидоренко

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ НА АЛТАЕ В 1920-1923 ГГ.

В статье, на основе архивных документов, выявленных авторами, часть которых впервые вводится в научный оборот, предпринята попытка осветить конфессиональную политику Советского государства (его центральных и местных органов власти) на Алтае в 1920-1923 гг.

русская Православная церковь, Октябрьская революция, Советская власть, НКВД, гражданская война, Московская патриархия, религиозная политика Советского государства, Алтай, губернские исполкомы

Проведение в жизнь нормативных актов, касающихся религиозных объединений, началось только в начале 1920 г. Существовавшие здесь с декабря 1917 по июнь 1918 г. органы Советской власти вопросами конфессиональной политики практически не занимались [1, с. 86, 88]. Этому препятствовал длительный период образования волостных и сельских Советов и недостаток грамотных и подготовленных кадров. Падение Советской власти и установление военной диктатуры адмирала Колчака также «притормозили» реализацию декрета об отделении Церкви от государства.

С июня 1918 по декабрь 1919 г. Алтайская Церковь, отторгнутая от Московской Патриархии, находилась в ведении Временного Высшего Духовного Управления Сибири. Восстановленные в декабре 1919 г. на Алтае органы Советской власти теперь уже просто не могли «обходить своим вниманием» вопросы взаимоотношения с Церковью, поскольку к этому времени существовал не только сам декрет об ее отделении от государства и инструкции и циркуляры, разъясняющие их применение, но уже давно действовали и государственные органы по проведению религиозной политики — VIII отдел НКЮ и отдел управления НКВД.

Взаимоотношения этих двух, вышеназванных органов были весьма сложными. Отголоски же этой «нелюбви» и «несогласованности» их деятельности негативно сказывались на положении на местах. Дело в том, что подведомственные НКЮ губернские и уездные отделы юстиции не имели ни достаточного количества сотрудников, ни административных функций для проведения в жизнь декрета СНК, поэтому свои распоряжения НКЮ адресовал губернским исполкомам, которые, в свою очередь, передавали их в свои отделы, находившиеся в прямом подчинении НКВД. Последние были вынуждены запрашивать свое вышестоящее начальство о возможностях и методах исполнения поступивших от НКЮ распоряжений.

Отдел управления НКВД тоже не имел необходимых специалистов для решения вопросов, связанных с жизнедеятельностью Церкви, в силу этого он обращался в Коллегию юстиции за разъяснениями, на основании которых и издавал потом собственные инструкции о порядке исполнения распоряжений НКЮ. Все это неизменно усложняло дело, создавало немалую путаницу, ненужное дублирование, а также целый ряд разногласий между двумя могущественными ведомствами. Кроме

того, и на местах не было единодушия в решении вопроса о том, кто будет ответственным — «главным» — в проведении в жизнь декрета об отделении Церкви от государства. Губернские отделы юстиции не получили на этот счет от своего Наркомата никаких указаний, а отделы управления губисполкомов не считали их выполнение «своей непосредственной обязанностью», поскольку директивы по религиозным вопросам исходили от «чужого» ведомства. Так, в своем отчете за 1920 г., руководство Алтайгуботдела юстиции поясняло, что «не имея точных указаний на свою роль в деле отделения церкви от государства, но зная, что отделу юстиции присвоено руководство в этом деле, общий подотдел губюста полагал, что инициатива в этом вопросе принадлежит отделу управления губисполкома» [2, л. 18].

Как известно, в структуре отделов управления губисполкома имелись подотделы ЗАГС, само образование которых предусматривало их непосредственное взаимодействие с Церковью (при изъятии метрических книг из храмов и регистрации религиозных обрядов крещения, венчания и отпевания и т. д.). Видимо, это обстоятельство и сыграло определяющую роль в том, что совещание заведомыми управления уездных исполкомов, состоявшееся 29 — 31 января 1920 г. в г. Барнауле, высказалось за возложение всей работы с религиозными организациями на подотделы ЗАГС [2, л. 18 (об), 19]. Однако эти малочисленные подразделения были не в состоянии выполнить тот объем работы, который предусматривал декрет об отделении Церкви от государства. Поэтому большинство этих подотделов так и не приступили к работе, явно выходящей за пределы их непосредственной компетенции. Исключение составил лишь подотдел ЗАГС, подчинившийся Бийскому ревкому. Своим первым распоряжением от 10 января 1920 г. он предписал всем причтам бийских церквей «описать имеющееся в храмах культовое имущество» и определить ответственных за его сохранность, а гражданам г. Бийска он предложил «объединиться в религиозные общины и избрать уполномоченных для подписания договоров по передаче им церковного имущества в бесплатное пользование» [3, л. 95].

Анализ содержания данного распоряжения позволяет говорить, с одной стороны, о хорошей профессиональной подготовке заведующего ЗАГСом Н. Е. Олейникова, его понимании существа дела об отделении Церкви от государства, а с другой — о незнании им требований инструкции НКЮ о

порядке проведения в жизнь декрета, в которой подчеркивалось, что договор о приеме церковного имущества может быть составлен лишь с группой верующих, т. е. с каждым из них в отдельности, а не с религиозной общиной или, тем более, ее уполномоченными.

Не взирая на эти «неувязки» ЗАГСом Бийского ревкома в период с января по июнь 1920 г. были заключены договоры с 18 общинами различного вероисповедания, приняты печати и штампы от 54 церквей, выдано 21 разрешение на получение храмами виноградного вина для нужд богослужения, созданы 3 комиссии по закрытию уездных домовых церквей и Тихвинского женского монастыря [3, л. 155]. В июне 1920 г., в связи с упразднением ревкомов, Бийский ЗАГС перешел в подчинение отделу управления уездного исполкома. В связи с этим, с июля 1920 г. его работа по исполнению декрета практически прекратилась [3, л. 162, 169].

Алтайский губернский отдел ЗАГС, похоже, так и не уяснив смысл закона об отделении Церкви от государства, свел всю свою работу лишь к закрытию домовых церквей в г. Барнауле. В других местах Алтайской губернии, в это время, не была проведена даже и такая работа [3, л. 210-211].

В связи с этим можно предположить, что такая ситуация сложилась не только на Алтае. В июне 1920 г., для упрощения работы и исключения дублирования, Наркомат внутренних дел предложил коллегии Наркомюста передать в его ведение VIII отдел НКЮ. Свой шаг руководство НКВД обосновало тем, что «Наркомюст считается... только с принципиальной точкой зрения, НКВД же — и с условиями местной жизни, совершенно неизвестными НКЮ» [4, л. 32]. Однако коллегия Наркомюста отклонила это предложение и своим распоряжением от 31 августа 1920 г. возложила всю ответственность за проведение «религиозной политики» на губернские и уездные бюро юстиции [4, л. 48]. Вследствие этой переписки и столкновения мнений, в отделе управления НКВД появился специальный «Церковный отдел по отделению церкви от государства», а местные отделы юстиции получили распоряжение создать в своей структуре специальные «ликвидационные» отделения.

Руководствуясь поступившими свыше распоряжениями, общий отдел Алтгубюста сосредоточил с конца октября 1920 г. всю работу с религиозными организациями в своих руках, для чего 8 декабря 1920 г. он создал специальное ликвидационное отделение со штатом из 8 сотрудников. В начале 1921 г. оно уже приступило к своей работе. Первым — и единственным — заведующим этого подразделения стал юрист Г. Н. Шубинский. Опираясь на положение о губотделах юстиции, в котором было сказано, что на них «возлагается лишь общее руководство религиозной политикой», он уведомил президиум Алтгубисполкома о том, что осуществление декрета об отделении Церкви от государства в уездах передано исполкомам, а ликвидационное отделение губюста оставило за собой его проведение в жизнь лишь в г. Барнау-

ле. Для реализации декрета в краевом центре, чуть позже, была создана особая ликвидационная комиссия, в которую вошли сотрудники губюста, отдела управления и коммунального отдела губисполкома [5, л. 28]. Такое перераспределение полномочий явилось отражением общей линии Сибирского отдела юстиции, стремившегося сосредоточить свои силы в густонаселенных местах и городах Сибири [6, л. 34].

Переложив основную тяжесть исполнения декрета Совнаркома на местные исполнительные органы и оставив за собой лишь право контроля за ними, губернский отдел юстиции так и не смог наладить свою работу даже в оставленном за собой г. Барнауле. Ликвидационное отделение так и не сумело полностью укомплектовать свой штат и после ухода Г. Н. Шубинского (в марте 1921 г.) фактически прекратило свою деятельность. В отчете Алтгубюста (за апрель — июнь 1921 г.) сказано, что работа «по отделению Церкви от государства, возложенная на ликвидационное отделение, за невозможностью подыскать подходящего заведующего, свелась к исполнению текущих мелких переписок» [12, л. 116].

В это же время была предпринята попытка активизировать деятельность особой ликвидационной комиссии, предназначавшейся для взаимодействия с религиозными объединениями г. Барнаула. В конце сентября 1921 г. ее председателем стал заведующий Алтгубюстом Н. И. Шалаев. Однако этот орган и под его руководством не проявил достаточной активности для реализации основных положений декрета об отделении Церкви от государства [13, л. 7].

Постепенно все обязанности по проведению государственной религиозной политики на территории Алтайской губернии все более полно стали брать в свои руки исполнительные органы местных Советов (на них в последующем и будут переложены обязанности специализированных отделений (НКЮ и НКВД). В начале 1922 г. при уездных исполкомах были образованы «столы по отделению церкви от государства». В феврале подобный орган появился и при отделе управления Алтайского губисполкома. Его руководителем, в начале марта 1922 г., был назначен заведующий одного из подотделов губисполкома, Н. И. Душин. Во второй половине марта он уже представил заведующему управлению Пулькину доклад об общем состоянии государственной религиозной политики на Алтае и об итогах более чем годичной работы специального подразделения губюста — ликвидационного отделения. В этом документе Душин указал, что в переданных ему материалах он не нашел каких-либо инструкций и указаний о порядке отделения Церкви от государства, а обнаружил в них только текст самого декрета, 3 дела и разную переписку «в странно хаотическом состоянии». Наряду с этим, он отметил, что еще 20 дел, переданных 16 марта 1922 г. вновь образованной комиссии по изъятию церковных ценностей, содержали грубые нарушения декрета Совнаркома. «В некоторых делах, — писал Душин, — были описи церковного имущества, а в некоторых, — только списки граждан, однако те

договоры, какие должны были быть заключены между гражданами и местными Советами о передаче в бесплатное пользование всего церковного имущества — отсутствовали». Как следовало из доклада, в 1920—1921 гг. по г. Барнаулу было зарегистрировано всего лишь 6 религиозных общин — общей численностью в 916 верующих, а по огромному Барнаульскому уезду — всего 10 общин со 120 прихожанами [8, л. 112]. Полный учет всех религиозных обществ закончился толь-

ко к 1 апреля 1925 г. К этому времени на территории Алтайской губернии была зарегистрирована 351 православная община [9, л. 17-18].

Медленная и долговременная по продолжительности реализация некоторых положений декрета была вызвана, прежде всего, отсутствием единого централизованного руководства. Отделение Церкви от государства на Алтае в 1920—1923 гг. осуществляли 6 исполнительных органов, подведомственных 3 административным учреждениям.

Библиографический список

1. Худяков А. А. История Алтайского края. Барнаул, 1971. 2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). ФР. 10. Оп. 1. Д. 626. 3. Там же. Д. 586. 4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 393. Оп. 11. Д. 13.	5. ГААК. ФР. 10. Оп. 1. Д. 627. 6. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 467. Оп. 1. Д. 86. 7. Там же. Д. 81. 8. Там же. Д. 105. 9. ГАО ФП. 467. Оп. 6. Д. 30.

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск,
Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина, г. Бийск
Получено 04.02.13

A. P. Adlykova, D. I. Sidorenko

CONFESSIONAL POLITICS SOVIET AUTHORITIES IN ALTAI IN 1920-1923 YY.

In this paper, based on archival documents, identified by the authors, some of which was first introduced to the scientific revolution, an attempt to highlight the religious policy of the Soviet state (the central and local governments) in the Altai Mountains in 1920-1923.

russian Orthodox Church, the October Revolution, the Soviet government, the NKVD, the Civil War, the Moscow Patriarchate, the religious policy of the Soviet state, the Altai, the provincial executive committees

УДК 94(571)

М. В. Алейников

ДЕКАБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ 1986 ГОДА В АЛМА-АТЕ: ПРИЧИНЫ, ХАРАКТЕР, ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье, на основе опубликованных источников, включая интернет-ресурсы, раскрываются причины, характер и политические последствия декабрьских событий 1986 года в Алма-Ате.

тоталитарный режим, национализм, партийная номенклатура, национальная политика, сепаратизм

В условиях тоталитарного режима существующие национальные противоречия были загнаны вовнутрь. С ослаблением в период перестройки жестких государственных тисков они вырвались наружу, проявили свой разрушительный потенциал. Национализм в союзных республиках многие аналитики рассматривают в качестве одной из причин распада СССР. Неумелые попытки реформирования советской системы неизбежно породили всплеск национального самосознания. Национальные чувства обострялись социально-экономическими неурядицами, кризисом коммунистической идеологии, политическими ошибками руководства страны. Отсутствие продуманной национальной политики привело задачу преобразования формы государственного устройства лишь к одному варианту решения — разрушительному.

Большинство российских исследователей процесса развала СССР не уделяют должного внимания событиям декабря 1986 года в Алма-Ате. Между тем, алмаатинский декабрь — 86 (известный также как Желтоксан), безусловно, можно считать прелюдией крушения советской системы, своего рода пристрелочным выстрелом по зданию Союза. И по сей день декабрьские события 1986 года в Алма-Ате вызывают самые противоречивые толкования и оценки.

В российских исторических и историко-публицистических работах, очерках, воспоминаниях трактовка этих событий остается в рамках версии, излагавшейся официальной советской пропагандой сразу же после «Желтоксана». То есть, по-прежнему утверждается, что в декабре 1986 года казахская молодежь, подстрекаемая нацио-

налистическими элементами, регионально-клановыми группировками вышла на улицы под националистическими, сепаратистскими и прочими экстремистскими лозунгами и вкупе с хулиганствующими, паразитическими и другими антиобщественными лицами учинила крупномасштабные беспорядки (напала на силы правопорядка, устроила поджоги и погромы, направленные против русского населения). В качестве одной из главных причин, вызвавших эти события, обычно указываются «нерешительная» (а то и предательская) политика М. С. Горбачева, а также его попустительство подрывной деятельности националистов, сепаратистов, региональных кланов и, конечно же, западных спецслужб, что в конечном счете и «развалило» СССР.

В современной казахстанской историографии события декабря 1986 года обычно характеризуются как жестко подавленное тоталитарным режимом демократическое народное выступление (даже восстание), как выражение государственообразующей воли казахского народа к суверенитету и независимости. В частности, Н. А. Назарбаев (естественно, будучи уже президентом независимого государства) неоднократно отмечал, что «Желтоксан» положил начало обретению Казахстаном независимости и суверенитета. В своей книге «На пороге XXI века» президент Казахстана Н. А. Назарбаев подчеркивает: «Декабрьские события 1986 года показали, насколько выросло национальное самосознание казахской молодежи. Молодежь перед всем миром доказала, что национальная гордость, присущая каждому народу, не может дальше терпеть любое проявление насилия» [1].

До сих пор в Казахстане ведется полемика об инициаторах волнений в декабре 1986 года, о подлинных «кукловодах», о загадках начального периода выступлений и прочих «белых пятнах». Причем нет недостатков в самых разных конспирологических версиях и вытекающих отсюда обвинениях в адрес конкретных лиц, даже самого Н. А. Назарбаева (последнее, естественно, имеет место лишь за рамками «системного» политического пространства). Вся эта полемика так же, как и требования довести до конца расследование, продолжают оставаться частью современной политической жизни Казахстана.

Пролить свет на закулисные декабрьских событий 1986 года в Алма-Ате представляется интересным для современного российского исследователя, так как позволяет более глубоко познать особенности взаимоотношений центра и союзных республик в период «перестройки», некоторые детали механизма развала советской системы.

Общеизвестно, что «спусковым крючком» декабрьских событий стал состоявшийся утром 16 декабря 1986 года V Пленум ЦК Компартии Казахстана, отправивший на пенсию многолетнего (с 1960 по 1962 и с 1964 по 1986 гг.) партийного лидера республики Динмухамеда Ахмедовича Кунаева и «единогласно избравший» на его место Геннадия Васильевича Колбина, работавшего до того Первым секретарем Ульяновского обкома КПСС. Декабрьский Пленум ЦК Компартии Ка-

захстана, послуживший поводом к началу протестов, был лишь официальным оформлением ранее принятых решений. Принимались они не в Алма-Ате, а в Москве (Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым), келейно, что было воспринято как грубый диктат центра в отношении республики. Население было поставлено перед свершившимся фактом, ему никто и не собирался объяснять, почему весьма авторитетного в Казахстане деятеля, представителя «титульной нации», вдруг заменили на «варяга», никак не связанного с Казахстаном. Существующий порядок распределения должностей был нарушен. Национальная гордость казахов и интересы здешних кланов оказались ущемлены. Казахское население желало видеть на должности главы республики представителя местной элиты. Следует отметить, что процесс казахизации начался еще до распада СССР — в 1980-е годы [2]. И попытки его затормозить, а тем более, повернуть вспять, неизбежно встречали негативную реакцию.

Если в «застойный» период и тем более предшествующие времена было не принято (и невозможно) открыто обсуждать решения высшего руководства, не говоря о том, чтобы осуждать их, то во время набравшей обороты «перестройки» ситуация существенно изменилась. Людям уже успели прожужжать все уши насчет «гласности» и «демократизации», их постоянно призывали активно участвовать в общественной жизни, внося тем самым свой вклад в искомое «ускорение». А тут такой повод для проявления гражданской позиции — келейно назначенный «варяг». Противоречие между традиционно-командными действиями центра и провозглашаемыми демократическими принципами перестройки стало очевидным.

Не останавливаясь подробно на реконструкции хода событий, отметим лишь, что демонстрация казахской молодежи на площади имени Л. И. Брежнева (Новая площадь) Алма-Аты переросла в жестокие столкновения. Точных данных о количестве жертв и пострадавших нет до сих пор. По неофициальным данным в ходе подавления беспорядков было убито 174 человека, из них 168 скрыто похоронено в 58 захоронениях на кладбище «Западное» и других местах [3]. Оппозиционные политики обвиняют руководство Казахстана в нежелании довести до конца расследование декабрьских событий и открыть правду людям. Действительно, «белых пятен» во всей этой истории предостаточно. Документы, касающиеся декабрьских событий, видимо, хранятся в архивах Москвы и Алма-Аты и еще не опубликованы. Оппозиционный казахстанский политик Жасарал Куанышалин считает, что многие документы власти успели уничтожить [4].

Однако сейчас уже совершенно ясно, что тот декабрьский бунт не был ни спонтанным, ни стихийным. Казахские чиновники и представители казахской националистической интеллигенции (представители ряда вузов) участвовали в организации беспорядков. Плакаты и транспаранты были изготовлены заранее. Выводы «Комиссии Президиума Верховного Совета Казахской ССР по окончательной оценке обстоятельств, связанных с со-

бытиями в Алма-Ате 17-18 декабря 1986 года», обнародованные в сентябре 1990 года, вызывают сомнения. Там отмечалось: «Выступления казахской молодежи в декабре 1986 года в Алма-Ате и ряде областей Казахстана не были националистическими — это была первая попытка воспользоваться гарантированным Конституцией декларируемым перестройкой правом на свободное выражение гражданской и политической позиции. Глубокие причины недовольства молодежи ушли своими корнями в низкий жизненный уровень, социальную несправедливость и издержки командно-административной системы» [5]. На наш взгляд, официальный лепет о социальных причинах беспорядков был абсолютно несостоятелен. Простые люди всех национальностей были обречены существующим режимом на прозябание. Русские Казахстана отнюдь не находились в более привилегированном положении, чем «угнетенные» казахи. Вместе с тем именно они построили промышленность в республике, основали города, распахали целинные земли, лечили, учили и воспитывали казахское население. Стоит отметить, что процент казахов среди студентов вузов уже в 1980-х годах был выше, чем других национальностей. Так, в КазГУ в 1986 году количество студентов коренной национальности составляло 70%, преподавателей — 80% [6]. Политика Л. И. Брежнева, не склонного к проведению реформ, способных нарушить status quo, создала определенную атмосферу вседозволенности и была хорошо принята местными элитами, которые использовали времена застоя в своих целях. Д. А. Кунаев же являлся ставленником Леонида Ильича и его верным соратником. Закономерно, что горбачевская заявка на перемены и начавшаяся политика «защитки кадров» вызвали настороженность клановой партноменклатуры Казахстана. Казахское студенчество было встроено в систему родовых и клановых связей и использовалось во время декабрьских событий как инструмент закулисных «кукловодами». В лозунгах, под которыми выступали «повстанцы», не было ни единого слова о материальном неблагополучии или жилищном неустраиваемости. Плакаты и транспаранты гласили: «Каждому народу — свой лидер!», «Не быть 37-му!», «Положить конец великодержавному безумию!», «Хватит диктовать!», «Казахстан неделим!» и т. д. То есть требования демонстрантов были политическими. «Казак жассасын!» («Да здравствуют казахи!»), «Казахстан — для казахов!», «Казахстаном должен управлять казах!» — вот что скандировала многотысячная толпа [7]. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что в вузах Алма-Аты большинство студентов составляли «национально — ориентированные» представители юга Казахстана. Д. А. Кунаев был представителем Старшего жуза (территория южного и юго-восточного Казахстана) из рода ысты. Он активно расставлял на ключевые посты в республиканской номенклатуре своих людей (при этом балансируя между интересами разных жузов и русскоязычного населения). Некоторые исследователи обоснованно считают, что именно не пожелавшие расстаться с властью лидеры Старшего жуза инспи-

рировали массовые беспорядки и столкновения в декабре 1986 года [8]. Митинги и демонстрации не ограничились Алма-Атой, они прошли также в Караганде, Джесказгане, Чимкенте, Павлодаре, Талды-Кургане, Аркалыке, Кокчетаве, Сарыозеке, Талгаре и других городах. Как вспоминал первый заместитель Председателя КГБ СССР Филипп Денисович Бобков, находившийся в те трагические дни в Алма-Ате: «Я видел потом кадры видеозаписи, и меня поразила жестокость возмущенной толпы» [9]. Используя традиционные директивы и методы в кадровой политике, Центр не ожидал столь сильного протестного взрыва в этой стабильной и спокойной республике. Некомпетентные и самоуверенные действия центральной власти сыграли провокационную роль. Обострился национальный вопрос. События внесли трещину в отношения между людьми русской и казахской национальности. «Желтоксан» стал предметом политических спекуляций. И по сей день, общая тенденция направлена на героическо-патриотическую позолоту декабрьского бунта, как со стороны казахстанской власти, так и со стороны оппозиционеров и организаций, специализирующихся на казахском национализме.

Почему же были приняты такие, мягко говоря, неудачные решения? Ответы на этот вопрос до сих пор даются самые разные. Однако всех их объединяет нечто общее — все крутится вокруг трех главных персонажей: Д. А. Кунаева, Н. А. Назарбаева и, естественно, М. С. Горбачева. Рассмотрим суть основных версий.

Д. А. Кунаев оказался в числе главных «подозреваемых» почти сразу же после декабрьских событий. Суть этой версии такова, что Д. А. Кунаев, используя свой авторитет и влияние в республике, спровоцировал волнения, желая доказать Центру свою незаменимость и добиться если не своего возвращения на высший пост, то назначения на него подконтрольной ему фигуры. Поэтому именно Д. А. Кунаев якобы подтолкнул М. С. Горбачева к назначению не Н. А. Назарбаева (отношения с которым у Д. А. Кунаева к тому времени испортились), считавшегося очевидным преемником, а заведомо «непроходного» Г. В. Колбина. Орготделом ЦК КПСС был предложен ряд кандидатур местных партдеятелей (Е. Ауельбеков, З. Камалиденов, С. Мукашев, Н. Назарбаев и др.). Однако, когда о них спросили мнение Д. А. Кунаева, то тот дал отрицательный ответ, заявив, что в республике подготовленных людей нет, и на пост Первого секретаря ЦК Компартии Казахстана надо искать «человека со стороны».

Эту версию фактически поддерживает и М. С. Горбачев в своей книге «Жизнь и реформы»: «Смысл его (Кунаева) рассуждений состоял в том, что осложнение обстановки в Бюро ЦК связано с интригами премьер-министра Нурсултана Назарбаева, который рвется к власти. Динмухамед Кунаев крайне негативно характеризовал его, все время повторял: «Это опасный человек. Его надо остановить» [10].

Впоследствии Д. А. Кунаеву инкриминировалось также и то, что он отказался выступать перед демонстрантами и уговорит их разойтись.

А вот свидетельство первого заместителя Председателя КГБ СССР Ф. Д. Бобкова, прибывшего 17 декабря 1986 года в Алма-Ату в составе специальной группы во главе с членом Политбюро ЦК КПСС М. С. Соломенцовым: «По отдельным замечаниям Г. В. Колбина стало ясно, что основную вину за все, что произошло, они возлагают на Председателя КГБ Казахской ССР В. М. Мирошника, не обратившего должного внимания на козни кунаевских ставленников, якобы организовавших эти провокационные выступления... Все осуждали Кунаева, который отказался выступить на митинге и призвать собравшихся на площади поддержать избрание Колбина» [11].

Правда, у самого Д. А. Кунаева прямо противоположная трактовка событий, как относительно его рекомендаций М. С. Горбачеву, так и на счет своего поведения в здании ЦК 17 декабря. Он утверждает: «Когда Михали Горбачев вернулся из Индии, согласно нашей договоренности я приехал в Москву. Был у Михаила Горбачева и вручил ему заявление с просьбой рассмотреть вопрос о моем уходе на пенсию... Он принял заявление и сказал, что поддерживает мою просьбу. В конце разговора спросил Михаила Горбачева о том, кто будет секретарем вместо меня. Он ответил: «Позвольте это решить нам самим». Затем мы попрощались, и я уехал в Алма-Ату». Д. А. Кунаев подтверждает, что утром 17 декабря его вызвали в здание ЦК, и он приехал. Но, по его словам, «о моем выступлении речь не шла, не смотря на то, что я просидел в кабинете Колбина свыше двух часов». А затем Кунаеву якобы было сказано: «Вы свободны, отдыхайте. Мы сами примем меры и наведем порядок» [12].

В кругах, оппозиционных нынешнему президенту Казахстана, получила хождение версия о том, что «тайным кукловодом» декабрьских событий был не кто иной, как сам Нурсултан Назарбаев, а также ряд других людей из его ближайшего окружения [13]. Якобы он рассчитывал занять место Кунаева, но в силу интриг его московских и алма-атинских недоброжелателей эти планы не смогли реализоваться. А вот массовые беспорядки, с одной стороны неизбежно скомпрометировали бы Кунаева и его сторонников (дескать, до чего довели республику), а с другой, показали бы неприемлемость для Казахстана «варяга» Колбина и необходимость замены его на «местного», то есть на уже тогда стоявшего в первом ряду претендентов на высший республиканский пост Назарбаева. Собственно, это в конечном счете и произошло: Колбин продержался в Казахстане менее трех лет (16 декабря 1986 — 22 июня 1989 г.), и его преемником стал Нурсултан Абшиевич. В пользу этой версии высказываются опальный экс-зять президента диссидент — политэмигрант Рахат Мухтарович Алиев. По его словам, Назарбаев приказал уничтожить архивы по Декабрю 1986 года, поэтому исследователи там уже ничего не найдут. Лишь в московских хранилищах документы лежат нетронутыми [14].

Наконец, есть версия, что волнения были спровоцированы Кремлем, который опасался авторитета Д. А. Кунаева не только в Казахстане,

но и во всем Советском Союзе. М. С. Горбачев вынужден был постоянно учитывать опасность консервативного переворота. В целях укрепления своих позиций, он стал избавляться от старой брежневско-черненко-ской партийной номенклатуры.

В 1986-1989 гг. под давлением М. С. Горбачева было смещено со своих постов 82,2% секретарей обкомов, крайкомов и республиканских ЦК КПСС. На советских телеканалах была развернута мощная антигосударственная пропаганда, якобы для борьбы с мифическим механизмом торможения со стороны партийных кадров.

Следует добавить, что в числе причин, побудивших Кремль направить Г. В. Колбина в Казахстан, некоторые казахстанские общественные деятели называют якобы существовавший план передачи богатого энергоресурсами Западного Казахстана в состав РСФСР. Такую сенсационную трактовку декабрьских событий 1986 года в Алма-Ате дает вышеупомянутый Жасарал Куанышалин. Он утверждает, что скорая (за 17 минут!) смена Кунаева Колбиным и была запланирована, чтобы его руками осуществить этот план. По его мнению, декабрьские события 1986 года были восстанием, которое сорвало «коварный план Москвы» и сохранило Западный Казахстан. Хотя организация восстания была направлена на осуществление личных карьерных амбиций, получилось так, что выступление казахской молодежи сыграло роль тормоза в отторжении от Казахской ССР ее западного региона (чтобы объединить его с Оренбургом, в свое время также отторгнутым от Казахстана). Кремлевскому плану воспротивился Кунаев, что и привело к известным событиям. Тем самым бывший Первый секретарь ЦК Компартии Казахской ССР, по Куанышалину, спас территориальную целостность своей республики. А так как вся эта история получила широкий международный резонанс, то в этих условиях попытки присоединения западных областей Казахстана к России были бы не так поняты мировым сообществом. Поэтому Кремль временно отказался от своих намерений [15].

Эта версия иллюстрирует мнение, разделяемое многими историками и политологами, о том, что в истории декабрьских событий 1986 года еще много «белых пятен», что дает возможность некоторым исследователям по-своему «раскрашивать» их.

На наш взгляд, данная версия недостаточно обоснована. Каких-либо документальных доказательств нет. Обозначенный сценарий был маловероятен. Достаточно вспомнить две вещи: политическую и личную слабость Горбачева как руководителя, вряд ли способного на подобные решения, и разницу в объемах тогдашней нефтедобычи в России и в Казахстане.

События декабря 1986 г. — это первое в эпоху «перестройки» массовое выступление против действий советского руководства, которое демонстрировало непрофессионализм как в области экономической и социальной, так и национальной политики. Выступив с заявкой на перемены в обществе, власть оказалась неспособной к диалогу с ним. Горбачев и его команда не имели четко

продуманного стратегического плана реформ. Ошибки следовали за ошибками. Пока до конца не ясно, было ли это следствием управленческой некомпетентности или злым целенаправленным умыслом. Историк-профессионал должен строить свои выводы, опираясь на убедительную доказательную базу.

Хотя в суверенном Казахстане принято толковать декабрьские события 1986 года как проявление воли народа к свободе и независимости, утверждать, что выступление казахской молодежи не было националистическим [16], автор данной статьи придерживается собственной точки зрения. По- нашему мнению, суть этих событий —

инициированные регионально-клановыми группировками, отдельными представителями казахского чиновничества и интеллигенции, националистически мотивированные выступления казахской молодежи против диктата Центра.

Алма-Атинский декабрь вскоре отозвался апрельским Тбилиси 1989 года, кровавыми январями в Баку (1990г.) и Вильнюсе (1991г.). На территории страны разрастались межнациональные конфликты. По мере ослабления Центра усиливался сепаратизм окраин. Центробежные силы стали преобладать над центростремительными. Советский Союз доживал последние месяцы.

Библиографический список

1. Назарбаев Н. А. На пороге XXI века. — Алма-Аты, 1996.
2. Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность. — М., 2007. — С. 138.
3. Уак Аркен Батталулы. Материалы геноцида организованного Н. А. Назарбаевым против казахского народа в декабре 1986 года. Жертвы 17-18 декабря 1986 года и нераскрытые преступления, требующие расследования [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://208.116.54.115/archive/book/arken_uak/genocyd_Nazarbaev.pdf; <http://astrokras.narod.ru/pub/Kazakhstan-3.htm>
4. Куанышалин Ж. Документы по Желтоксану систематически уничтожаются [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus.azattyq.org/content/article/>
5. Калишевский М. Загадки «Желтоксана». К 25-летию алма-атинских событий 16-18 декабря 1986 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fergananews.com/articles/7210>
6. Ларюэль М., Пейруз С. Указ. соч. — С. 138.
7. Ертаулов В. Там байство дикое // Завтра. — 2000. — № 10(327); Байрамов Т. Кто придет за Назарбаевым? // Новая газета. — 2006. — № 40-41.
8. Бирюков С. В. Элиты — клиенты как ключевой фактор политического развития центральноазиатских государств [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/>; Шустов А. Межэтнические конфликты в Центральной Азии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zonakz.net/blogs/user/wladimir/7539.html>
9. Бобков Ф. Д. КГБ и власть. — М., 1995. — С. 333.
10. Горбачев М. С. Жизнь и реформы: В 2 кн. — М., 1995.
11. Бобков Ф. Д. Указ. соч. — С. 331.
12. Кунаев Д. А. О моем времени. — Алма-Ата, 1992.
13. Куанышалин Ж. Урок оказался не впрок [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.respublika-kaz.biz/news/tribune/8070/>
14. Массовые беспорядки в Казахстане 1986, 1989 и 2011 годов: астрологический анализ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://astrokras.narod.ru/pub/Kazakhstan-3.htm>
15. <http://panoramakz.com/archiv/2006/49.htm>
16. Шаханов М. Алма-Ата. Декабрь 1986. Правда и ложь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://jeltoksan.narod.ru/shahanov.html>

Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина, г. Бийск
Получено 04.02.13

M. V. Aleinikov

THE DECEMBER EVENTS OF 1986 IN ALMA-ATA: REASONS, CHARACTER, CONSEQUENCES

The article is based on the publication and the Internet resources; here are given reasons, character and political consequences of the December events in 1986 in Alma-Ata.

totalitarian regime, nationalism, party nomenclature, national policy, separatism

УДК 929

И. В. Антонова

СЛОВО КРАТКОЕ ОБ УГРЕШСКОМ ЗАТОЧНИКЕ — МИТРОПОЛИТЕ МАКАРИИ НЕВСКОМ

В статье, на основе анализа опубликованных материалов, авторами которых являются церковные и светские историки, автором предпринята попытка воссоздать портрет одного из активнейших слугителей Алтайской Духовной миссии — Макария Невского, а также рассказать о его последних годах жизни Митрополита Алтайским и Коломенским.

русская Православная церковь, Алтайская Духовная миссия

Особые страницы истории Николо-Угрешско-ковского Макария (1835—1926). Это были самые трагические годы, когда древнейший и известней-

ший подмосковный монастырь, насчитывающий без малого 550 лет своего существования и ни разу за это время не закрывавшийся, угасал. В течение 1918–1920 годов в Москве и Подмосковье в основном была завершена национализация церковных и монастырских имуществ. Один за другим закрывались храмы, но среди всеобщей нравственной агонии очагом святости оставались кельи опального митрополита Макария, великого миссионера Алтая, прошедшего в стенах Николо-Угрешского монастыря последние восемь лет своей жизни. Об этом сохранилось немало свидетельств, но наиболее ценными являются воспоминания епископа Серпуховского Арсения (Жадановского), наместника Чудова монастыря, хорошо знавшего и очень почитавшего великого старца. Епископ Арсений часто навещал митрополита Макария в Николо-Угрешском монастыре, присутствовал при его кончине и погребении в Котельниках. Впоследствии владыка Арсений разделил трагическую участь многих священнослужителей, погибших в сталинских застенках. Его «Воспоминания», изданные в 1995 году Православным Свято-Тихоновским богословским институтом, являются одним из немногих дошедших до нас памятников церковной мемуарной литературы XX века. Книга представляет собой серию очерков о величайших подвижниках православия.

Митрополит Макарий, в мире Михаил Андреевич Парвицкий, а по семинарскому прозвищу Невский, родился 1 октября 1835 года в селе Шапкине Ковровского уезда Владимирской губернии, где служил его отец — диакон Андрей Иванович Парвицкий. Михаил был шестым ребенком в семье, едва сводившей концы с концами. В 1843 году нужда заставила Парвицких перебраться в Тобольскую губернию. Затем семья переехала в Томскую губернию, а Миша остался один в Тобольской «бурсе». Мальчик рос кротким и тихим. Тоска по матери выработала у него склонность к уединению, и в семинарии его считали почти отшельником.

После окончания семинарии вторым по успехам среди студентов юноша решил посвятить себя миссионерскому служению. Он поехал в далекий и неведомый Алтайский край, в самый глухой и отдаленный стан на Телецком озере, где намечалось устройство Чулышманского Благовещенского монастыря. После пострига в марте 1861 года о. Макарий направляется миссионером на служение в Чемальский стан, затем вновь в Чулышман, в Улалу и Чопош. В 1861—1866 годах он занимается печатанием богослужебных книг на алтайском языке в Петербурге, а в 1868—1869 годах в Казани работает над грамматикой алтайского языка вместе с известным востоковедом профессором Н. И. Ильминским, затем вновь служит на Алтае. В 1871 году иеромонах Макарий был возведен в сан игумена и назначен помощником начальника миссии. На нем теперь лежала большая ответственность: ежегодное инспектирование всех миссионерских станов и наблюдение за ведением школьного дела, которое благодаря его усилиям заметно оживилось.

В 1883 году игумен Макарий был возведен в сан архимандрита и назначен главой Алтайской миссии, а уже в 1884 году хиротонисан в епископа Бийского и занимал там архиерейскую кафедру до 1891 года, когда его перевели в Томск. Все эти годы отца Макария не оставляли заботы и думы о миссии. Он продолжал оставаться ее душой и главным руководителем. Обезжая южные приходы епархии, владыка обязательно посещал Улалу и родной ему Чемал, где им было открыто двухклассное женское училище, выпустившее впоследствии много способных учительниц.

В 1906 году преосвященный Макарий посвящен в сан архиепископа, а в 1912 году был возведен на святительскую кафедру первопрестольной столицы, хотя никогда не стремился занять высокое положение, не заботился о своей карьере и даже как будто не имел для нее внешних данных. Однако «у владыки Макария в прошлом был полувекковой миссионерский подвиг, природная способность учительства и продолжительный монашеский, святительский и старческий опыт; он имел приобретенные долготелней жизнью всесторонние познания, даже чисто житейские, практические, во сто крат превышающие всякие академические степени. Все это не могло укрыться от тех, кто был поставлен на страже хранения православия, и смиренного святителя вызвали из далекой Сибири в Москву, — писал в своих «Воспоминаниях» епископ Арсений (Жадановский), — Москва должна была бы радоваться назначению такого светильника, но она, к сожалению, «не познала» его. Гордые, обольщенные своим образованием современники не ценили просветительской деятельности митрополита Макария».

Столичное духовенство не приняло нового митрополита, ведь здесь он продолжал то же учительство, которому была посвящена вся его жизнь. Он старался апостольски наставлять священнослужителей, что многим не нравилось. Сам же митрополит Макарий был во всем образцом для подражания, но, «к сожалению, столь дивного архипастыря современная Москва не приняла. Гордой столице не понравилось его простое учительство, его строго церковное патриархальное направление» [1].

Драма митрополита Макария хоть и совпала по времени с революционными переменами в России, все-таки была другого рода, а происходящие события лишь усугубили ее. После февральской революции в Синод была послана делегация, якобы представляющая всех верующих, с ходатайством провести в Москве выборы нового митрополита. Назначенный Временным правительством обер-прокурор Святейшего Синода Львов в сопровождении военной охраны явился к митрополиту Макарию на Троицкое подворье в Петербурге и насильно, с окриками и угрозами, принудил его подписать прошение об отставке. Под таким ужасным давлением, лишенный какой бы то ни было поддержки, митрополит Макарий уступил и подал требуемое от него прошение. Возникло очень странное противоречие: митрополит Московский был лишен кафедры по неспособности к управлению, но при этом ему тут же преподнесли от Си-

нода адрес, в котором восхвалялись его деятельность, миссионерские труды на Алтае и любовь к нему простого народа в Москве. К тому же, по церковным каноническим правилам, насильственное лишение епископа своей кафедры являлось недействительным, даже если оно произошло по прошению изгоняемого. Написанное под угрозой прошение тем более не имел никакой силы.

Митрополит Макарий был изгнан из Москвы, и «чуть ли не насильственным путем водворили его в Николо-Угрешском монастыре: окружной дорогой повезли Святителя на ближайшую к Угреше станцию, не дав ему даже возможности заехать в Москву и проститься с паствой. Выслана была одна лошадь с весьма грязным экипажем, в котором и перевезли Владыку на место заточения. Добрые люди передавали, что нельзя было без слез смотреть на это унижение Московского митрополита» [2]. Как не вспомнить здесь о судьбе другого узника — мятежного протопопа Аввакума, просидевшего 17 недель в угрешской темнице в 1666 году?!

Митрополит Макарий не смог смириться с совершенным по отношению к нему правонарушением и с теми унижениями, которым он подвергся. Насильно водворенный на Угреше, митрополит испытывал нравственные страдания, так как он до конца жизни хотел трудиться на своем поприще. По поводу своего смещения митрополит Макарий сделал заявление сначала устно Святейшему Синоду, а потом письменно патриарху Тихону. Он писал, что был лишен управления Московской епархией без суда и достаточных оснований, с нарушением всех правил.

2 апреля 1917 года митрополит Макарий разослал всем епископам Московской епархии послания, в которых говорилось, что его увольнение «факт небывалый для Московской митрополии. Московские митрополиты никогда не увольнялись на покой: ни по болезни, ни по старости, ни по слепоте, ни даже при проявлении психического расстройства. Тем более, мне не предъявили какой-либо служебной неисправности или запущенности дел».

Противникам святителя Макария одного изгнания оказалось недостаточно. Унижения владыки продолжались и далее. 15 августа 1917 года в Москве открылся Всероссийский Поместный Собор, на котором был избран патриарх Тихон. Опального митрополита не допустили даже на заседания миссионерского отдела. Он обратился к Собору с просьбой хотя бы разобраться в его деле и расследовать справедливость тех обвинений, по которым он был отстранен от управления Московской епархией, считая это необходимым не столько лично для себя, сколько для чести всей Русской Церкви. Однако прошение митрополита Макария долго не рассматривалось. Даже патриарх Тихон как-то мало вспоминал о деле опального святителя, хотя относился к нему с большим уважением, материально поддерживал и навещал его на Угреше. Собор все-таки внял настойчивому ходатайству сибирских архипастырей-миссионеров и вынес полное оправдание митрополиту Макарию. К сожалению, это постанов-

ление не было объявлено всенародно, а лишь негласно было сообщено ему одному. Лишь спустя три года после удаления на Угрешу великий старец был утвержден митрополитом Алтайским. Этот сан он носил до конца своих дней. Однако заключения опального владыки не окончились. Кроме унижений и оскорблений, которые ему пришлось вынести от высшего духовенства, «угрешский заточник», как он сам называл себя, подвергся неоднократным оскорблениям со стороны советской власти. Об этом мы находим свидетельства в донесениях самого митрополита Макария патриарху Тихону, в повести «Перед прыжком» люберецкого комсомольца 1920-х годов Дмитрия Еремина, в документальной прозе историка Д. Л. Голикова [3], в прошлом юриста и следователя по особо важным делам, в газетных публикациях того времени.

В газете «Известия» от 8 августа 1918 года под броским заголовком «Обнаружен штаб контрреволюции в покоях митрополита Макария» описал одно из посещений монастыря люберецкий поэт и драматург Степан Петрович Федулов, непримиримый борец с врагами революции: «Обыск начался с покоев самого митрополита Макария, во время которого обнаружено много документов, свидетельствующих о его контрреволюционной деятельности». Автор сообщает, что на письменном столе найдено только что составленное воззвание к православному русскому народу по поводу гибели Николая II. Вот это воззвание: «По случаю страдальческой кончины бывшего государя императора Николая II.

Не стало верного сына Святой Православной Церкви и ее милостивого покровителя. Не стало того, имя которого было для одних священо, для других — страшно, для иных — невидимо. Нет того, которого некогда встречали радостно, как царя, как еврея Христа, с криком восторга, а потом распяли. <...> Будем же молиться об упокоении души благоверного сына Церкви, потомка царственного дома Романовых».

В статье сообщается, что «игумен монастыря [4] арестован и препровожден в распоряжение ВЧК по борьбе с контрреволюцией» и что в покоях митрополита Макария был найден проект организации государственной власти путем создания специально для этой цели Союза общин. Пункт первый этого проекта гласил, что все выборы и всякое представительство в России должно осуществляться через приходские общины, чтобы таким образом создать действенную, могущественную и единую власть в стране, какой может быть только власть, опирающаяся на религиозные чувства масс. Найденные документы свидетельствовали, что митрополит Макарий состоял почетным членом Московского общества военной агитации по укреплению православной веры в России. У владыки при обыске, как пишет газета, были еще обнаружены: устав общества военной агитации; программа и устав крестьянской социалистической партии.

Посещения Николо-Угрешского монастыря представителями новой власти были нередкими. Как правило, они сопровождалась унижениями и

оскорблениями опального владыки. Вот что писал митрополит Макарий патриарху Тихону об одном из таких «визитов» в своем донесении от 11 октября 1918 года: «В 6 часов вечера, 3 октября, когда началось вечернее богослужение в моей домово́й церкви, вошли несколько вооруженных револьверами лиц через парадную лестницу прямо в алтарь, а туда в смежный молитвенный зал, где, по обычаю, я нахожусь во время богослужения» [5]. Направив на митрополита пистолет, вошедшие потребовали указать место хранения денег и ценных вещей, которых, кроме предметов церковного обихода, необходимых при богослужении, по утверждению митрополита, у него никогда не было. Один из пришедших надел на себя облачение и митру, а второй сорвал крестик со скуфьи, бывшей на голове митрополита Макария, и рванул его за бороду. Проведя обыск в ризнице, пришедшие забрали ценную митру с дорогим крестом, две ценные панагии и наперсный крест, сорвали кресты с головных бархатных скуфей. В своем послании митрополит Макарий просит патриарха Тихона прислать ему для временного пользования из патриаршей ризницы митру с крестом. По поводу описанного события патриарх обратился в Совет Народных Комиссаров и, получив оттуда ответ, что расследование по делу об оскорблении митрополита Макария назначено, препроводил эту официальную бумагу своим письмом:

«Высокопреосвященнейший Владыка, возлюбленный о Христе брат! Посылаю Вам из ризницы подворья митру с крестом. Не знаю, по голове ли она окажется Вам. Можно будет после подобрать из Лаврской ризницы. Со скорбью прочитал письмо Ваше о набеге бандитов на Вас. Пишу по сему делу подробно нашим народным комиссарам. На днях отправил и большое послание по поводу всего совершившегося у Вас. Да хранит Вас Господь.

Прошу Ваших святых молитв и с братской любовью остаюсь Вашего Высокопреосвященства покорнейший слуга патриарх Тихон».

Это письмо показывает, что два величайших иерарха Русской Православной Церкви относились друг другу с огромным уважением. Утверждение некоторых авторов, будто митрополит Макарий не мог простить патриарху Тихону, что тот после него стал Московским митрополитом, а по избрании его патриархом ни разу до 1924 года не вступал с ним ни в какие отношения, совершенно неверно. На этом письме митрополит сделал приписку: «17 ноября приезжал к нам от СНК судебный следователь, записал то, что написано было в моем донесении патриарху, и о сообщении последнего СНК. Митрополит Макарий». Было еще два донесения митрополита Макария о подобных событиях в Угреше 20 июля и 20 октября и прошение о возвращении взятого.

В дело вмешался сам Ленин. 25 ноября 1918 года он посылает гневную записку Наркому юстиции РСФСР Д. И. Курскому: «Предлагаю Вам совершенно немедленно назначить строжайшее судебное следствие по возмутительному делу об оскорблении действием 80-летнего старца, бывшего митрополита Московского Макария, и о дру-

гих противозаконных поступках группы лиц, ворвавшихся во время богослужения в Николо-Угрешский монастырь. О ходе следствия прошу меня уведомить. Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)». К записке были приложены копии письма патриарха Тихона к председателю СНК и выписка из письма митрополита Макария.

Это происшествие сильно повлияло на здоровье митрополита Макария. С ним случился нервный удар, появилась бессонница. И он даже хотел перейти из Угреши в другой монастырь, но вышеприведенное письмо Патриарха и получение от него митры ободрило и успокоило опального старца. За святотатство и оскорбление владыки последовала и Божья кара: С. П. Федулов, принимавший в «визите» участие, прожил совсем недолго и умер в 1920-х годах.

Все время пребывания митрополита Макария в Николо-Угрешском монастыре можно разделить на два периода. Первый период составил три с половиной года до его болезни (инсульта и паралича), второй — до конца жизни, проведенной большей частью в постели или в инвалидной коляске. Владыке Макарию пришлось немало пережить во время его пребывания в Угреше. Терпел он и голод, и холод, что не могло не сказаться на его здоровье. Скрасить скудное существование помогали опальному митрополиту простые люди, которые старались во всем ему помочь, а он самые незначительные дары принимал лично, тут же благословлял приносящих, благодарил их и усердно за них молился. В этом он, наверное, ни у кого не оставался в долгу. Синодик его был исписан множеством имен живых и умерших, поминаемых им ежедневно на литургии и в частной молитве.

Пока хватало сил, митрополит Макарий по воскресеньям и праздничным дням служил в монастырском соборе, говорил поучения, принимал на благословение народ. Очень трогательно относился владыка к детям из колонии Наркомфина, открывшейся в Николо-Угрешском монастыре в 1918 году. Об этом нужно рассказать особо. В постановлениях губисполкома за 1919 и 1920 годы неоднократно говорилось о необходимости передачи части храмов для их использования под школы, причем отмечалось, что вопрос надо решать так, «чтобы религиозные потребности населения без ущерба для верующих могли совершаться в оставшихся храмах». В протоколе заседания президиума Московского губисполкома от 30 января 1920 года «Об использовании религиозных храмов» есть следующая маловразумительная запись: «Хотя стоял вопрос об использовании храмов и молитвенных домов, но что касается монастырей, то в инструкции это упущено ввиду того, что монастыри имеют свое хозяйство. В данном случае, в зависимости от нужды в помещениях, нужно ставить себе конкретную задачу и ее разрешать, но проводить в жизнь необходимо с большой осторожностью».

В первый же год советской власти в Николо-Угрешском монастыре была создана детская колония Наркомфина. В Дзержинском историко-кра-

еведческом музее хранится письмо Варвары Кузьминичны Чуренковой (1907—1993) от 22 мая 1993 года, адресованное Святейшему Патриарху Алексию II, в котором она подробно рассказывает о своей жизни в этой детской колонии. Она пишет: «Я попала в Угрешский монастырь под Москвой весной 1918 года. Это было очень красивое место. Монахи тогда еще вели свое хозяйство: большие фруктовые сады. В основном колония состояла из детей светского сословия, которые все имели родителей. Жили мы в прекрасных гостиницах, летних и зимних, и каждая имела свое название. Дети дошкольного возраста жили с родителями, учащиеся жили в интернате. У нас были воспитатели и учителя, которые раньше работали в светских домах или преподавали в гимназиях. Нам было предоставлено много разных игр. Нам преподавали ритмику, была учительница по музыке... — всего не перечислишь.

В ограде монастыря находился небольшой дом, в котором жил митрополит Макарий. Он был парализован, его возили в кресле-коляске прекрасные женщины, очень опрятные. Мы, дети, ходили к митрополиту. У него вокруг дома была застекленная веранда. Он нас благословлял. Мы становились вокруг его кресла на колени и пели ему: «Был у Христа-Младенца сад». Он очень любил, когда мы ему пели, и давал нам маленькие иконки.

В этом доме была небольшая церковь [6], и мы пели там заутреню, а на Пасхе и обедню. Регентом были наш завхоз колонии. И тут же в доме была звонница. И я очень любила звонить в эти колокола — вплоть до мозолей. Из дома митрополита был еще один выход в большой фруктовый сад. Там росло все, вплоть до орехов. Нас неоднократно пускали в этот сад...»

Об этой колонии, называя ее образцовой, рассказывает в своих «Воспоминаниях» и епископ Арсений (Жадановский). Он пишет, что начальницей колонии была Ольга Серафимовна Дефендова (в тайном постриге Серафима), «сестра, по усердию служившая на Угреше престарелому архипастырю до самой смерти».

Митрополит Макарий очень любил детей, «не терял случая благотворно влиять на них, всегда любил благословлять, учить и наставлять». Ольга Серафимовна Дефендова так описывает общение детей из угрешской колонии с владыкой [7]: «Дети первые, кажется, внесли некоторую отраду в жизнь нашего заточника, который среди них отдыхал душой. Каждый день они прибегали за благословением и советом к старцу: то урока боялись, то кто-то палец порезал, то мама прислала булочку сдобную. Время тогда было голодное и булочки считались дивом.

В утешение святителю дети говорили стихи, читали молитвы, пели из «Лепты», а он учил их священной истории, задавал уроки, спрашивал и вразумлял. В праздники малыши прибегали к обедне, а в дни Ангела непременно исповедовались и причащались.

Дети очень любили старца и не боялись его, льнули к нему своей ангельской душой. Все пер-

вое, лучшее дети несли Владыке: цветочек, травку, даже снежинку. Птичка, свечка, котенок — все перебывало у него на коленях, и он ласкал Божии создания своей святительской рукой. <...> Так утешали дети святого нашего старца, он же всем отвечал одинаковой любовью и лаской. Трогательно было все это видеть и наблюдать!»

Несколько лет назад русская актриса Эдда Урусова в телепередаче, посвященной ее 85-летию, рассказала о детской колонии в Николо-Угрешском монастыре много интересного. В частности, она поведала о постановке спектакля «Борис Годунов». Его было особенно интересно смотреть в стенах древнего Угрешского монастыря.

В эту пору монастырь еще существовал. В обители, по свидетельству епископа Арсения, оставалось сорок иноков из прежних двухсот. Все они постепенно по достоинству оценили святителя-изгнанника: по очереди приходили служить с ним и относились к нему с большой любовью. Владыка был также очень расположен к ним. Часто навещал опального митрополита угрешский настоятель, архимандрит Макарий (Ятров). Владыка встречал его всегда с радостью и оказывал ему всякое внимание, а в праздники посылал поздравление и просфору.

По-отечески относился митрополит Макарий и к автору «Воспоминаний» епископу Арсению, который сильно переживал совершенные по отношению к старцу несправедливости. Святитель это, конечно, чувствовал и относился к нему с большим доверием. Епископ часто навещал «угрешского заточника», и опальный митрополит проявлял к нему неизменное гостеприимство и любовь. Они постоянно обменивались письмами. Владыка Арсений называл митрополита «своим дивным покровителем».

Митрополит Макарий очень любил природу. На Угреше у него был хороший телескоп, и в лунные ночи он наслаждался звездным небом. Старец очень бережно относился ко всему живому. Даже надоедливые крики грачей во время весеннего гнездования не раздражали его. Когда жившая в доме кошечка забиралась на его кровать, он не позволял ее тревожить, говоря: «Не трожьте, она спит». 6 августа 1920 года старец долго гулял, пришел радостный, светлый: «А я кругом всю монастырскую ограду обошел». Это была последняя его самостоятельная прогулка. Он как бы прощался с обителью, с окружающей ее природой. В тот же день у него произошел инсульт, после которого он не мог уже служить в монастырском соборе, сократил письменные занятия, но духовная жизнь святителя оставалась по-прежнему очень напряженной. Несколько раз посещал немощного митрополита патриарх Тихон, оказывая ему искреннее уважение, и старец был расположен к первосвятителю России. После того как патриарх утвердил его в сане митрополита Алтайского, все тяжелые недоразумения, создавшиеся в связи с изгнанием владыки из Москвы, забылись. Последнее богослужение патриарха в Угрешском монастыре было 9/22 августа 1924 года, в день праздника в память явления чудот-

ворной иконы святителя Николая Дмитрию Донскому. По свидетельству очевидцев, святитель Тихон при выходе из собора исцелил беснующуюся кликушу. Потом патриарх побывал в келье почти 90-летнего митрополита Макария, сфотографировался с ним и пожелал остаться наедине. При закрытых дверях у двух великих иерархов произошло какое-то объяснение. Наверное, они попросили друг у друга прощения. Это была их последняя встреча: в декабре 1924 года на патриарха Тихона было совершено покушение, а в апреле 1925 года он скончался.

Не раз навещал больного владыку Макария митрополит Петр (Полянский), который, став Патриаршим Местоблюстителем, считал своим долгом побывать у старца и испросить его благословения на новое, в высшей степени ответственное служение.

Большое утешение и оживление в жизнь «угрешского заточника» внес приезд архиепископа Бийского Иннокентия [8], 53 года прослужившего в Алтайской миссии. Выпущенный после девятимесячного заключения из Бутырской тюрьмы архиепископ Иннокентий искал себе пристанище и, обессиленный бесплодными поисками, старый, больной, едва добрал до Донского монастыря, где находился в заточении патриарх Тихон в мае-июне 1923 года. Случилось так, что в это время сестра Ольга Серафимовна Дефендова ожидала выхода заключенного патриарха на прогулку. Святейший, узнав в изможденном старце архиепископа Бийского Иннокентия, велел Ольге Серафимовне взять его с собой на Угрешу к митрополиту Макарию. Таким чудесным образом произошла встреча двух святителей, которые более полувека трудились на одном поприще.

Поселившись у митрополита Макария, маститый 80-летний старец стал его постоянным собеседником и помощником в богослужении. Так продолжалось до самой кончины митрополита Макария. Кроме того, приехала на Угрешу любимая духовная дочь владыки, чемальская игуменья Людмила, словно привезшая с собой частицу Алтая.

Владыка Макарий являлся митрополитом Алтайским не только номинально, но и фактически. Он рассматривал бумаги, отправлял на Алтай миссионеров, хиротонисал епископов, имел около себя помощником по управлению архиепископа Бийского Иннокентия, являвшегося главным наблюдателем миссии. Несмотря на болезнь и почтенный возраст, митрополит Макарий продолжал сохранять здравый ум, хорошее зрение и слух, но все-таки последние два года до смерти он был особенно углублен в себя и отвечал только на вопросы, относящиеся к духовной жизни. Тем временем в Николо-Угрешском монастыре закрывалось все больше храмов. В 1924 году Московским отделом народного образования (МОНО) здесь был организован Красный Детский Городок на 950 детей, в который входило четыре детских дома. Ссылаясь на ряд предыдущих постановлений и инструкций, МОНО ходатайствовал «о закрытии шести церквей бывшего Николо-Угрешского монастыря ввиду недопустимости соседства

с находящимся в монастыре Детским Городком». При этом приводились такие аргументы:

«1. Для верующих пользование семью церквями бывшего Николо-Угрешского монастыря не представляет необходимости.

2. Детский Городок, расположенный в монастыре, не может быть расширен за отсутствием помещений.

3. Соседство церкви с Городком, сопряженное с наплывом богомольцев в дни религиозных праздников, и пребывание служителей культа вредно отзывается на воспитательной стороне дела в Городке».

На основании постановления Моссовета от 26.05.1925 и Президиума ВЦИК от 7.07.1925 (№ 13-19) в бывшем Николо-Угрешском монастыре подлежали закрытию четыре храма: церкви Иоанна Предтечи, Успения, Никольский и Спасо-Преображенский соборы. Постановление гласило: «Предоставить помещения первой и второй из них для расширения Детского Городка, а третью и четвертую передать в ведение отдела по делам музеев Главнауки Наркомпроса как археологические и художественные памятники, помещения же которых временно использовать под склад предметов культа закрываемых церквей. <...> Церковь Петра и Павла оставить в пользовании верующих, обязав их поставить пятиаршинный забор между Детским Городком и церковью и проделать самостоятельный ход в стене». Тогда и возник тот ближайший к Петропавловскому храму проход в стене, который в настоящее время закрыт металлическими воротами.

Однако это постановление относительно Никольского и Преображенского соборов не было выполнено. Старожилы рассказывали, что иконы и другие ценные предметы церковной утвари вывозились из монастыря на подводах в Московский Кремль. Многие из них попали потом в музей «Коломенское». В докладной записке заведующего Городком М. А. Алексеева «О порядке использования помещений бывшего Николо-Угрешского монастыря» перечислены практически все его постройки, включая и соборы, где предполагалось расположить клубы.

Однако МОНО требовал освободить все помещения Николо-Угрешского монастыря, ведь здесь намечалось открыть семь детских домов. Под детский дом № 7 предполагалось занять как раз Архиерейский дом, где жил митрополит Макарий. Это двухэтажное деревянное здание, перестроенное в 1868—1870 годах из дворца графа А. Г. Орлова-Чесменского в селе Остров, давно требовало ремонта. Прежде всего, в нем нуждались печи и полы. Для больного митрополита нужно было найти новое пристанище, хотя бы временное.

Летом 1925 года митрополит Макарий был перевезен в Котельники, близ Люберец. Его поместили в доме Мелании Павловны Трагейм, в народе называемом «Меланьиной дачей» [9]. Туда святителя перевезли вместе с гробом, подаренным ему иеромонахом Гурием.

Митрополиту Макарию минуло уже 90 лет, и любая его болезнь могла стать роковой. Так и случилось: в феврале 1926 года он заболел воспа-

лением легких. Рядом с больным все время находились его преданный келейник игумен Аркадий и архиепископ Бийский Иннокентий. Узнав о болезни старца, тут же прибыл в Котельники и епископ Арсений. 16 февраля 1926 года митрополит Макарий скончался. Похороны состоялись 19 февраля в присутствии 79 священнослужителей, прибывших в основном из Москвы. Погребли владыку там же в Котельниках, в ограде Казанской церкви, в пяти шагах от восточной стены.

Как вспоминал епископ Арсений, «в храме за зауспокойной литией и отпеванием присутствовали одни лишь почитатели святителя, и не наблюдалось большого стечения народа. Да и вообще, картина погребения Владыки производила впе-

чатление, что хоронят обычного архиерея, а не апостола Алтая, совершившего великое дело на земле».

Казанская церковь в Котельниках была закрыта осенью 1927 года, но могила святителя сохранилась. В апреле 1957 года захоронение митрополита Макария было вскрыто и освидетельствовано Московской патриархией. Истлел только гроб, а тело и облачения остались целыми. Нелетные останки святителя[10] были перенесены в Троице-Сергиеву лавру, в храм Русских Святых под Успенским собором, и захоронены в каменном гробу под мраморной плитой. Там они покоятся и по сей день.

Библиографический список

1. Епископ Арсений (Жадановский). Воспоминания. — М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1995. С. 196.
2. Там же. С. 209.
3. Голиков Д. Л. Крах вражеского подполья. Из истории борьбы с контрреволюцией в Советской России в 1917–1924 годах. — М., 1971.
4. Об архимандрите Макарии (Ятрове) см. очерк «Угреша в архивных документах».
5. Это донесение, письма митрополита Макария, заметки о нем цитируются по книге: Епископ Арсений (Жадановский). Воспоминания. — М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1995. С. 186–246.
6. Речь идет о домовою церкви во имя прп. Сергия Радонежского.
7. Воспоминания О. С. Дефендовой приводятся по книге: Епископ Арсений (Жадановский). Воспоминания. — М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1995. С. 216.
8. Просветитель Алтая, владыка Иннокентий (Константин Соколов) родился в 1846 году, после окончания Московской духовной семинарии в 1867 году назначен учителем Николо-Перервинского духовного училища, в 1871 году принят на службу в Алтайскую духовную миссию, в 1873 году рукоположен в иерея и назначен миссионером. В 1890 г. он стал благочинным миссионерских церквей, в 1897 году возведен в сан протоиерея. В 1902 году он принял постриг, был возведен в сан архимандрита и назначен помощником начальника Алтайской миссии. В 1905 году Иннокентий хиротонисан в епископа Бийского, викария Томской епархии, и назначен начальником миссии. С 1919 по 1925 г. он упоминается как архиепископ Бийский и Алтайский. Скончался 14 августа 1937 г. в доме своего сына протоиерея Николая Соколова на подмосковной ст. Немчиновка. Примечание Е. Н. Егоровой.
9. В 1930–1940-х годах в этом здании была школа.
10. В 2000 году на Освященном Архиерейском Соборе митрополит Макарий (Невский) был прославлен в лике святых. День его памяти — 16 февраля (1 марта). Как сообщалось в газете «Честное Слово» от 30 мая 2002 года, в Покровском храме г. Бийска замироточила икона святителя Макария. 8 мая 2003 года в подмосковном г. Дзержинском на пл. Дмитрия Донского была освящена церковь во имя святителя Макария (Невского).

Сибирский Федеральный университет, г. Горно-Алтайск
Получено 04.02.13

I. V. Antonova

BRIEF WORD OBUGRESHKOM EXILE — METROPOLITAN MAKARY NEVSKY

The article, based on an analysis of published materials written by the ecclesiastical and secular historians, the author attempts to recreate a portrait of one of the most active ministers Altai Spiritual Mission — Makary Nevsky, as well as talk about his last years of the Metropolitan Altai and Kolomna.

russian Orthodox Church, the Altai Spiritual Mission

УДК 94(470+571)

А. В. Борисова

РОЛЬ РЫБОЛОВНОЙ КОНВЕНЦИИ 1928 ГОДА В РАЗВИТИИ РУССКО-ЯПОНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот периодических изданий и других исторических источников анализируется роль рыболовной конвенции 1928 года в развитии русско-японских дипломатических отношений накануне второй мировой войны.

конвенция, советско-японские отношения, рыболовный вопрос, торговые отношения, дипломатические отношения

Проблема неразрешенности вопросов в области рыболовства традиционно являлась наиболее актуальной в экономических отношениях между Японией и Советским Союзом, накладывая свой

отпечаток на политический климат двухсторонних отношений и накануне Второй мировой войны. С точки зрения актуальности рассматриваемого конфликта в исторической ретроспективе очевидна необходимость подробного исследования роли рыболовной конвенции 1928 года в развитии русско-японских дипломатических отношений накануне Второй мировой войны. Особое значение исследования данного соглашения определяется, прежде всего, тем, что конвенция являлась на протяжении длительного периода времени (ввиду дальнейших пролонгаций) основным нормативным документом, регулирующим японо-советские отношения в области эксплуатации прибрежных вод Дальнего Востока.

Для освещения рассматриваемого вопроса в научный оборот вводится ранее не известный материал, в частности сведения, добытые в результате работы с большим количеством периодических изданий, в частности, был проведен контент-анализ газет: «Красноярский рабочий» за 1922—1945 гг.; «Известия» за 1922—1945 гг.; «Комсомольская правда» за 1937—1945 гг. Уникальность периодики для раскрытия изучаемой проблемы объясняется, в первую очередь, тем, что газеты позволяют анализировать многоаспектный комплекс источников, сформировавшихся в процессе жизнедеятельности общества, в рамках определенной идеологической, политической или ведомственной направленности. В частности в упомянутых выше газетах содержится разнообразная информация по развитию русского и японского рыболовных промыслов и взаимоотношениям двух стран касаясь вопросов эксплуатации дальневосточных вод в рассматриваемый период времени (многочисленные сводки событий, опубликованные срочные телеграммы, сообщения дальневосточной администрации о фактах нарушения законов о рыболовных промыслах, отчеты дальневосточных рыболюбцевских коопераций и т. д.)

Довоенные русско-японские отношения носили довольно противоречивый характер: японцы неуклонно усиливали свое влияние на дальневосточных берегах, а российские власти всячески пытались ограничить их деятельность, совершая попытки стимулировать рост отечественной рыбопромышленности. Однако, несмотря на неоднозначность отношений между странами, нельзя не отметить, в то же время, их взаимовыгодный и взаимозависимый характер. Так, при всей сложности советско-японских отношений связанных с вопросами политического статуса Маньчжурии и китайской революции Москва имела несколько «козырей» в дипломатической игре. Первым из них был вопрос о японских рыболовных предприятиях в Приморье и на Камчатке, которые не использовались советской стороной из-за ограниченных материальных возможностей. Советский Союз сохранял достаточный простор для дипломатического маневрирования, регулируя размеры уступок японской стороне. «Вторым «козырем» являлся такой же подход к японским лесным концессиям в Приморье, третьим — к угольным и особенно нефтяным концессиям на Сахалине в условиях, при которых военно-морской флот Япо-

нии рассчитывал использовать последние в качестве своей нефтяной базы в возможном вооруженном конфликте с США» [4, 233].

Итак, если к Октябрьской революции 1917 г. Российская социал-демократическая рабочая партия большевиков фактически пришла к власти с утопической теорией мировой социалистической революции и революционной войны против капиталистических государств на основе принципа пролетарского интернационализма, то стремление советского правительства получить дипломатическое признание государств Европы и Азии, среди которых значительное место занимала и Япония, свидетельствует о том, что во внешней политике советского правительства стали отчетливо проявляться элементы реализма, выразившиеся в претворении в жизнь концепции «мирного сожительства» с другими странами. Данное проявление дуализма вело к неустойчивости курса в советской внешней политике, в том числе и в отношении вопроса рыболовных концессий в аспекте советско-японских отношений. С одной стороны советское руководство пыталось наладить отношения с Японией касаясь рыболовного вопроса, с другой — оградить национальный капитал от иностранной конкуренции, что выразилось в развитии кооперативного движения в рыболовстве Дальнего Востока.

Основу взаимоотношений в рассматриваемый период времени между странами составила Советско-Японская рыболовная конвенция 1928 г. 1 июля в газете «Известия» было опубликовано сообщение следующего содержания: «...большинство спорных вопросов, касающихся японского рыболовства в советских водах, в настоящее время урегулировано. В настоящее время предстоят переговоры с целью урегулирования различных деталей соглашения» [5, 1]. Наконец, 23 января в Москве конвенция была подписана. По этой конвенции «японским компаниям предоставлялось право промысла и обработки любых видов рыбы и морепродуктов, кроме котиков и каланов, у побережья Советского Союза на Дальнем Востоке, за исключением 37 бухт и залива Петра Великого, и в бассейне р. Амур на участках, приобретенных с публичных торгов, в которых могли участвовать и советские организации» [3, 87]. На основании этой конвенции на 30-е годы советское правительство определило рыбохозяйственное участие японских фирм и обществ в конвенционных водах в форме концессий [6, 1]. Советско-японская рыболовная конвенция состояла из трех протоколов: основного, заключительного и дополнительного. Как сообщают «Известия», со стороны СССР конвенция была подписана заместителем наркомом по иностранным делам товарищем Л. М. Караханом и членом коллегии Наркомзема товарищем М. И. Лацисом. Со стороны Японии конвенцию подписал господин Т. Танака, чрезвычайный и полномочный посол в Москве [6, 1].

В отличие от конвенции 1907 года, подданные Японии по рыболовной конвенции 1928 г. получили право ловить, собирать и обрабатывать рыбу и другие водные продукты, кроме морских бобров и котиков, вдоль советского побережья

Японского, Охотского и Берингова морей, имея возможность приобрести в аренду с публичных торгов определённые рыболовные участки на равных правах с гражданами СССР. Торги должны были происходить ежегодно во Владивостоке. Срок аренды устанавливался сроком в 1, 3 и 5 лет. СССР имел право сдавать своим государственным организациям в аренду без торгов участки, дающие до 20% общего улова рыбы, а местному крестьянскому и рыболовецкому населению предоставлять (без торгов) участки на всём советском побережье Дальнего Востока. Японские промышленники получали также право использовать в пределах арендованных участков территорию побережья для починки судов, обработки рыбы и т. п., без пошлин экспортировать свою продукцию в Японию и импортировать всё необходимое для работы промыслов [7]. Японские подданные могли на концессионных началах строить и эксплуатировать на арендованной территории консервные заводы. Конвенция определяла размеры и порядок уплаты платежей арендаторами и концессионерами. Японское правительство, в свою очередь, обязалось не облагать пошлинами ввозимые в Японию рыбные и водные продукты, выловленные в советских территориальных водах на Дальнем Востоке [6, 1].

Уравнивание в правах японских рыбопромышленников с русскими в вопросах аренды и эксплуатации прибрежных территорий явно не могло положительно сказаться на русском рыбном промысле. Однако при негативном влиянии конвенции на промыслы дальневосточных советских рыбопромышленников, конвенция послужила стабилизатором русско-японских отношений. Так, торгпред СССР в Японии П. В. Аникеев отмечал: «Ратификация рыболовной конвенции была с удовлетворением принята японскими рыбопромышленниками, ибо заключение конвенции положило конец неопределённости во взаимоотношениях японских рыбопромышленников с нашими рыбными организациями» [8, 1]. Аникеев П. В. в «беседе», опубликованной в газете «Известия», подвел и итоги заключённому соглашению: «Объём торговый оборот СССР с Японией, составивший в 1925-1926 гг. 13,161 тыс. иен, возрос до 18,423 тыс. иен в 1926—1927 г. и до 21,167 тыс. иен за 8 месяцев 1927—1928 хоз. года» [8, 1].

Заключение конвенции 1928 года привело к увеличению товарооборота и с Японией: «Наш экспорт в Японию с 10 млн. руб. в 1925—1926 г. увеличился до 18 млн. руб. за 11 месяцев текущего [1928] года» [9, 2].

Ведущая роль рыболовного соглашения 1928 года в нормализации советско-японских отношений отмечается в газете Красноярский рабочий от 1928 года отмечалось: «...предоставленные Японии концессии имеют исключительное значение для народного хозяйства этой страны. Торговые отношения с Японией до подписания пекинского

договора были весьма незначительны по сравнению с довоенным уровнем» [1, 2]. Так, на базе Конвенции в декабре 1925 года между Японией и Россией были заключены два концессионных договора о добыче угля и нефти на Северном Сахалине.

Положительно рассматривая подписание всех этих документов как проявление заинтересованности СССР в советско-японском экономическом и дипломатическом сотрудничестве, министр иностранных дел Японии К. Сидэхара оценивал их как «свидетельство добрососедских чувств, объединяющих две нации» [1, 4]. Мэр Токио С. Гото, будучи активным сторонником сотрудничества Японии с СССР, заявил, что «если народы обеих стран сделают свои отношения подлинно дружескими, то это увеличит благосостояние обоих народов и обеспечит сосуществование и взаимное процветание народов Азии и Европы» [1, 2]. Он также отмечал, что, если между странами установятся прочные дипломатические и экономические отношения, Япония, укрепив свои международные позиции, успешно «сможет проводить свою тихоокеанскую политику, а Россия упрочит мир на Дальнем Востоке и получит возможность поднять свой международный престиж», что вызовет «неизбежность больших изменений в политическом курсе Америки и Англии по отношению к России, Японии и Китаю» [2, 1].

В целом же оценка нормализации советско-японских отношений официальными кругами Японии носила довольно сдержанный характер. Объяснялось это тем, что им пришлось, в конечном счете, признать несбыточность своих расчетов на удержание под своим контролем Северного Сахалина и приобретение прав на учреждение японских концессий в Сибири. Тем не менее, нормализация советско-японских отношений привела к оздоровлению всей обстановки на Дальнем Востоке и развитию отношений на базе концессионных соглашений и, в том числе, рыболовной конвенции 1928 г.

Концессионная политика для СССР имела очевидные позитивные моменты. Она способствовала развитию рынка товаров и отчасти капиталов, вовлечению страны в международные экономические связи. В заключение стоит еще раз отметить, что в рассматриваемый период времени политика в отношении предоставления рыболовных концессий на Дальнем Востоке осуществлялась в аспекте лавирования советского правительства на арене международных дипломатических отношений. Так, одним из существенных мотивов для пролонгации конвенции 1928 года в 1932 г. и для расширения торговых отношений с Японией для СССР была необходимость в доверительном отношении со стороны японского правительства. Важно это было для того, чтобы выиграть время для размещения военных сил на Дальнем Востоке, а по возможности, совсем избежать военного столкновения с дальневосточным соперником.

Библиографический список

1. Сегодня исполняется три года со дня подписания японо-советского договора // «Красноярский рабочий». Красноярск, 1928. № 17.
2. Япония хочет жить в дружбе с СССР // «Красноярский рабочий». Красноярск, 1928. № 70.

3. Мандрик, А. Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока (50-е гг. XVII вв. — 20-е гг. XX вв.) / А. Т. Мандрик. — М., 1994.
4. Кутаков, Л. Н. История советско-японских дипломатических отношений / Л. Н. Кутаков. — М., 1962.
5. К советско-японской рыболовной конвенции. // «Известия». М., 1928. 151.
6. Подписание рыболовной конвенции между СССР и Японией. // «Известия». М., 1928. № 24 января.
7. Рыболовная конвенция 1928 года между СССР и Японией. Текст и протоколы. [Электронный ресурс] 1928. — Режим доступа: http://www.USSR_Jap_Fish1928_01.ru
8. Экономические взаимоотношения СССР с Японией. (Беседа с торгпредом СССР в Японии тов. П. В. Аникеевым) // «Известия». М., 1928. № 157.
9. СССР и Япония: экономические взаимоотношения СССР и Японии и ближайшие перспективы. / «Известия». М., 1928. № 228.

Сибирский Федеральный университет, г. Горно-Алтайск
Получено 04.02.13

A. V. Borisova

THE ROLE OF THE FISHERIES CONVENTION, 1928 IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-JAPANESE DIPLOMATIC RELATIONS ON THE EVE OF THE SECOND WORLD WAR

In article on the basis of first introduced into the scientific circulation of periodicals and other historical sources examines the role of the fisheries Convention, 1928 in the development of Russian-Japanese diplomatic relations on the eve of the second world war.

the Convention, Soviet-Japanese relations, fishing question, trade relations, diplomatic relations

УДК 94(571)

С. Н. Гиренок, Р. В. Мезенцев, Л. А. Явнова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЮЗА ЖЕЛЕЗНО-ДОРОЖНИКОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье, на основе опубликованных исследователями материалов, и архивных источников, вводимых в научный оборот, освещён процесс деятельности профессионального союза железнодорожников Западной Сибири в начале XX век

бессловное общество, профессиональные союзы, Транссиб, социальные права, комиссия В. Н. Коковцова

В конце XIX — начале XX вв., социально-экономические процессы привели к расслоению сословной структуры и становлению особого специфического социального слоя общества — промышленно-транспортного пролетариата. Формирование нового социального состава населения, дифференцированного по грамотности, виду деятельности, доходам, соответствовало наступлению индустриальной эпохи в истории российского социума, что привело к ускоренному цивилизационному изменению в ноосфере (состояние биосферы, при которой разумная деятельность человека становится решающим фактором её развития). И поэтому отсюда следует логичный вывод о следующем: при сооружении Транссибирской магистрали в 90-х гг. XIX в. социально-экономические процессы в регионе ускорились, что и привело к интенсивному расслоению сословной структуры и появлению новой социальной и профессиональной общности [1, с. 83, 91; 2, 16].

Формирование бессловного общества проявлялось в создании профессиональных групп, иных социальных слоев, возникавших на основе корпоративной деятельности и их интересов. Появлялись общественные организации, где членов коллектива объединяли общие интересы и дело, но не сословное разделение. Функционирование добровольных общественных организаций, объединявших трудящихся в производственных и не-

производственных сферах для защиты социально-экономических прав и интересов привело к созданию профессиональных союзов. Они создавали территориальные и отраслевые объединения, а также включали в свой состав новых членов. Профсоюзы действовали в соответствии с принимаемыми ими уставами и не подлежали регистрации в государственных органах. Законом не допускалось всякое вмешательство, способное ограничить права общественных организаций, групп, профессиональных союзов или какие-либо препятствия к осуществлению их прав. Профессиональная деятельность объединяла людей в трудовой, и повседневной бытовой жизни. Социальные «низы» имели схожий уклад, правила и привычки жизни. Это сплачивало и усиливало рабочие кадры в борьбе за социальные права, особенно в крупных городах [3, 18; 1, с. 91, 94; 4, 40].

Активное формирование новых социальных групп требовало и определённой социальной политики. Примером тому является медицинский вопрос. Многочисленное рабочее население, живущее в городах, не могло лечиться в муниципальных больницах — город просто не располагал возможностью лечить железнодорожников, строителей, речников и работников промышленных предприятий. К примеру, врач Городской Заразной больницы в городе Барнауле обратился 17 января 1914 г. в Городскую Управу с просьбой о

сообщении ему размера платы, подлежащей взиманию с рабочих и служащих Алтайской железной дороги. И потому 23 января 1914 г. состоялось заседание Врачебной исполнительской комиссии. В её состав вошли: заступивший место Городского Головы М. Н. Еремеев и гласные думы в количестве 21 человека. Эта комиссия определила стоимость больничного дня в 2 руб. в день с человека, а не установленной для жителей города 60 коп. в день. Это явилось следствием того, что квалифицированные рабочие и служащие нового «сословия» были высокооплачиваемыми работниками. Разница по сравнению с городскими обывателями составляла 2-4 раза [5, л. 4].

На том же заседании член Управы Т. П. Гончаров внёс предложение, о привлечении владельцев пароходов и промышленных заведений, Управления Алтайской железной дороги оказывать своим служащим больничную помощь в размере 2 руб. в день с человека — это относилось к Зарядной Больнице. Далее г-н Гончаров настаивал, чтоб указанные учреждения и лица имели и содержали свои больницы. С этим мнением согласились господа гласные, что и утвердила Городская Дума [5, л. 4-4 об; 1, с. 94-95].

Однако, вынося подобное постановление Городская Дума не отказывала рабочим и служащим промышленно-транспортных предприятий в больничной помощи впредь до открытия своей больницы, но нашла необходимым определить на будущее время плату за лечение больных по действительной стоимости, то есть сумму оплаты за лечение в больницах города Барнаула в размере 2 руб. в день с человека (5, л. 5).

Необходимо отметить, что после народного восстания в 1905 г. Правительство Российской Империи обязало предпринимателей заботиться о здоровье своих рабочих и служащих. Государственную политику и попечение по охране здоровья трудящихся в частных промышленно-транспортных учреждениях осуществляла комиссия, возглавляемая сенатором В. Н. Коковцовым. Вскоре при Министерстве путей сообщения (МПС) был создан департамент здравоохранения (в него структурно входили санитарно-эпидемиологическая и ветеринарная службы), действующий и в настоящее время (2012 г). Результатом деятельности управления здравоохранения МПС стало строительство больниц (на крупных станциях) и фельдшерско-акушерских пунктов (на средних станциях). Малые станции, разъезды и полустанки обслуживались разъездными врачами и медицинскими вагонами. Они выдерживали строгий график следования. Заведённый порядок сохранялся до конца 80-х гг. XX в. Это было одно из звеньев государственной политики по «рабочему вопросу», которую осуществляла указанная выше комиссия в начале XX века. В итоге местные власти стали обращаться к владельцам промышленных предприятий, транспортным компаниям, настаивая на их участии в создании городских медицинских служб и финансировании медицинской помощи работающему населению городов [1, с. 95].

Так, в частности, в городе Барнауле был решён «медицинский вопрос» по постановлению

Врачебной исполнительской комиссии Городской Думы от 23 января 1914 г. об открытии железнодорожной больницы в апреле текущего года. В Извещении № 2051 от 16 мая 1914 г. старший врач санитарного отдела Управления работами по сооружению Алтайской железной дороги сообщал, что число кроватей в Барнаульской железнодорожной больнице будет увеличено. И только в крайних случаях, при недостатке коек, может явиться потребность в помещении больных в Городскую больницу на условиях изложенных в Отношении № 3244 от 01 мая 1914 г. (в котором была установлена плата за лечение рабочих и служащих промышленно-транспортных компаний) [5, л. 8].

Факты, характеризующие жизнь рабочих-железнодорожников Западной Сибири (городов Омска, Барнаула, Ново-Николаевска, Томска и др.) во многом определили их политическую культуру и социальную активность. В этом плане известна активность железнодорожников в годы Первой русской революции 1905 — 1907 гг., что привело к повышению их заработной платы. В последующие годы сибирские железнодорожники утратили ведущую роль в революционном движении края. Этому поспособствовало не только повышение заработной платы, но и введение с 1912 г. на Транссибе «Положения о чрезвычайной охране» и «Закона о социальном страховании рабочих» [6, с. 91].

В Российской Империи было разработано и действовало юридически обоснованное трудовое законодательство, опередившее на десятки лет развитые европейские «демократии» (за социальные права и гарантии трудящихся Запады будут бороться в 20-е — 30-е гг) потому, что III Государственная дума приняла в 1912 г. ряд законопроектов по «рабочему вопросу», которыми регулировались охрана труда, здоровья, быта, отдыха, культурного досуга и заработной платы рабочих на производстве. Всё это получило отражение и в железнодорожной отрасли [6, с. 91; 7, с. 108; 8, с. 119].

Указанные выше, по сути, чрезвычайные меры, естественно, повлияли на характер политической культуры железнодорожников. Их социальная активность переместилась из сферы радикальных забастовочных форм борьбы в сферу иных, эволюционных действий. В 1907—1917 гг. по данным исследователя С. П. Исачкина, сибирские железнодорожники большое внимание уделяли петиционным обращениям к властям с целью улучшения своего материального и правового положения. Из 168 подобных актов, увидевших свет в Западной Сибири, 65 приходилось на долю рабочих и служащих МПС. В эти годы их социальная активность была направлена на создание профсоюзов, кооперативов, клубов, просветительских организаций, общества трезвости, касс взаимопомощи. Железнодорожники проявляли высокую политическую активность при выборах в Государственную думу III и IV созывов. Интересно, что, в этом процессе они отдавали предпочтение кандидатам в депутаты, представлявшим правых социал-демократов и кадетов [6, с. 91].

С другой стороны железнодорожное ведомство, как многофункциональная система, оказывало

положительное влияние на уровень жизни, быт, здоровье, культуру железнодорожников, их профессиональную подготовку, научное обеспечение отрасли. Так для них строили жилые посёлки (жильё и топливо было бесплатным), больницы и поликлиники, дома отдыха и культуры (известные как клубы железнодорожников), стадионы. Открывались вузы, техникумы, училища, школы массовых железнодорожных профессий, исследовательские институты и лаборатории. Следует отметить, что ни одно ведомство в стране не обладало столь развитой социокультурной инфраструктурой [6, с. 89].

Вывод учёного С. П. Исачкина о том, что рабочие и служащие Транссиба являлись в 1907—1917 гг. сравнительно активной частью местного населения и что их отличал умеренный консерватизм и неприятие экстремистских методов борьбы за свои права, представляется весьма убедительным. В среде рабочих формировались новые нормы и ценности, связанные с реальным положением человека в обществе, его доходами, образованием, условиями жизни. Да и образованные предприниматели, прогрессивно мыслящие, понимали, что невозможно быть успешными в своей сфере, творя производ, не заботясь о своих работниках, отвергая цивилизованные методы управления производством и подчинёнными [6, с. 91-92; 1, с. 101].

В Сибири в годы революции 1905-1907 гг. было создано 66 профсоюзных организаций, объединивших в своих рядах 8,8 тыс. членов, 8 обществ трезвости, 7 кооперативов, две кассы взаимопомощи и один рабочий клуб. Почти все эти организации действовали в городах. Большинство профсоюзов Западной Сибири было создано на предприятиях обрабатывающей промышленности и железнодорожном транспорте. Они создавались стихийно, у них отсутствовал общий координационный центр (материалов и исследований на эту тему не обнаружено). Профессиональные объединения в России, возникшие в ходе революции

1905—1907 гг., были призваны защищать интересы работников, улучшать условия их труда, бороться за повышение заработной платы, улучшение быта, культуры и т. д. и легализованы после Февральской революции в апреле 1917 года. Координационным центром стал Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профессионального союза (Викжель), который был избран в июле-августе 1917 г. на учредительном железнодорожном съезде в Москве. В состав исполкома вошли: беспартийные — 15 чел., эсеры — 12, меньшевики — 6, большевики — 2, народные социалисты — 3, интернационалисты — 2 чел. [1, с. 92; 8, с. 13].

Самым мощным и устойчивым показал себя профсоюз работников железнодорожного транспорта, действующий и в настоящее время (2012 г.). Этот союз пережил все революции, советскую эпоху, а также постсоветское «безвременье» тотальной разрухи и хаоса, защищая интересы своих членов и сохранив льготы своим ветеранам. Всегда, в любое время, члены профессионального союза и их иждивенцы были сыты, одеты и обуты по сезону, а также вовремя получали жалованье согласно тарифной квалификации. Дети кадровых железнодорожников (членов профсоюза) во все исторические эпохи, могли свободно и бесплатно учиться во всех учебных заведениях государства. Достижения социально-экономической жизни, «дарованные» государством, профсоюз железнодорожников сохранил до настоящего времени (2012).

Из всего выше изложенного следует вывод: самым организованным и стойким борцом за свои права, привилегии и льготы оказался профессиональный союз работников железнодорожного транспорта. Железнодорожники и власть были «терпимы» друг к другу, ибо понимали, что «худой мир лучше хорошей ссоры». Железнодорожники трудились, а власть их «кормила и содержала» потому, что железнодорожный транспорт является могучей стратегической и геополитической силой России.

Библиографический список

1. Литягина А. В. Ценностные ориентации и социальные нормы горожан Западной Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.): монография. Барнаул, издательство Алтайского университета, 2010.
2. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 13. Но-Пе. М., Большая Российская энциклопедия, 2002.
3. Попечительства о народной трезвости. Выпуск IV. СПб., 1906 г.
4. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 15. Пр-Ро. М., Большая Российская энциклопедия, 2002.
5. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГАК). Ф. 219. Оп. 1. Д. 40.
6. Гайдамакин А. В. Галлиев И. И., Четвергов В. А. и др. Результаты научных исследований и документы Центрального государственного исторического архива (Санкт-Петербург). Омск, Омский государственный университет путей сообщения, 2002.
7. Петухов Ю. Д. Величие и трагедия Российской Империи. Историческая Хронология. М., Метagalactica, 2005.
8. Мушруб А. Г., Гусаров Б. П., Залужная Д. В. и др. Развитие советского железнодорожного транспорта. М.: Транспорт, 1984.

Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина, г. Бийск
Получено 04.02.13

S. N. Girenok, R. V. Mezentsev, Junova L. A.

THE ACTIVITIES OF THE TRADE UNION OF RAIL ROAD WEST SIBERIA IN THE BEGINNING OF XX CENTURY

In the article, on the basis of published researchers of the materials, and the archival sources, entered in a scientific revolution, lit the process of worker of trade Union of railway workers of Western Siberia in the the beginning of the XX century.

society, trade unions, and the TRANS-Siberian railway social rights, the Commission, In. Mr. Kokovtsov

УДК 94(091)

В. Г. Дацышен

ПРОБЛЕМЫ ЯПОНСКОГО ТРУДА В РЫБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Статья посвящена проблемам японского труда в рыбной промышленности на Дальнем Востоке России в первой трети XX в. Японский труд на советских и японских рыбодобывающих и рыбообрабатывающих предприятиях рассматривается в общем контексте истории русско-японских отношений. В статье впервые на архивных материалах показаны проблемы вытеснения рабочих рук из советской рыбопромышленности в конце 1920-х гг.

рыболовный вопрос в русско-японских отношениях, японские рабочие руки в советской рыбопромышленности, история советско-японского противостояния

В числе важных вопросов в истории русско-японских отношений на протяжении первой половины XX в. были проблем японского труда на Дальнем Востоке России. В последние годы появилось немало работ по истории русско-японских отношений, в том числе и о японском присутствии на Востоке России, традиционно много внимания уделяется проблемам «азиатской миграции» и «желтой опасности». Однако вопросы японского труда в рыбопромышленности на русской территории по-прежнему остаются за рамками работ исследователей.

Японцы получили возможность экономического освоения русских территорий на Дальнем Востоке благодаря подписанному в 1875 г. в Санкт-Петербурге русско-японскому договору. Русско-японская рыболовная конвенция 1907 г. предоставила японцам права на ловлю и обработки рыбы и других морепродуктов на русском побережье Японского, Охотского и Берингова морей.

Уже к началу XX в. японский труд на русской территории получил широкое распространение. В Николаевске-на-Амуре и Удской округе в к 1901 г. имелось 115 японских предприятий с числом рабочих 2114. В их числе было 102 рыбопромышленных предприятия, кроме того, 4 прачечных с 15 рабочими, две парикмахерских и одно предприятие «лесорубного помысла» [2, с. 2]. В 1914 г. 87% арендуемых японцами рыболовных участков приходилось на Камчатку [10, с. 41]. В начале второго десятилетия XX в. «японскими компаниями «Цуцуми сёкай», «Юсюцу сёкухин кабусики кайся», «Итии гумми», «Сухара» на Дальнем Востоке было налажено производство консервированных морепродуктов» [12, с. 161].

Говорить о точном числе японских рабочих, занятых в промышленности на русском Дальнем Востоке, говорить сложно. В данных по городскому населению Дальнего Востока всегда указывается относительно небольшая численность японцев, но в общей доле которых преобладали чернорабочие. Например, из 309 проживавших в Амурской области в 1910 г. японцев, 132 относились к категории чернорабочих [13, с. 246]. В «Материалах по обследованию рабочего вопроса в Приамурье» в 1911 г. в Амурской области было зафиксировано лишь 7 японских рабочих, а в Приморской области — 353. Почти все из попавших под обследование японские рабочие, 312 человек,

были заняты на частных рыбопромышленных предприятиях [13, с. 266-268]. Дальневосточные исследователи пишут: «Кроме стремившихся обосноваться в крае на жительство из Японии постоянно шел поток сезонных рабочих на рыбные промыслы, который особенно вырос после заключения рыболовной конвенции в 1897 г. Если в 1889-1901 гг. на рыбных промыслах трудилось не менее 8 тыс. японских рабочих, то в 1912 г. — около 14 тыс., а в 1913 — свыше 16 тыс. чел.» [13, с. 32]. Сезонные японские рабочие трудились как на русских, так и на японских частных предприятиях.

Уже в самом начале XX в. была поставлена проблема ограничения японского труда в рыбопромышленности. Исследователь Ю. С. Пестушко пишет: «хотя конвенция 1907 г. предусматривала ограничение числа рабочих, которых мог нанимать рыбопромышленник. Данное правило не распространялось на артельных старост и мастеровых... что давало возможность японскому рыболову иметь на судне неограниченный штат рабочей силы» [12, с. 182].

В годы Первой мировой и гражданской войны в России позиции японских рыбопромышленников были значительно усилены. В 1919 г. японцы подписали с правительством Колчака соглашение о продлении срока действия рыболовной конвенции 1907 г. Со второй половины 1920 г. японские рыбопромышленники перестали платить русским властям арендную плату. Попытки японцев договориться о концессиях с властями Дальневосточной Республики успехом не увенчались. 23 июня 1921 г. Г. В. Чичерин телеграфировал в Читу: «Недопустимо сдавать японцам концессии пока они не заключили мира и не очистили ДВР» [9, с. 457]. Японские рыбопромышленники, несмотря на отсутствие формальных договоров, продолжили свою деятельность на русском побережье. Осенью 1922 г. 16 японских рыбозаводов на российском побережье были объединены в синдикат. Не менее 80% улова рыбы с российского побережья Тихого океана в 1920—1922 гг. ушло в Японию [9, с. 458]. И в дальнейшем, до конца 1920-х гг., около 80% всей рыбы на Тихоокеанском побережье России добывалось японцами.

Советское руководство при проведении политики по рыболовному вопросу находилось в сложной и противоречивой ситуации. В письме Уполномоченного ГПУ при НКВД РСФСР Л. М. Бель-

ского на имя Председателя Дальревкома П. А. - Кобозева от 7 декабря 1922 г. говорилось: «не давать японцам ловить мы не сможем и должны, ибо Япония без нашей рыбы не обойдется, ею питается 60% японской бедноты, но мы должны оградить себя от хищничества и заставить японцев подчиняться нашим законам о рыбной ловле» [1. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 3. Л. 95]. 2 марта 1923 г. Совнарком РСФСР принял Декрет о порядке эксплуатации рыбных и морских звериных промыслов на Дальнем Востоке. В документе говорилось: «Иностранные граждане могут заниматься обработкой рыбы на земельных участках... подчиняясь во всем законам, постановлениям и административным распоряжениям, действующим в пределах РСФСР и могущим последовать в будущем в отношении всех иностранцев... Иностранцам, которые приобретут право рыбной ловли, предоставляется возводить на берегу в пределах закрепленных за ними участков склады, ледники... и т. п., и после окончания промыслового сезона означенные сооружения должны быть снесены, или оставлены под охраной сторожей — граждан РСФСР. Проживание иностранцев зимой на рыбопромысловых участках не допускается ни в каком случае...» [4, с. 161-162].

Японские рыбопромышленники пытались игнорировать это постановление, и советская сторона посчитала возможным пойти на уступки. Жесткая позиция советского руководства могла нанести вред имиджу новой России, особенно после того, как японский народ сильно пострадал от разрушительного землетрясения. 13 октября 1923 г. Л. М. Карахан писал Г. В. Чичерину: «Японии землетрясением нанесен действительно сильный удар, необходимы многие годы, прежде чем Япония восстановит свое положение... при создавшемся положении значение рыболовного дела в наших водах приобретает еще большее значение, чем до сих пор...» [5. С. 90-91]. Катастрофа в Японии создала ситуацию, когда советское руководство готово было допустить на русское побережье японских рабочих. 21 октября 1921 г. Г. В. Чичерин писал Л. М. Карахану: «Что касается помощи пострадавшим от землетрясения... Вы знаете о плане Смидовича обратить различные деньги на снабжение снастями и вообще необходимыми материалами японских безработных, чтобы они сами ловили рыбу, и то же самое для лесных делянок... нет сомнения, что японское правительство не допустит организации трудовых артелей японских рабочих...» [5, с. 97].

Уступки советского руководства были обусловлены еще и тем фактом, что отказ от сотрудничества с японцами негативно отражался на экономической ситуации разоренного гражданской войной Дальнего Востока. 13 февраля 1924 г. Г. В. Чичерин писал: «Приняв решение в различных отношениях держаться жесткого курса относительно японцев, мы сочли, однако, невозможным сечь самих себя. Других рыболовных промышленников там нет, никто кроме японцев не заарендует этих рыбных ловель... а японцы, в крайнем случае, будут ловить насильно. Мы решили

поэтому подходить к вопросу о рыбных ловлях исключительно с хозяйственной точки зрения» [5, с. 171]. 6 апреля 1924 г. японские арендаторы признали свои долги и вновь приняли участие в торгах, получив в эксплуатацию 234 морских рыболовных и 14 краболовных участков, заплатив арендную плату в размере 12,7 млн. руб. золотом.

20 января 1925 г. была подписана советско-японская «Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией». В документе было зафиксировано восстановление дипломатических и консульских отношений, а также готовность предоставить японцам концессии на территории СССР. Вместе с Конвенцией были подписаны два протокола, в которых были «урегулированы некоторые вопросы в связи с названной Конвенцией» и закреплены «основания для концессионных контрактов...». 27 марта 1925 г. была заключена рыболовная конвенция между Россией и Японией.

Японский труд на территории России использовался иностранными концессионерами, в первую очередь японскими фирмами. При этом договорами ограничивался процент иностранных рабочих на концессионных предприятиях в России. В советском проекте «основных положений для пересмотра рыболовной конвенции с Японией» от 29 марта 1926 г. говорилось: «Должно быть выставлено требование об ограничении приложения иностранной рабочей силы. Процентное соотношение советских и иностранных рабочих на промыслах должно быть определено по согласованию между НКВД, НКТрудом, ВЦСПС и Дальревкомом» [4, с. 24]. Необходимо отметить, что советская сторона пыталась запретить владельцам рыболовных участков открывать консервные заводы, устройство которых допустить лишь на концессионных началах. Несмотря на это, в середине 1920-х гг. только на западном побережье Камчатки работало 20 японских консервных заводов, основанных хозяевами арендованных рыболовных участков. Японских рабочих так же нанимали и советские предприятия и организации.

Осложняла советско-японские отношения проблема распространения на японских рабочих советского трудового законодательства. Г. В. Чичерин писал в сентябре 1926 г. в Политбюро ЦК ВКП(б): «В общем по выработываемому проекту договора прилагается к пришлым японским рабочим наш Кодекс труда, но с 4-мя изъятиями: минимум их заработной платы устанавливается заранее в особом протоколе... признается возможность сверхурочных работ; в тех случаях и в тот период, когда социальное страхование в Японии стоит или будет стоять наравне с нашим или на высшем уровне, операции по страхованию японских рабочих могут производиться в Японии...» [4, с. 58]. Межведомственное совещание в Москве в феврале 1927 г. приняло решение: «Считать невозможным дать для промышленных рабочих на консервных заводах тот же режим, который уже согласован для рыболовных рабочих (рыбаков). Предложить НКТруду, ВЦСПС и НКВД в

срочном порядке выработать для японских рабочих на консервных заводах режим, являющийся средним между нормальным и конвенционным, учета условия сезонных работ» [4, с. 97].

Японская сторона не соглашалась с советской позицией, посол Т. Танака заявил: «японское правительство того мнения, что работы на консервных заводах и на рыбных промыслах неразделимы... к тому же все рабочие, как на рыбных промыслах, так и на консервных заводах японцы» [4, с. 126]. В конечном итоге, советское руководство, удовлетворившись согласием японской стороны повысить на 50% минимальную зарплату японского рабочего, согласилось на японские требования, сводившиеся к отмене ограничения продолжительности рабочего дня.

В 1920-х гг. японские рабочие преобладали в рыбной промышленности на Дальнем Востоке России. Японский труд использовался созданным в 1924 г. Охотско-Камчатским акционерным рыбопромышленным обществом (ОКАРО). Японские рабочие отправлялись на Камчатку на советских пароходах, заходивших по пути из Владивостока на Камчатку в порт Хакодате и Отару. На речных участках ОКАРО японцы работали и жили обычно вместе с русскими рабочими, а на морских участках — жили и работали самостоятельно. Японские рабочие обрабатывали рыбу, как принятую у местного населения, так и самостоятельно добытую. Исследователи пишут: «На большевещком промысле ОКАРО трудилось 240 русских рабочих и служащих... и 120 японцев. Средний заработок русского рабочего за сезон составил 246 руб., японского вместе с содержанием — 190 руб., служащего — 672 руб. Ввиду того, что зарплата японцев на русских рыбалках была выше, чем у соотечественников, они стремились попасть именно сюда» [8]. Исследователь С. В. Гаврилов указывает на то, что японские рыбопромышленники лучше соблюдали постановления местных органов власти, чем советские организации. Недовольства японских рабочих условиями труда и жизни на советских предприятиях были редки, конфликтные ситуации быстро разрешались.

В 1925 г. на Камчатку в общей сложности прибыли 1514 рабочих из Владивостока и 21500 рабочих из Японии. Условия доставки и жизни на промыслах были трудными, и здесь нанятые Охотско-Камчатским акционерным рыбопромышленным обществом рабочие оказывались в лучших условиях. Русские и японцы обычно работали вместе, исследователи пишут: «На западном побережье в районе р. Большой на трех речных участках ОКАРО трудилось 144 японца, 167 русских и два китайца. На морских промыслах находились шестеро русских и 106 японцев. На промыслах ОКАРО разделкой рыбы занимались исключительно японцы, но после указаний представителя профсоюза... к этой работе были допущены русские...» [8]. Представление о числе японских рабочих на Камчатке и проблемах их труда дает «Резолюция конференции японских рабочих камчатских промыслов», направленная в начале лета 1927 г. в концессионное бюро

ВСНХ. В документе говорилось: «Мы, 20 тысяч японских рабочих западного берега Камчатки, страдаем в рабственных условиях японокапиталистов и ожидаем результатов концессионного договора... мы надеемся, что на территории Сов. России Кодекс законов о труде будет также распространяться и на иностранных трудящихся» [4, с. 132].

Рыболовная конвенция 1925 г. была подписана на один год, сторонам предстояло урегулировать еще немало отдельных вопросов и противоречий. Советско-японские переговоры закончились в январе 1928 г. подписанием новой рыболовной конвенции, позволившей японцам вернуться к легальному промышленному лову. В это время отношения между СССР и Японией были, по словам наркома иностранных дел М. М. Литвинова, «наилучшими добрососедскими». В январе 1928 г. советский дипломат И. М. Майский писал из Токио: «Здесь, по крайней мере внешне, к нам относятся как к великой державе, и при том, как дружественной великой державе... Общая линия яшпра сейчас такая: всячески подчеркивать и укреплять «дружбу» с нами, но заставить нас возможно дороже платить за эту «дружбу» в порядке уступок экономических... Насколько прочно нынешнее миролюбие Японии в отношении СССР? Думаю, что довольно прочно» [3, с. 294].

В начале 1929 г. советское руководство обозначило изменение своей политики в отношении Японии, взяв курс на отказ от компромиссов и уступок в спорных вопросах. Сворачивание советско-японского сотрудничества в первую очередь началось в сфере использования японского труда в рыбопромышленности. 4 апреля 1929 г. было принято секретное постановление Политбюро ЦК ВКП(б), в котором, в частности, говорилось: «Ввиду значительной роли японских рабочих на рыбо- и крабовых морских советских промыслах и на советских предприятиях Дальнего Востока и ввиду медленного пополнения кадра рабочих русскими предложить Наркомтруду представить на утверждение совещания замов рассчитанную на ближайшие годы программу максимального сокращения японской рабочей силы и замены их постоянными кадрами русских рабочих, допускаемая наем японских рабочих на морские промысла и консервные заводы лишь для совершенно незаменимой квалификации» [4, с. 283]. Вытеснение японского труда из русской рыбопромышленности было лишь частью программы по ограничению японского присутствия на Дальнем Востоке России. Советское руководство приняло решение прекратить выдачу новых концессий японцам, и в противовес им предложить концессии американцам.

В том же 1929 г. политику ограничения японского труда на советских предприятиях, с целью давления на Москву, начало проводить и японское правительство. В декабре 1929 г. М. М. Литвинов докладывал И. В. Сталину: «В целях борьбы с все развивающимся крабовым промыслом наших государственных предприятий, производимым с помощью плавучих консервных заво-

дов, японское правительство издало распоряжение о том, что наем рабочих на подобного рода заводы может производиться лишь с санкции Министерства земледелия и лесов. Эта мера... имеет своей целью сорвать наши планы на 1930 год, предусматривающие увеличение количества наших плавучих крабоконсервных заводов с 4-х... до 12-ти, что потребует до 3000 японских рабочих» [4, с. 301]. На 1930 г. японское правительство обещало отпустить японских рабочих для обслуживания лишь 4 советских краболовов из запланированных 11-12-ти. В ответ на это по предложению народного комиссара торговли А. И. Микояна Политбюро разрешило, в зависимости от дальнейшей политики Японии, ввести ряд мер, затруднявших приезд японских рабочих на русский берег: организовать санитарные осмотры приезжающих на японские промыслы рабочих, производить таможенные досмотры японцев, заменить коллективные визы для рабочих индивидуальными.

Планы по вытеснению японского труда из советской рыбопромышленности в 1929 г. были сорваны. Советское руководство январем 1929 г. было вынуждено «Констатировать, что постановление Политбюро о замещении японской рабочей силой русскими работниками хозорганами не выполнено» [1. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 72]. Высшее партийное руководство Дальневосточного края 21 января 1930 г. приняло резолюцию: «О завозе рабочей силы для рыбопромышленности на сезон 30 года и мероприятиях по вытеснению японской рабочей силы», утвердившую предложения Бюро Крайкома: «Завоз Японской рабочей силы на 1930 год определить как максимум до 9000 чел»; «Не допускать применения японской рабочей силы на береговых работах и рыбных промыслах Николаевского округа» [1. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 77].

В начале 1929 г. советское руководство запланировало уже через год ликвидировать японский труд на советских предприятиях: «...Предложить фракции Крайисполкома Отдела Труда и Крайторгу в 2-х месячный срок разработать конкретные мероприятия по полной замене японской рабочей силы на сезон 31 года и доложить в Бюро Крайкома» [1. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 78]. В это же время сами японские рабочие проявляли нежелание продолжать работать на советских предприятиях. В марте 1930 г. Бюро Дальневосточного крайкома отмечало «Наличие организованного вредительства японской рабочей силы под руководством своих Сендо, выразившегося в частых и совершенно необоснованных требованиях отправки обратно в Японию и проч.» [1. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 101-102].

Политика вытеснения японской рабочей силы в 1929-1930 гг. выглядела несколько «странной» на общем фоне международных отношений в ре-

гионе. В это время произошел крупнейшее в истории советско-китайских отношений вооруженное столкновение — так называемый «конфликт на КВЖД». Советское руководство в 1929 г. было вынуждено во многом переориентировать свои внешнеторговые отношения, приступив к закупкам продовольствия в Японии. Несмотря на конфликт с Китаем, вытесняли японские рабочие руки и принимали различные меры «Для прекращения утекчи китрабочих с ДВ».

Смена курса отчасти была связана со сменой руководства НКВД СССР. Осенью 1928 г. Г. В. Чичерин выехал из Советского Союза на лечение. Его место вскоре занял М. М. Литвинов, убежденного сторонника союза с Англией и США. Смена внешнеполитического курса СССР отражала сложные процессы развития Дальнего Востока в эпоху Великой депрессии, приведшей к «Великому перелому» 1929 г. в России. Среди документов Далькрайкома ВКП(б) появились такие резолюции: «немедленно поставить перед Москвой вопрос о прекращении после выполнения договора в связи с погашением займов 1000000 млн., продажи нефти японцам, а продажи ее американцам или через Нефтьсиндикат на другие рынки» [1. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 67].

В письме Л. М. Кагановича к И. В. Сталину от 11 сентября 1931 г. говорилось: «Японцы ответили нам на закрытие Чосен банка, причинившее нам до 4-х миллионов убытку, резким увеличением пошлин на экспортируемый нами лес... Розенгольд внес предложение принять меры ряд мер, которые заставили бы японцев отменить эти пошлины. Он предложил: сократить импорт из Японии товаров (чай), ввести пошлины на зеленые чаи... Конечно, такие меры с нашей стороны могут вызвать серьезные осложнения в наших отношениях с Японией и без того не особенно блестящих из-за рыбных дел. Мы вопрос отложили до 20-го и просим Вас сообщить свое мнение...» [7, с. 94]. И хотя глава Советского Союза И. В. Сталин традиционно отстаивал свою позицию — «С Японией нужно поосторожнее» [7, с. 103] — процесс ухудшения советско-японских отношений принял необратимый характер. В письме полпреда СССР в Японии К. К. Юренева заместителю наркома иностранных дел Г. Я. Сокольникову от 5 февраля 1934 г. говорилось: «Коренным интересующим нас вопросом является вопрос о перспективах войны и мира с Японией» [6, с. 259].

С вытеснением японского труда из советской рыбопромышленности, не было ликвидировано присутствие японских рабочих в рыбопромышленности на Дальнем Востоке России. СССР не мог в то время ликвидировать японскую рыбопромышленность в российских водах. Эта проблема оставалась одной из самых сложных в советско-японских отношениях до самого 1945 г.

Библиографический список

1. Государственный архив Хабаровского края. Фонды: Р-58. (Дальревком); П-2 (Далькрайком ВКП(б)).
2. Листок Приморского областного статистического комитета. № 12. — Владивосток, 1901.
3. Майский И. М. Избранная переписка с российскими корреспондентами: в 2 кн. Кн. 1: 1900-1934. — М., 2005.
4. Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921-1931. Сб. док. В двух книгах. Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. Кн. 1. — М.: Наука, 2007.
5. Переписка И. В. Сталина и Г. В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л. М. Караханом: документы, август 1923 г. — 1926 г. сост. А. И. Картунова. — М., 2008.

6. Русско-китайские отношения в XX в. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 — сентябрь 1937 гг.) / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2010.
7. Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг. / Сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. — М.: «Русская политическая энциклопедия (РОССПЭН)», 2001.
8. Гаврилов С. В. Охотско-Камчатское Акционерное Рыбпромышленное Общество. 1924-1926. // <http://www.pacific.ru/np/library/publikacii>
9. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны — Владивосток, 2003.
10. Ильина В. А. О формах хозяйственного освоения территорий северо-востока в 1920-1930-е годы (на примере Акционерного Камчатского общества) // Вестник Томского Государственного Университета. История. — 2008. — № 2(3).
11. Мандрик А. Т. История японского рыболовства в Тихоокеанских водах Русского Дальнего Востока (конец XIX — 20-е годы XX вв.) // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Т. 1. — Владивосток, 1996.
12. Пестушко Ю. С. Российско-японские отношения в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.). — Хабаровск: Изд-во ДВГУ, 2008.
13. Позняк Т. З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.) — Владивосток: Дальнаука, 2004.
14. Тамура А. Деятельность японцев во Владивостоке: последняя треть XIX в. — 20-е годы XX в. // Известия Восточного Института Дальневосточного государственного университета. № 9. — 2005.

Сибирский Федеральный университет, г. Красноярск
Получено 07.03.13

V. Datsyshen

THE JAPANESE LABOR PROBLEMS IN THE FISHING INDUSTRY IN FAR EAST OF RUSSIA

The article refers to Japanese fishing industry problems in Far East of Russia in the beginning of 20th century. Japanese laboring the Russian and Japanese fishing and fish processing plants is considered in the overall context of the history of Russian-Japanese relations. In the first article on archival materials are shown crowding problems of workers of the Soviet fishery trade in the late 1920s.

Fishing industry in Russian-Japanese relations, Japanese workers in the Soviet Fishing industry, The History of Soviet-Japanese confrontation

УДК 902/904

Э. П. Дворников

АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ

Работа посвящена анализу составляющих формирования обрядовой практики. Нами отмечены ландшафтные и хозяйственно материальные факторы их становления и развития. Проанализированы особенности расположения ритуальных комплексов в пределах природно-территориальных участков.

ландшафт, мировоззрение, культура, обряд

В свете активного формирования интереса к истории появления ныне живущих народов на первый план выходит проблема изучения этногенетической истории, становления и развития культуры. В этой связи немаловажную роль играет комплексное применение данных этнографии, философии, истории. Важнейший источник в изучении обозначенной проблемы предоставляют памятники археологии. Именно археология позволяет на материальных остатках прошлого изучить истоки культур, народов, обрядов. Как правило, археологи занимаются вещеведческой работой, часто анализируя только вещественный комплекс, не используя более широко возможности интерпретации применяя наработки философии и культурологии. Дело в том, что археология даёт лишь о вещественный результат проведения того или иного обряда, абсолютно не фиксируя ритуалы до обряда и после.

В нашей работе мы предлагаем подход, направление в исследовании некоторых ярких ас-

пектов объединённых в характеристики культуры, основой которого будет выяснение условий формирующих особенности становления той или иной культуры. Первооснову культурологического анализа составят не только памятники археологии, а скажем более широкая, внешняя среда, на основе которой формировался обряд. Как нам представляется, к таким факторам относятся природно-климатические условия (ландшафты, климат, температура) и хозяйственно материальное производственное основанное, в том числе и на природно-климатической обстановке. По нашему мнению, эти два фактора являются основополагающими в развитии и становлении культуры и обряда иллюстрирующего основы традиционного мировоззрения.

Совершенно очевидно, что ландшафты играли важную роль в выборе типа хозяйства в древности. В Горном Алтае это ярко фиксируется до сих пор в применении способа ведения хозяй-

ства — отгонного скотоводства, как оптимально в условиях горно-долинных ландшафтов. Вероятно, мы не ошибаемся, указав, что ландшафт формирует менталитет человека. В данном случае этот посыл следует понимать, как определённые черты характеризующие скажем представителя кочевой скотоводческой культуры или оседлой земледельческой. Кроме того, тип хозяйства, основанный на природных условиях, формирует особенности поведения человека. Как мы предполагаем, представители горного кочевого образа жизни, вероятно, в своем характере имеют черты характеризующие человека как твёрдого, закаленного. В целом определяется как жёсткий, агрессивный. Земледельческий тип хозяйства характеризуется, на наш взгляд, стабильностью, размеренностью и определяет более мягкий тип поведения представителя земледельческой культуры. Мы считаем, что определяющим фактором поведения горца или степняка является именно ландшафт, а скажем не традиции культуры. Любая культура видоизменяется, приспосабливается под ландшафтные, природные условия. Именно этот фактор формирует культуру поведения этноса.

Ландшафт и обрядность объединяются в слове где? Где проводить обряд погребения, да, разумеется, там, где покоятся предки, но ведь был первый из них кто погребен именно здесь, почему?

Имея определённый опыт полевых исследований, мы постоянно сталкиваемся с осознанием того, что расположение ритуальных комплексов имеет очень строгую систему территориального и хронологического плана. На одной сравнительно не большой террасе сосредоточены объекты разных эпох культур народов, традиций, тем не менее, их объединяет место построения некрополя. Соответственно в разные исторические эпохи определённые ландшафтные свойства имели важные критерии при выборе мест погребения усопшего. Вероятно, не последним фактором выбора этого места являлась укрываемость, труднодоступность, удаленность от обитаемых мест. Кроме того, в слове хоронить отмечается важный синоним «прятать», а значить, не тревожить напрас-

но и заходить в эти сакральные места в исключительных случаях, а именно для совершения обряда погребения или поминок. Современный уровень исследования позволяет изучать роль природных факторов в формировании археологических комплексов. На основании этого мы можем выявить культурные и духовные предпосылки, которые послужили мотивацией выбора природных условий для формирования археологического микрорайона. Как известно, в традиционной культуре народов Горного Алтая жива связь с окружающим миром, ориентацией по сторонам света, звездам, цикличностью Солнца и Луны, что формирует этнические особенности. Такие мировоззренческие ориентиры формировали принципы расположения археологических объектов. В результате комплексного изучения древних памятников Кош-Агачского района Республики Алтай было установлено.

1. Археологические комплексы имеют четкую ландшафтную приуроченность к территориям, долговременно не затопляемым водой и связаны с общей геоморфологической и геолого-геофизической структурой территории;

2. В ряде случаев к археологическим комплексам приурочены этнографические строения, которые составляют общую систему и осуществляют преемственность культур (например памятник Чигур) [1].

3. Для некоторых археологических комплексов использовались горные породы с повышенной намагниченностью, которые приходилось транспортировать за десятки километров.

4. Отмечено влияние археологических комплексов на биофизические параметры человека на фоне геологических факторов [2].

Подводя итог выше сказанному, отметим, что природные условия с древнейших времён в максимальной степени определяли тенденции развития культуры и заставляли человека действовать в том или ином направлении, относясь к природе как к живому существу. Анализ обрядов погребально-поминального цикла лишь подтверждает связь мировоззренческих ориентиров с природными условиями.

Библиографический список

1. Дворников Э. П. Из истории изучения памятников археологии, находящихся к югу от Катунского и Южно-Чуйского хребта // Горный Алтай. Исторический сборник. Выпуск десятый. — Горно-Алтайск-Бийск: РИО ГАГУ, 2005. — С. 47-51
2. Шитов А. В., Воронков Е. Г., Велияева Э. С., Каранин А. В. Некоторые ландшафтные, геолого-геофизические

и биофизические характеристики археологических комплексов Кош-Агачского района (Республика Алтай) // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень научной информации «Изучение взаимодействия метеорологических, гидрологических, литосферных и биосферных процессов» Томск: ТГУ, 2006 С. 95-108

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск
Получено 04.02.13

E. P. Dvornikov

ASPECTS FORMING RITUAL PRACTICE ANCIENT AND MEDIEVAL NOMADS GORNALTAI TO ARCHEOLOGICAL MATERIALS

This work dedicated to analysis component forming ritual practice. We noted landscape and economic and material factors their formation and development. We analyses particularity location ritual complexes within natural and territorial areas.

landscape, word outlook, culture, ritual

УДК 316.334.008

С. Г. Дудик

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ КОШ-АГАЧСКОГО РАЙОНА

Культурная преемственность поколений имеет большое значение для сохранения и развития нашего общества, особенно в условиях популяризации и распространения «массовой культуры» и культа потребления. Насколько современное российское общество способно к сохранению и трансляции культурной памяти в рамках собственной этнической традиции, этой проблеме посвящена данная статья.

культурная идентичность, самоидентификация, культурная преемственность, этнические традиции

Сегодня, как и раньше, вопрос культуры, «культурности» является важнейшим в контексте сохранения и развития нашего общества, нашего Отечества. От приумножения интеллектуального, нравственного потенциала культуры во многом зависит сохранение идентичности России и ее дальнейшего развития.

В настоящее время российское общество представляет собой мозаичное идентификационное пространство, предоставляющее множество вариантов идентификационных стратегий и способов социальной самоидентификации личности. Современный социокультурный контекст идентификационных процессов детерминируется рядом специфических черт, среди которых наиболее значимыми являются: распад советского идентификационного пространства, реорганизация политических и экономических структур, усложнение социально-стратификационной системы общества, расширение рамок социального взаимодействия, нарастание информационных потоков, культурное многообразие, а также глубокая модификация нормативно-ценностной системы и моделей социального, экономического, политического поведения. Эти и другие факторы обуславливают нестабильность и аморфность социокультурной среды, к которой современные россияне вынуждены адаптироваться.

Огромную роль в процессе поиска человеком собственной идентичности играет социокультурная ситуация в обществе, и сегодня это не беспроблемное пространство. Уродливые деформации вековых норм бытия и нравственности, рост технократизма и накопительства, массовая мифологизация и фетишизация сознания целых социальных слоев и групп населения, мистификация общественного прогресса и результатов его развития, возвеличение материальных достижений западной цивилизации, все эти факторы являются угрожающими для традиционной отечественной культурной идентичности. Насколько современное российское общество способно к сохранению и трансляции культурной памяти в рамках собственной этнической традиции, и насколько глубоко в нем укоренилась чуждая западная в «низком образце» «массовая культура»? В рамках этого исследования гипотезы проверялись с помощью опроса (анкетирования).

В проводимом исследовании по теме «Детерминация национального самосознания социальных групп и качества жизни в условиях современного

российского полиэтничного общества» в Кош-Агачском районе, в результате сбора первичной информации было опрошено 259 респондентов, из них:

- женщин 149, что составило 57,5%;
- мужчин 110 (42,5% от общего числа опрошенных).

Было опрошено пять возрастных групп от 14 до 60 лет и старше. Наибольшее число опрошенных респондентов указали на принадлежность к казахскому этносу — 162 (64,0%), представителей алтайского этноса — 66 (26,1%), русских (6,7%), татар (0,4%), украинцев (0,4%), 2,4% не указали этническую группу.

Из общего числа опрошенных на вопрос «*Придерживаетесь ли Вы культурных традиций своего этноса?*», положительно ответило 78,5% респондентов, отчасти — 18,0%, нет — 3,5% опрошенных, что указывает на достаточно высокий уровень стремления к сохранению культурной традиционности и самоопределения в рамках этнической традиции.

Наиболее близкие культуры, в их ценностно-традиционных характеристиках, для респондентов представлены в таблице 1.

Таблица 1

Какая культура (ценности, мораль, устои, обычаи, традиции) вам ближе?	Количество респондентов	%
Евразийская (российская)	105	41,7
Восточная, Азиатская	132	52,4
Западная (европейская, американская)	4	1,6
Язычество	2	0,8
«Евразийская и Восточная»	7	2,8
«Западно-славянская»	1	0,4
«Ценю и уважаю ценности всех народов и наций»	1	0,4
Всего	252	100,0

Для 52,4% от общего числа опрошенных жителей района актуальными и востребованными являются ценности, транслируемые Восточно-Азиатской культурой, 41,7% — разделяют Евразийские (российские) ценности. Эти самые большие показатели свидетельствуют, о том, что, не смотря на влияние через средства массовой информации «Западной культуры» (ее ценностные

нормы разделяет всего 1,6% опрошенных), в основном коренным традициям отдается приоритет и предпочтение. Причем респонденты, подтвердили не только этнокультурный интерес, но и заинтересованность в создании общероссийской культуры. На вопрос «*Сохраняя и развивая различные формы этнических культур русских, алтайцев, казахов и др. (танцы, песни, сказания и т. п.), нужно ли создавать что-то общее — российское?*» 77,5% респондентов дали положительный ответ, и только 19,0% опрошенных ответили, что «нет», остальные (3,6%) предложили иные решения.

Культура формирует общие ценностные нормы, приоритеты, ориентиры, менталитет народа, благодаря которым, пребывание в поле культурного пространства становится более предсказуемым и комфортным, и это демонстрирует результат опроса, вопросы и ответы представлены в таблице № 2.

Таблица 2

Как Вы считаете, влияет ли национальность человека при приеме его на работу или назначении на руководящие и престижные должности?	Количество респондентов	%
Да	95	37,3
«Да, на данный момент, но надеемся на лучшее»	1	0,4
«Да. Особенно на постоянную работу»	1	0,4
Скорее да, чем нет	71	27,8
Скорее нет, чем да	24	9,4
Нет	58	22,7
«Нет. Оценивают только профессиональные качества»	1	0,4
«Иногда»	1	0,4
«Смотря в какой сфере занятости»	1	0,4
«Смотря кто у власти, обычно родственные отношения»	1	0,4
Другое	1	0,4
Всего	255	100,0

Практически 65,8% респондентов (37,8% — «да», 28,0% — «скорее да, чем нет») проголосовали за моноэтнизм в профессиональном коллективе. При этом отношение респондентов к представителям иных этнических традиций, можно назвать с высокой степенью толерантным. Такое отношение демонстрирует результат ответов, принимавших участие в опросе, на вопрос «Как Вы относитесь к людям иных национальностей, приезжающих в Вашу местность на работу или постоянное проживание?». Из общего числа опрошенных выбрали ответ «доброжелательно» и «терпимо» — 54,7 и 37,5%, «враждебно» выбрали 5,5% респондентов.

Высокий процент (60,0% «да» и 30,2% «скорее да») положительных ответов респондентов на вопрос: «*для Вас важно работать в коллективе, состоящем преимущественно из людей своей национальности?*», есть свидетельство не только выраженного таким образом доверия к представителям своего этноса, но и свидетельство почитания и уважения к собственным культурным нормам. Культура воспитывает и формирует духовное, нравственное, эстетическое, этическое развитие человека, закладывает «картину мира» и формирует должное и возможное для человека внутри ее. Предпочтительную ментальную близость в профессиональной среде можно рассматривать, как стремление респондентов жить общностью интересов, делать общее дело, совмещая его частное значение с общекультурным. Но также, этот высокий процент демонстрирует и высокую степень национально-культурного расслоения в обществе.

На вопрос: «*Какие чувства Вы испытываете при упоминании, что Вы гражданин России?*», 79,6% — выбрали ответ «гордость», показательными были и ответы на вопрос, представленный в таблице № 3.

Таблица 3

Сохраняя и развивая различные формы этнических культур русских, алтайцев, казахов и др. (танцы, песни, сказания и т. п.), нужно ли создавать что-то общее — российское?	Количество респондентов	%
Да	196	77,5
Нет	48	19,0
Другое	3	1,2
К этому нужно стремиться	1	0,4
Затрудняюсь ответить	1	0,4
«Необходимо расширить межэтнические мероприятия»	1	0,4
«Думаю, что нет необходимости»	1	0,4
«Общее создавать не нужно, должен быть интерес представителей разных культур друг другу»	1	0,4
Не знаю	1	0,4
Всего	253	100,0

77,5 % из опрошенных жителей республики выразили заинтересованность в создании общероссийских культурных ценностей, тем самым выразили стремление в сохранении межкультурного взаимодействия и диалога формировавшегося исторически между традиционными культурами России.

Можно сделать вывод, что этнокультурная приемственность является неотъемлемой и необходимой частью в жизни жителей исследуемого района республики Алтай, а это, в свою очередь, демонстрирует и связь времен и поколений, об

утрате которых много написано в художественной и научной литературе еще с древнейших времен (со времени легендарного Гомера).

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск
Получено 04.02.13

S. G. Dudik

A STUDY OF CULTURAL IDENTITY AMONG THE POPULATION OF THE KOSH-AGACH REGION

The cultural continuity of generations is of great importance for the maintenance and development of our society, especially in the context of popularization and dissemination of «mass culture» and the cult of consumption. As far as contemporary Russian society is able to preserve and broadcast cultural memory as part of their ethnic traditions, this issue is devoted to this article.

cultural identity, self-identification, cultural continuity, ethnic traditions

УДК 94

Н. Ф. Иванцова

ПРОБЛЕМЫ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СССР КОНЦА 20-30-Х ГГ. НОВЕЙШЕЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье на основе анализа работ современных исследователей показана степень изученности проблемы промышленной политики советского правительства конца 20 — 30-х гг. XX в. Выделены дискуссионные вопросы, представлена точка зрения автора.

историография, индустриализация, Россия, степень изученности вопросов, модернизация, методы, источники, причины и последствия, особенности

Проблема построения социализма В. И. Лениным пересматривалась несколько раз. Вначале вождь большевистской партии полагал, что победа социализма в России может быть обеспечена мировой революцией. После прихода к власти В. И. Ленин попытался строить социализм в одной стране, взяв курс на национализацию и коммунизацию. В апреле 1918 г. В «Очередных задачах советской власти» (Полн. собр. соч. Т. 37) В. И. Ленин, все еще надеясь на мировую коммунистическую революцию, скорректировал основные задачи в создании нового общества и в последующем (1921 г.) отдельные их положения включил в содержание новой экономической политики. В 1922-1923 гг. В. И. Ленин пишет ряд работ и отдельных заметок («О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше» и др.) (Полн. собр. соч. Т. 45, 46), в которых В. И. Ленин предлагал обратить внимание на решение следующих задач: кооперирование крестьянства, совершенствование государственного аппарата и управления, проведение культурной революции. Вождь революции не считал индустриализацию вопросом актуальным в экономическом развитии СССР.

И. В. Сталин в работах 20-х гг. выстроил достаточно логичную цепь доказательств необходимости индустриализации, которую он называл «социалистической». Он, во-первых, утверждал, что Россия досталась большевикам экономически и культурно отсталым государством, во-вторых, находилась в капиталистическом окружении. По мнению И. В. Сталина, главным условием предотвращения «реставрации буржуазно-помещичьего строя и новой интервенции» было преодоле-

ние экономической и культурной отсталости. Сталинская концепция «социалистической индустриализации» оформилась в конце 30-х гг. И. В. Сталин существо индустриализации видел в развитии тяжелой промышленности и ее «сердцевины- машиностроения».

Главным источником социалистической индустриализации И. В. Сталин считал внутренние накопления в промышленности. Поэтому главной задачей он видел повышение производительности труда, развитие инициативы рабочих, поощрение трудового энтузиазма. Рамки индустриализации И. В. Сталин определял тремя предвоенными пятилетками (1928-1941 гг.) (Сталин И. В. Избранные произведения. Т. 5. М., 1946; Соч. Т. 11; Вопросы ленинизма. Любое издание).

Советскую традицию исследования проблем «индустриализации» отличала широта, глубина, конкретика (тяжелая, легкая промышленность, партийное руководство, методы, создание производств на окраинах страны, рабочий класс, безработица, формы соревнования и пр.) изучения вопросов на марксистско- ленинской методологической основе. Обсуждение их проходило на конференциях, симпозиумах, круглых столах. Вторая половина 50-х — начало 80-х гг. ознаменовались введением в оборот новых источников: статистических сборников о развитии народного хозяйства, промышленности, в том числе, и в отдельных регионах (Индустриализация СССР. В 3-х вып. М., 1969-1971). Заметим, что во многом этому способствовала работа группы по изучению промышленности и советского рабочего класса, созданной в 1959 г. в Институте истории АН СССР. Были изданы фундаментальные кол-

лективные работы («Советская социалистическая экономика 1917-1957 гг.», «Построение фундамента социалистической экономики в СССР. 1926-1932 гг.», «Исторический опыт Коммунистической партии по осуществлению ленинского плана индустриализации», Хавин Л. Краткий очерк истории индустриализации СССР. М., 1962; Лельчук В. С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М., 1984 и др.).

Оценка состояния и уровня разработки основных проблем индустриализации содержались в ряде историографических работ (Советская историография индустриализации СССР. М., 1975; Нарочницкий А. Л., Буганов В. И., Шерстобитов В. П. XXV съезд КПСС и задачи изучения отечественной истории // Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Вып. 1. Советский период. М., 1978. С. 15; Митрофанова А. В., Некрасова И. М., Остапенко И. П., Рогачевская Л. С. История рабочего класса СССР в советской историографии // Там же. С. 100; Митрофанова Л. В. Изучение истории рабочего класса и индустрии СССР // Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982. С. 113).

Авторы отказались от положения о крайней отсталости промышленного производства дореволюционной России, заявив, что правильнее бы начальным периодом индустриализации считать 1908 г., а индустриализацию в СССР называть «социалистической». Политика индустриализации получила высокую оценку. Пересмотр официальной советской концепции индустриализации был начат в работах О. В. Лациса, В. Селюнина и Г. И. Ханина, опубликованными в 1987-1988 гг. Авторы отметили, что темпы роста промышленного производства в СССР в годы пятилеток были фальсифицированы официальной статистикой, а плановые задания не выполнены.

В 80-е гг. Л. А. Гордон и Э. В. Клопов, исходя из концепции «деформированного социализма», поставили вопросы альтернативности курсу ускоренной индустриализации (Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? М., 1989).

Конец 80-х — 90-е гг. были отмечены публикацией работ видных деятелей партии и государства (Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988; его же. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989; его же. Заметки экономиста. М., 1998; Рыков А. И. Хозяйственное положение страны // Избранные произведения. М., 1990), а также видных экономистов (Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства в России (последняя треть XIX в. — 30-е гг. XX в.) М., 1994). Были опубликованы материалы переписи 1939 г., другие документальные материалы (Всесоюзная перепись населения 1939. Основные итоги. М., 1992; Год кризиса 1938-1939. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1990; Индустриализация Советского Союза. Ч. 1, 2. М., 1997, 1999; Голос народа. М., 1998; Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930-1953. М., 2005).

Проблемы индустриализации получили освещение в ряде обобщающих работ (Васильев Ю. А. Модернизация под красным флагом. М., 2006;

Развитие экономики России за 100 лет. М., 2007; Тимошина Т. М. Экономическая история России. М., 2009; Ханин Г. И. Экономическая история России. Т. 1 Экономика СССР в конце 30-х 1960 годы. Новосибирск, 2007; Кудров В. М. Советская экономика в ретроспективе. М., 2003; его же. Экономика России в мировом пространстве. СПб., 2010).

Современных исследователей интересовала вопросы состояния, развития военно-промышленного комплекса (Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс. 30-80-е годы. М., 2006; Военная экономика России в первой половине XX века. М., 2006; Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы. М., 1996; Хохлов Е. В. Военная экономика СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2005), сталинской концепции индустриализации (Верхотуров Д. Н. Сталинская экономическая революция. М., 2006), ГУЛАГской экономики (ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008; Иванова Г. М. История ГУЛАГа. Социально-экономический аспект. М., 2006).

Отдельные работы были посвящены анализу хода индустриализации, системы управления экономикой, социальных отношений, форм социалистического соревнования, государственного распределения и рынка и пр. (Мау В. Реформы и догмы: очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993; Наумов Н. В. Социально-экономические и культурные преобразования в СССР. 1928-1941 гг. Проблемы отечественной историографии. М., 2004; Переписка на исторические темы. М., 1989; Урок дает история. М., 1989; Лельчук В. С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М., 1989; его же. Политика «большого скачка» // Наше Отечество. Т. 2. М., 1991; Сенявский С. Л., Тельпуховский В. Б. Рабочий класс в 1938-1941 гг. М., 1992; Гордон Л. А. Клопов Э. В. Что это было? М., 1989; Некрасов В. Тринадцать железных наркомов. М., 1995; Осокина Е. А. Иерархия потребления: о жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928-1935 гг. М., 1993; ее же. Социалистическая торговля: распределение и рынок. 1927-1941. М., 1998; Роговин В. З. Сталинский неонеп. М., 1994; Голанд Ю. Кризисы, разрушившие НЭП; Индустриализация в России. Итоги 5-летней деятельности. М., 2001; Ханин Г. Советское экономическое чудо: миф и реальность // Свободная мысль. XXI век. 2003. № 7,8; Шмелев И., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. М., 1989. Гл. 1-3).

Наиболее обсуждаемыми в конце 80-х гг. XX — начале XXI вв. стали вопросы: причины, суть, характер, методы, трудности, последствия преобразований в промышленности в конце 20-х — 30-е гг.

Одни (Л. А. Гордон, Э. В. Клопов) определяют причины индустриализации «состоянием производительных сил», т. е. экономической отсталостью СССР, другие (В. М. Борисова, В. В. Кириллова. Отечественная история. М., 1996) исходят из положения о том, что общемировая

модернизация и рационализация требовала осуществления и в СССР реформирования экономики. Третьи (Ю. Голанд) уверены, что индустриализация «вышла из кризисов нэпа» и сталинской экономической модели государства, четвертые (В. П. Дмитренко «История России. XX век. М., 1997) подчеркивают, что международная обстановка 20-х гг. и исчезновение надежды на мировую революцию, подталкивали руководство СССР к политике ускоренного промышленного развития страны. А. К. Соколов (Курс советской истории. Ч. 1. 1917- 1940. М., 1999) настаивает на том, что индустриализация выросла из стремления И. В. Сталина и его окружения к неограниченной власти.

Неоднозначно определяются исследователями хронологические рамки индустриализации. Одни (Э. В. Клопов, Л. А. Гордон) относят ее к концу 20-х — началу 40-х гг., другие (А. К. Соколов) — к концу 20-х — концу 40-х гг., В. С. Лельчук склонен отнести начало индустриализации к 1908-1912 гг. Н. В. Наумов отмечает, что уже до 1928-1929 гг. индустриализация, начавшаяся в конце XIX в., прошла ряд этапов. Следует отметить, что все чаще исследователи заявляют, что досоветскую и советскую индустриализацию нужно рассматривать как единый процесс, прошедший два этапа, которые имели свои особенности. Некоторые историки, сравнивая уровень промышленного развития СССР с уровнем индустриализации высокоразвитых стран, полагают, что советская индустриализация не была осуществлена до 1991 г., а многие ее проблемы не решены и до настоящего времени. Но большинство исследователей склонны полагать, что она завершилась в середине 60-х гг. XX в.

Одним из вопросов, вызвавшим интерес исследователей в 90-е гг., стал вопрос об источниках индустриализации. В свое время В. С. Лельчук отметил, что капитальные вложения в развитие промышленности в годы пятилеток были огромны. Источниками «гигантских финансовых вложений» он определил займы, принудительно размещавшиеся среди населения, средства от продажи спиртного, экспортной продукции. М. М. Горинов замечает, что не нужно забывать об использовании в широких масштабах принудительного труда заключенных.

До сих пор обсуждается вопрос о темпах индустриализации. А. К. Соколов промышленное развитие СССР в предвоенные годы характеризует как «экономическую лихорадку», но отмечает, что темпы роста были невысокие (3-4 % — в предвоенные годы). Большинство склонно полагать, что темпы были выше, чем в дореволюционной России в 2 раза и выше, чем в США — в 4-5 раз. Сверхтемпы и «большой скачок», отмечают они, был связан с «нетерпением партийного руководства, а также стремлением народных масс разом покончить с социально-экономическими проблемами». Другие уверены, что ставка на индустриальный рынок была «тесно связана с курсом на сплошную коллективизацию», третьи видят одну из причин поворота к «большому скачку» в международном положении СССР. М. М. Горинов,

в частности, заявил, что, чтобы остаться субъектом мировой политики, СССР не просто должен был завершить индустриализацию, а сделать ее как можно быстрее. Кроме того, по его мнению, «ускорение индустриализации диктовалось отсталостью аграрного сектора». Н. С. Симонов отметил, что сверхтемпы имели причиной осуществление всесторонней милитаризации экономики страны, обеспечение роста военно-мобилизационных возможностей. В. С. Лельчук подчеркнул, что «скачок» органически был связан с репрессивной политикой.

Одни историки полагают, что индустриализация приняла «лихорадочный» характер в силу объективных обстоятельств. Другие объясняют это позицией И. В. Сталина, который, по их мнению, навязал руководству СССР принятие «оптимального» варианта плана первой пятилетки, «неосуществимость которого он сам понимал». Признавая, что ни первый, ни второй планы не были выполнены, И. В. Сталин все «провалы», отмечает Н. В. Наумов, «свалил» на своих оппонентов, создав в стране атмосферу гражданской войны и развязав кампанию массового террора.

Исследователи практически однозначно определяют характер индустриализации как социалистический, причем отмечают возможность «широкой вариантности», многообразия форм социалистического строительства, способов «индустриальных преобразований»: «преимущественно внеэкономическими, административными методами», но и «с широким использованием средств товарно-денежного и финансового регулирования».

В конце 20-х гг. руководство СССР стояло перед выбором двух вариантов экономической стратегии, один из которых представлял Сталин, второй — Бухарин. «Сложившаяся к концу 20-х — началу 30-х гг. расстановка сил в партии и обществе способствовала победе сталинской стратегии, но не предопределяла ее с «железной необходимостью».

Отмечая особенности индустриализации, авторы тоже расходятся во мнении. Л. И. Семенникова (Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 2006) отмечает, что индустриализация СССР отличалась от аналогичного процесса в развитых капиталистических странах: она была «реализована за счет однобокого и преимущественного развития отраслей группы «А». Еще одной ее особенностью, по ее мнению, было «освоение отдаленных восточных районов страны. «Другие говорят о высоких темпах развития. А. К. Соколов выделяет и такие особенности, как огромные капиталовложения, планомерность и преимущественное развитие тяжелых отраслей. Руководство СССР решало проблему освоения новых районов, по его мнению, тремя путями: «во-первых, путем возбуждения общественного энтузиазма комсомольских, молодежных и прочих призывов; во-вторых, путем введения надбавок к заработной плате и предоставления некоторых преимуществ лицам, работающим в тяжелых условиях; в-третьих, широким использованием для решения этой задачи принудительного труда заключенных и спецпереселенцев».

На круглом столе, организованном в 2000 г. журналом «Отечественная история», был поставлен вопрос о соотношении понятий «индустриализация» и «модернизация». Ю. И. Грицкий отметил, что, если исходить из роста объемов производства, производительности труда, создания новых отраслей, технического прогресса, то можно говорить о том, что в промышленности действительно произошли «коренные модернизационные сдвиги». Однако другие участники круглого стола склонны были полагать, что индустриализация в СССР «состоялась, а модернизации не произошло».

Большинство современных исследователей отказалось от оценки индустриализации СССР, как уникального явления в мировой истории. Историки стремятся рассматривать ее как составную часть, общецивилизационного, глобального процесса перехода различных стран мира от традиционного аграрного строя к индустриальному.

Указывают современные исследователи и на трудности индустриализации; отсутствие источников капитала, которыми располагали капиталистические страны (колониальный грабеж, иностранные инвестиции); развитие капиталоемких отраслей (энергетика, металлургия, машиностроение и пр.); нехватка сырья, стройматериалов, квалифицированных рабочих, инженеров, в том числе, и в связи с репрессиями. Отдельные авторы отмечают и неразвитость инфраструктуры, диспропорции в развитии промышленности и сельского хозяйства, продовольственный кризис. Причины трудностей почти все современные авторы видят в методах сталинского руководства.

Исследователи в 90-е гг. XX — начале XXI вв. возвращаются и к вопросам анализа различных форм соцсоревнования, однако, оценка их невысока. Они характеризуются как показуха исключительно для «бумажных отчетов и рапортов». А. К. Соколов, в частности, отмечает, что стахановское движение — это «крайне противоречивое явление», и попытка руководства СССР придать ему массовый характер и поднять производительность труда во всех отраслях промышленности «с самого начала вошла в противоречие с логикой развития плано-распределительной системы». По мнению А. К. Соколова, рекордомания вела к нарушению производственного процесса. Отрицательно относились к ней и рабочие, которые видели в нем средство повышения интенсивности труда и снижения расценок на произведенную продукцию, увеличение норм выработок, и инженерно-технический персонал.

Социальные процессы 30-х гг. историками рассматриваются, в основном, в негативном ключе. М. М. Горинов, в частности, отмечает обострение социальной обстановки в стране, широкие масштабы репрессий, затронувших и рабочий класс, «невиданную степень эксплуатации».

Обратили внимание авторы многих работ на формы и методы управления экономикой и в этой связи на анализ различных точек зрения, борьбе в руководстве страны по различным вопросам индустриализации. Отмечается, что в условиях форсированной индустриализации была создана

система управления экономикой, которой было присуще следующее: в распоряжение государства поступала вся товарная продукция и большая часть дохода; главным стимулом развития являлись директивные адресные задания, которые должны были выполняться любой ценой; управление осуществлялось по отраслевому принципу, программы отраслевых сверхмонополий корректировались методами директивного планирования, как правило, долготетного; мощными стимулами и труду являлись, с одной стороны, идеология и моральное стимулирование, с другой — деятельность карательных органов.

В целом, исследователи пришли к выводу, что советская административная система была «крайне грубой силовой моделью управления», применявшая в широких масштабах принудительный труд. Авторы подчеркивают, что сталинского неонэпа не получилось. Верх взяла линия на централизацию и укрепление плано-распределительного механизма управления.

Всесторонне проанализирован вопрос об итогах и последствиях индустриализации. В. С. Лельчук отмечает, что в годы предвоенных пятилеток были построены «десятки тысяч современных промышленных предприятий», сформировалась новая промышленная география СССР, был осуществлен сдвиг в преодолении технико-экономической отсталости, построены новые города, выросла численность рабочих и служащих, инженеров; СССР по структуре промышленного производства вышел на уровень развитых стран мира. Говоря о положительных результатах индустриализации, современные исследователи считают, что главным из них было создание многочисленных отраслей промышленности, ранее не существовавших в нашей стране, укрепление ее обороноспособности, развитие науки и образования и т. д. Вместе с тем, ценой сверхчеловеческих усилий, как широких народных масс, так и партийных и государственных руководителей всех уровней (отметим, что эта тема совершенно выпала из поля зрения современных исследователей) был заложен фундамент дальнейшего экономического, социального, культурного и научного прогресса советского общества.

И. В. Быстрова, Д. Н. Верхотуров замечают, что итогом выполнения пятилеток явилось сокращение отставания от развитых стран по производству продукции на душу населения с 5 до 1,5 раз. «Это был технологический прорыв», — отмечает И. В. Быстрова.

Н. С. Симонов пишет, что отраслевая структура промышленного производства, созданная в СССР в 30-е гг., превратила его в экономически независимую, индустриально-развитую державу, способную иметь и динамично развивать все, без исключения, виды производства продукции военного потребления. Без преувеличения, это, отмечает автор, — выдающееся достижение для страны, совокупный общественный продукт которой еще в начале 1930-х гг. на две трети состоял из продукции крестьянского сельского хозяйства, а комплектование станочного парка и кузнечно-прессового оборудования немногочисленных строитель-

ных заводов почти на сто процентов осуществлялось за счет импорта.

Л. А. Гордон и Э. В. Клопов уверены, что «итогом реконструкции народного хозяйства явилось построение реального варианта социалистической экономики, народного по своей сути хозяйства, отличительной чертой которого была «командно-нажимная экономическая система с внеэкономическими методами управления». Авторы заметили, что хотя СССР утвердился в ряду самых могучих индустриальных государств, в социальной сфере итоги были не столь однозначны. Была ликвидирована безработица, расширилась сфера социального обеспечения, но зарплата оставалась низкой, ощущалась нехватка продовольственных и промышленных товаров, расширилось применение труда заключенных, в стране сложился авторитарный режим, заметим, последний они считают «мощным ускорителем экономического и культурного роста».

Часть историков, раскрывая последствия индустриализации, делают акцент, прежде всего, на то, что «практически все данные по пятилеткам были фальсифицированы». А. С. Сенявский пишет об утверждении тоталитаризма, о попрании гражданских свобод, о директивно-плановом характере урбанизации. М. М. Горинов уверен, что в стране утвердилась мобилизационная хозяйственная модель, а рост промышленности сопровождался разрушением производительных сил деревни. В 30-е гг., по его мнению, произошло падение уровня жизни городского населения, вместе с ужесточением политического режима и идеологического прессинга.

Существует многочисленная группа историков, которая пытается доказать, что индустриализации в СССР, в сущности, не произошло. Они указывают, что промышленный труд отсутствовал в сельском хозяйстве, наблюдалась высокая доля ручного труда в промышленности. И. В. Павлова и В. Л. Дорошенко (Советское прошлое: поиски понимания. Круглый стол// Отечественная история. 2000. № 4) заявляют, что то, что происхо-

дило в СССР в 30-е гг. — это не модернизация, а разрушение всех прежних форм хозяйствования с установлением системы натурального хозяйства в масштабах всей страны под партийно-государственным контролем. В результате, по их мнению, Россия оказалась отброшенной назад в сфере организации промышленности к петровским временам.

А. К. Соколов указывает и на такое последствие индустриализации, как падение нравственности. Пьянство, прогулы, порча оборудования, травматизм в условиях огромной текучести кадров стали постоянным явлением. Кроме этого, бюрократия не только сохранила за собой постоянно расширяющиеся функции, но и обеспечила свой непрерывный численный рост. Результатом социалистической модернизации автор считает «отчуждение трудящихся от собственности».

Н. В. Наумов отмечает, что в короткий срок город и деревня оказались во власти жесткой централизации, администрирования, приказов. Одновременно все звенья воспроизводства, становились объектом прямого централизованного регламентирования. Результатом непродуманных и необоснованных решений в области экономической стратегии была, замечает автор, невиданно высокая «цена» всех достижений в области индустриализации. Миллионы человеческих жизней, гигантские непроизводительные расходы, свертывание промышленности, производящей товары народного потребления, разорение аграрного сектора экономики и т. п., и как следствие всего этого — резкое падение жизненного уровня людей.

Следует подчеркнуть, что для новейшей историографии проблемы промышленного развития России конца 20–30-х гг. характерно обращение к исследованию второстепенных вопросов, причем, присутствуют, в основном, отрицательные оценки сталинской политики индустриализации. Вне исследовательских интересов по-прежнему конкретные аспекты развития различных отраслей промышленности, социальные процессы, повседневная жизнь.

Московский государственный педагогический университет, г. Москва
Получено 04.02.13

N. F. Ivantsova

THE PROBLEMS OF THE INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF THE USSR
THE END OF 20—30-IES. THE MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

In article on the basis of the analysis of works of modern research shows the extent of knowledge of the problems of industrial policy of the Soviet government the end of 20-30-ies. XX century. Allocated discussion questions, presented the point of view of the author.

historiography, industrialization, Russia, the extent of knowledge of the issues, modernization, methods, sources, causes, and consequences, especially

УДК 94

К. А. Кенешбеков

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ КЫРГЫЗСКОГО КРАЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ВОССТАНИИ 1916 ГОДА

В статье излагается точка зрения автора на роль российских немцев в общественно-политической и культурно-религиозной жизни кыргызского края Российской империи в последней трети XIX начале XX веков. Освещается их позиция в восстании 1916 года.

**российские немцы, меннониты, Туркестан, Кыргызстан, Таласская долина,
баптистская религия, восстание, кыргызы**

Франко-прусская война и образование агрессивной воинственной Германской империи послужили толчком к отмене в 1871 г. данных при поселении немцев из Германии в Россию прав и привилегий. Ликвидируются немецкое самоуправление и конторы опекунов как административные центры российских немцев, преподавание в немецких школах переводится на русский язык. В 1874 г. На российских немцев была распространена всеобщая воинская повинность, кроме меннонитов, придерживавшихся принципа безоружности, им было разрешено отбывать службу в мастерских, в пожарных командах и т. д. [1].

Несмотря на определенные льготы (которые постепенно ликвидировались), в поволжских и украинских колониях немцев-меннонитов возникли эмиграционные настроения. После издания закона о воинской повинности часть их переселилась в Америку, другие вернувшись оттуда, отправились на окраины царской России, где законы выполнялись не с таким рвением. По этому поводу генерал М. А. Терентьев писал: «В 1876 году поселившиеся 100 лет назад в России меннониты отказались подчиниться закону о всеобщей воинской повинности, распродали все имущество и потянулись в Америку. Здесь они не нашли, однако, такого уголка, где бы могли прожить без револьвера, и вернулись в Россию, согласившись на дарованные им льготы в 1875 году... Но теперь они потянулись в Туркестан в числе 500 семей, рассчитывая на льготу по военной повинности» [2].

Однако желание покинуть Россию было вызвано тем, что генерал-губернатор Туркестана К. П. фон Кауфман оказывал покровительство немцам меннонитам. Он имел права оказывать привилегии переселенцам. И помогал немцам-меннонитам при переселении и их обустройстве в кыргызском крае Туркестана.

Межгосударственные отношения царской России и Германии оказали воздействие на положение российских немцев в Кыргызстане. На территории Кыргызстана в досоветский период проживала 58 российских немцев, государственных служащих, занятых государственной учебно-воспитательной, медицинской деятельностью. В северном Кыргызстане 16 российских немцев, южном Кыргызстане 52 российских немцев из них 40 военнослужащих. Среди них наиболее яркий след оставил первый Туркестанский генерал-губернатор российский немец К. П. Фон Кауфман. Он внес большой вклад в колонизацию Туркестана.

В 70-е годы XIX века отношение между Российской империей и Германией стали обостряться, что привело к постепенному вытеснению российских немцев с ведущих позиций политической, экономической, культурной и научной жизни российского государства. В это время известные ученые и государственные деятели российских немцев испытывали на себе предвзятое отношение со стороны части русских ученых и государственных деятелей, стоящих на антигерманских позициях.

Также обострение международных отношений между Россией и Германией оказали большое влияние на российских немцев предпринимателей. В начале XX века на территории Кыргызстана стали проникать российские немцы предприниматели. Они организовали фирмы братья Крафт, Фирму Зигель и Гейгаген, торговый дом Л. Кноп. В 1905 году внутри царской России стали нарастать антинемецкая волна, связанная поражением России от Японии, союзника Германии. Российские немцы предприниматели вынуждены были уступить экономические права русским предпринимателям и создавать совместные акционерные общества.

Также обострение международных отношений между царской Россией и Германией повлияли на немцев-меннонитов. Законодательные акты Царской России запрещали переселение и освоение новых земель протестантскими религиозными общинами, которые входили российские немцы и только в виде исключения немцам меннонитам разрешили переселиться на территории Кыргызстана.

Религиозные центры Германии обучали немцев профессии учителя и фельдшера и направляли в немецкие села для миссионерской работы и распространение баптистской религии. В частности, подготовку в религиозных центрах Германии прошли И. Тильман, И. Янцен и другие, которые занимались миссионерской деятельностью среди немцев-меннонитов и местных кыргызов, и параллельно работали учителями и фельдшерами немецких сел [3].

В 1893 году немецких сел Таласской долины активно проводится политика русификации. Так как русский язык был государственным языком Российской империи в первую очередь в административном порядке были переименованы названия сел: Коппенталь в Романовку, Гнаденвальд в Владимировку, Гнаденталь в Андреевку [4]. В это же время (1893 г.) в селе Романовка и в селе

Орлова были открыты церковноприходские школы для приобщения молодежи к православной религии [5].

Первая мировая война по разному повлияла на судьбы немецких сел Кыргызстана. Немцы лютеране сел Орлова и Иогансдорфа были призваны на фронт. Они воевали на русско-турецком фронте. На этом фронте воевала до 25000 российских немцев снятых с русско-германского фронта из опасения, что российские немцы перейдут на сторону Германии [6, 7].

Немцы-меннониты Кыргызстана в этой внешнеполитической обстановке оказались более благоприятной положение. Руководство немцев-меннонитов российской империи смогла доказать царскому правительству свое голландское происхождение и добиться отмены для меннонитов ограничительного закона в землепользовании 1878 года касающего только немцев, но не голландцев.

Голландия в годы первой мировой войны была союзницей России, и меннониты были вынуждены оказывать активную материальную помощь царскому правительству в виде различных пожертвований.

В 1916 году основная часть немцев-меннонитов Таласа поддержала восставших материально, но в восстании не участвовала.

Немцы Таласа не стояли в стороне и от восстания 1916 г. в крае. Хотя они не принимали непосредственного участия в выступлениях восставших, но содействовали им, оказывали помощь продовольствием. Дошедшие до нас документы не позволяют с уверенностью судить о планах и целях (если они были) немецких колонистов в этом движении.

По свидетельству миссионера Германа Янтцена положения в киргизском крае Российской империи была следующая. В своей книге Г. Янтцен пишет: Российское правительство призвало теперь на военную службу и мусульманское население Туркестана. Но не для того, чтобы с оружием воевать против немцев, а для рытья окопов. Но киргизы воспротивились.

В русских селах все мужчины от 17 до 45 лет давно уже были призваны. Остались только старики, женщины и дети. И теперь киргизы собирались в отряды и банды и нападали на села, ужасным образом убивали людей и грабили дома. Потом села поджигались».

Г. Янтцен как руководитель таласских немцев-меннонитов при проведении собрания местного населения Таласской долины выступил: «Дорогие друзья, вы думаете, что вас забирают в армию, потому что уже расстреляно очень много русских. Но это большая ошибка. Россия много, много больше, чем вы думаете и может призвать еще очень много солдат. Вы это еще увидите. Я не ошибусь, если скажу вам: может быть уже очень скоро придет много солдат, чтобы наказать вас. Среди них будет много отцов и сыновей тех, кого вы убили. И они будут мстить. Поэтому я советую вам, как ваш друг: уходите как можно скорее со всем, что у вас есть, в горы. Подождите там десять дней и увидите, прав ли я».

После этого все предводители собрались на совет. Совет длился довольно долго. Наконец меня опять позвали в круг. И опять самый главный заговорил со мной, при этом он передо мной встал: «Дорогой Рахман-бай (Г. Янтцен псевдоним), мы решили принять ваш совет и последовать ему, потому что знаем, что вы желаете нам лучшего» [8]. Впоследствии участники данного собрания приняли решение не участвовать в восстании, в связи с этим населения Таласской долины восстании 1916 года не участвовала.

Главные вехи в жизни Германа Янтцена:

1866 — 28 мая. Родился в Хансу, меннонитском поселении на юге России (у Тракта на Волге).

1880 — Переселение в Среднюю Азию.

1882 — Обращение и крещение.

1883 — Переводчик при дворе хивинского хана (семь лет).

1887 — Вступил в брак.

1890 — Переселение в Аули-Ату, Николайполь.

1891 — Переезд в Орловку.

1892 — Лесничий на государственной службе.

1895 — заговор в Аули-Ате.

1898 — Мусульманское восстание в Андижане.

1910 — Выход из государственной службы, миссионерское служение.

1911 — Посещение Библиейской школы в Берлине.

1913 — Служение в общине Ак-Мечети.

1916 — Восстание ямудов (туркмен) в Хиве, восстание киргизов и казахов.

1917 — Русская революция, Янтцена выбирают делегатом в Советы.

1918 — Смертный приговор, побег в горы.

1919 — Тюрьма.

1920 — Поездка в Москву.

1922 — Снова тюрьма, смертный приговор.

1923 — Освобождение, поездка в Германию.

1928 — Смерть жены.

1929 — Миссионерская поездка в Болгарию. Переезд в Голландию.

1931 — второй брак (с вдовой бывшего сотрудника Абрама Янтцена).

1959 — 13 ноября. Умер в Хилверсуме, Голландия.

По данным миссионера И. Раймера немцы Таласа оказывали содействия восставшим киргизам, которые из Чуйской долины переселялись тайно на территорию Таласской долины. В своей книге И. Раймер пишет: Николайполь (село находится в Таласской долине) все больше становился убежищем для беженцев. Вооруженные столкновения между киргизами и русскими приносили несчастье как одним, так и другим. Сотни людей оказались без крова. В своем письме от 12 февраля 1916 года Мартын Тильман рассказывает о 250 беженцах, поселившихся в Николайполе. Многие из них были тяжело больны. Небольшое количество палат госпиталя вскоре было переполнено. Три имеющиеся медицинские сестры были перегружены вконец, и вскоре заболели [9].

Причастны были к восстанию 1916 г. и другие немцы, находившиеся в то время на территории Кыргызстана: военнопленные — подданные Германии и Австро-Венгрии. Правда, их участие было вызвано в основном стремлением ослабить Россию в войне. Документы содержат сведения, что с этой целью они поддерживали связи с местной феодальной элитой, стоявшими во главе восстания. Местная феодальная элита и действовавшая в крае германо-турецкая агентура, как отмечает исследователь А. М. Матвеев, были заинтересованы в привлечении к участию в мятежах пленных австро-венгерской и германской армий и предпринимали шаги в этом направлении. Однако в Средней Азии не было, по мнению указанного исследователя, объективных условий для массового вовлечения русскоподданных и пленных немцев в восстания.

Отдельные представители немецкого происхождения, находившиеся на российской государственной службе и в годы войны, выполняли свои служебные обязанности по ликвидации восстания 1916 г. Это касается военного губернатора Семиреченской области М. А. Фольбаума, сменившего в годы войны свою немецкую фамилию на русскую — Соколово-Соколинский. Руководителя карательного отряда Берга по подавлению восстания кыргызов в Пржевальском уезде. Однако достоверно то, что основная часть немцев, а именно немцы, жившие в районе Таласа, поддерживали восставших.

Немцы-меннониты Таласа как и местное население Таласской долины не участвовала в восстании 1916 г. в крае.

Библиографический список

1. Устав о военной повинности. Изд. 1979. Отд. VIII & 157
2. Красноперов И. Меннонитское хозяйство в Самарском уезде // Русская мысль. — М., 1883. Кн 10. — 54.
3. Тереньев М. А. История завоевания Средней Азии. — СПб., 1906. Т. 3. — С 270.
4. Миссионерская деятельность немцев в дореволюционном Кыргызстане. Статья. // Вестник КГПУ им. И. Арабаева. Серия общественные науки. Бишкек, 2006, № 6. — С. 150-152.
5. Газета немцев Кыргызстана — 1992, № 11. С. 12.
6. Капля — 1991, №4-5. С. 7.
7. Кронгардт Г. К. Немцы дореволюционного Кыргызстана. Бишкек: Илим, 1995. С. 109.
8. Янтцен Г. В далеком Туркестане. — Бишкек, 1993. — С. 74.
9. Раймер И. Евангельские превороходцы в Кыргызстане. — Логос, Германия. 1998. — С. 105.

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск
Получено 04.02.13

К. А. Keneshbekov

THE RUSSIAN GERMANS OF THE KYRGYZ REGION OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE REVOLT OF 1916

The paper states the author's point of view on the role of the Russian Germans in a political and cultural-religious life of the Kyrgyz region of the Russian Empire in the last third of the XIX — the beginning of the XX centuries. Their position in the revolt of 1916 is described.

the Russian Germans, mennonites, Turkestan, Kyrgyzstan, the Talassky valley, Baptist religion, revolt, the Kyrgyz people

УДК 930.85

Б. Кумарова

ТАТАРСКАЯ МЕЧЕТЬ ГОРОДА ЗАЙСАНА

Об истории Зайсанской татарской мечети.

мечеть, Улкен кажы Бекшентаев, Ахметзаки Ахтямов

Согласно данным переписи населения 1926 года жителями Казахстана были 79758 татар, расселенных с небольшим предпочтением к северо-востоку республики. Абсолютное большинство татар проживало в Семипалатинском уезде (59,6%) следом расположились Павлодарский (111,55%), Усть-Каменогорский (11,4%) и Зайсанский (10,5%) уезды [1].

Первые казачьи отряды на территории левобережной речки Джеминей появились в 40-50 годы XIX века. Рядом с заставой постепенно возникали первые саманные дома. Уже с 1864 года стала называться станицей Зайсанской. Здесь прожи-

вали: 4143 (из них только 994 женщин), в том числе нижних воинских чинов (с семьями) 2424, казаков 772, киргизов 213; 398 магометан, 30 язычников [2].

По национальному составу зайсанцы были: казахи, русские, казаки и татары. По официальным данным в 1887 году по вероисповеданию в Зайсане проживали: 2017 православных, 6 католиков, 1 протестант, 10 иудаистов, 470 мусульман [3].

В городе к концу XIX века начинают развиваться промысловые предприятия: мыловаренные, кожевенные, пивоваренные заводы. Было создано

«Саурское горное общество» по разработке местных каменноугольных копей. С открытием таможенного поста на границе с Китаем, зайсанские купцы смогли вести торговлю с Западным Китаем, Монголией. Они прогоняли огромные гурты скота, привозили большое количество кожи, шерсти, вывозили жженые кирпичи, мануфактуру, посуду, чай. Особенно шумно было во время Никольской ярмарки в мае месяце [4].

В городском благоустроенном парке города Зайсана по воскресеньям и праздникам играл духовой оркестр. По аллеям, усыпанным желтым речным песком, чинно прогуливались мирные граждане, военные с дамами, кавалеры с барышнями. В 90-ых годах XIX века в городе работали церковно-приходское и городское училища, сельскохозяйственная школа и библиотека. В начале XX века стали открываться школы для детей казахов. Были здесь церкви и мечети, медресе для татарских девушек [5].

Местные купцы строят кирпичные дома, и магазины с типичной для того времени архитектурой. Принадлежали они татарским купцам: Юнусу Татанову, Садолла кажи Бекшентаеву, Ибраю Манапову, Сулейману Мергенбаеву, Халелу Ерзину, Юсупу Абилханову и другим. По уточненным данным более 30-ти старинных построек Зайсана построены под руководством народного архитектора самоучки Баязита Сатпаева (1860-1954гг.). Уроженец села Аягуз Семипалатинской области из семьи мастера резчика по дереву, Баязит уже в возрасте 15-16 лет принимал участие в строительных работах города Семипалатинска. Азы архитектурного искусства в проектировании и черчении получил от турецкого архитектора Абдуллы Эфенди, под руководством которого, принимал участие в строительстве одно- и двух минаретных мечетей города Семипалатинска. Самым крупным архитектурным сооружением Баязита Сатпаева в городе Зайсана является мечеть [6].

В Зайсана действовали две мечети. Одна казахская, и вторая татарская. Здание казахской мечети не сохранилось. Первым имамом казахской мечети был Абдирахман (настоящее имя Габдирахман) кажи Сыпырындыулы (1848-1948 гг.). Выходец из рода Андабарак, подрод Байтобет, родился в Уранхайке Алтайского аймака. Получив духовное образование, в Мекке и Медине, он остался там работать в медресе. Всего в этих городах он прожил 13 лет, затем там встретил своих земляков, и вместе с ними возвратился на родину. Здесь по решению верховного муфтията Абдирахман кажи был направлен в город Зайсан [7].

Здание татарской мечети построено в 1908 году. Это — одноэтажное кирпичное сооружение, фундамент ленточный. Высокий цоколь выделен выступом, оштукатурен цементным раствором. Крыша вальмовая, покрыта шифером. Весь объем мечети состоит из трех основных частей: молельного зала, средней части и административного помещения. Помимо крупного, многопланового членения пластику фасадам придает ритмичное членение на мелкие ниши, пилястры и выступы,

выполненные выпуском кирпича. Оконные проемы прямоугольной формы оформлены в верхней части солярными элементами, имеющими как декоративное значение. Фриз выполнен в виде полуцилиндрических разной толщины фигур, чередующихся углубленными в стену прямоугольниками. В плане здание представляет собой вытянутый прямоугольник, с выступом пятигранной ниши (михраба), ориентированного на юго-запад в сторону священного для мусульман города Мекки.

В исторических сведениях о строительстве мечети записано, что она построена по заказу местного купца скотопромышленника Улкен кажи Бекшентаева. Для строительства мечети кирпичи изготовлялись на кирпичном заводе Ахметзакия Ахтямова [8].

Но, в своей книге воспоминаний Якуб Ахтямов «Наперекор ударам судьбы», пишет о том, что «...его отец — Ахмедзак Ахтямов был муллой. Он построил в Зайсана величественную мечеть, женскую и мужскую школу» [9].

Следовательно, «величественная мечеть» построена была и на средства татарского купца Ахмедзак Ахтямова (1851-1921 г.г.). Предки муллы Ахмедзак из казанских булгар. Семья у Ахтямовых в Зайсана была самая большая. У них родились 23 ребенка, из них в живых осталось девять, Якуб был 22-ым. Их двор занимал полквартала. В нем было два кирпичных дома. Флигель, баня, амбары, большой фруктовый сад с беседкой на два десятка детей, просторный скотный двор на двух коров и шесть выездных лошадей, большой птичник. В Зайсана его кирпичный завод находился в тридцати километрах от города у небольшого озера, там у него была заимка. Десятка два лошадей, десяток коров, полсотни баранов, десятка три гусей обслуживал наемный работник.

В школах он преподавал основы мусульманской религии и татарский язык. В совершенстве владел арабским, татарским, неплохо говорил на русском, казахском языках.

Дважды он совершил паломничество к святым местам мусульман в Мекку. Обслуживал он в городе Зайсана праздники, свадьбы и похороны [9].

В феврале 1918 года в городе Зайсана была провозглашена Советская власть. В бывшем доме татарского купца Бекшентаева Тухфатулла (в 1983 году, улица Садовая,16) состоялся митинг местного гарнизона, где было объявлено о переходе власти в руки совета депутатов трудящихся [10].

Вскоре, начались аресты и конфискация имущества зайсанских купцов. Этому подверглась и семья Ахтямовых.

«В скором времени мы оказались в одном маленьком домике, весь наш скот и живность «реконструировали», амбары разграбили...» [9].

Вначале Ахмедзак Ахтямов принимает решение всей семьей бежать в Китай, но потом решит, что жена с детьми едет в Ташкент к старшей дочери, а он сам пока останется в Зайсана.

Но, вскоре в 1921 году А. Ахтямов был арестован. По дороге в Сибирскую тюрьму Воркуты

Ахмедзаки Ахтямов умирает, не захороненное тело останется под снегом [7].

Жена — Магсума (1864-1946 гг.) вышла из богатой татарской семьи Габдулжабаровых из Зайсана. Она тоже довольно набожная, хорошо владела арабским, читала Коран и соблюдала пятикратное чтение молитвы.

В фондах нашего музея хранятся семейные предметы Габдулжабаровых [11]. Это фарфоровая, фаянсовая и стеклянная посуда, поднос, старинные часы и зеркало, шесть методических пособий по рисованию и черчению начала XX века. Все это свидетельствует о зажиточности и грамотности купцов Габдулжабаровых. Предметы сдал в 1983 году один из потомков купца Габдулжапарова Фаик Якубович Габдулжапаров (1886 г. р. — ?), живший в эти годы в Зайсане.

Семья Ахтямовых была очень образованной. У себя дома имели довольно большую библиотеку. Они выписывали религиозную и художественную литературу на татарском, арабском, русском языках. Постоянно следил Ахмедзаки и за поступлениями в татарскую библиотеку современной литературы и учебников [9].

Шестеро детей А. Ахтямова, после получения высшего образования, по стопам отца пошли в школы, и преподают кто литературу, кто татарский язык, математику и русский язык.

В годы гонения на религию со стороны Советской власти татарскую мечеть закрыли. В 1920 году снесли минарет и угловые башенки.

В 1950-ых годах в здании размещался казахский театр. В 1959 году разгорелся пожар, который дополнительно ухудшил состояние памятника.

Сейчас мечеть имеет несвойственную мусульманской архитектуре четырехскатную крышу. Но, несмотря на утраты, здание сохранило выразительность и архитектурный облик прошлого столетия.

До 1976 года бывшая мечеть находилась в ведении районного отдела культуры. Затем переходит на баланс районного отдела внутренних дел. На данный момент здание пустует.

В газете «Рудный Алтай» от 21 октября 2008 года была опубликована статья «Жива память об Ахметзаки Ахтямове», работника Зайсанского историко-краеведческого музея Ербола Азмухамбетова, где он пишет том, что фонд историко-краеведческого музея пополнился уникальной фотографией мечети Ахметзаки Ахтямова. Фотографию 1908 года разыскал и передал в зайсанский музей кандидат исторических наук Ахмет Токтабаев из Алматы. На фотографии видно, что здание мечети в действительности одноэтажное кирпичное сооружение, с одним минаретом, имеет большой купол и небольшие башенки по углам. [12].

В здании медресе татарских девушек в советское время размещалась начальная школа, затем

с 50-ых годов XX века находился районный отдел военного комиссариата.

В советское время все выше перечисленные дома купцов, а также мечеть и медресе считались памятниками истории и культуры, арендаторы здания должны были содержать в порядке, во время производить косметические и капитальные ремонты, а перепланировки осуществлялись только согласованно с районным архитектором. Для этого контролирующие органы в трех экземплярах подписывали юридический документ: «Охранное обязательство на недвижимый памятник истории и культуры».

С 1981 по 1986 годы автор статьи работала в отделе охраны памятников истории и культуры областного историко-краеведческого музея города Усть-Каменогорска. В те годы этот отдел совместно с районными архитекторами занимался выявлением, взятием на учет и паспортизацией памятников истории и культуры на местах. Такая работа в городе Зайсане была проведена совместно с районным архитектором Салаватом Алпыспаевым в 1982—1983 годы. Тогда мне тоже местные краеведы и инспектор по памятникам дали неверные сведения о том, что заказчиком татарской мечети является купец Бекшентаев [10]. Выше приведенный юридический документ «охранное обязательство» лично сама подписывала с первыми руководителями.

Существовала в то время и общественная организация по охране памятников области, которая занималась сбором денег с организаций и учреждений на ремонт и реставрацию памятников истории и культуры. Но, к началу 90-ых годов XX века в связи с расформированием отдела в краеведческом музее и в связи с ликвидацией областного общества охраны памятников истории и культуры, все дела по охране и учету памятников были запущены. В данное время памятниками всей области занимается только один инспектор в областном управлении культуры и районные инспектора, работающие на общественных началах.

Без истории прошлого, нет и будущего. Хотелось бы, чтобы работа по охране памятников истории и культуры возобновилась, и исторические факты по их истории были только достоверными и как можно больше вести широкую пропаганду по охране исторических памятников прошлого среди подрастающего поколения.

Таким образом, Зайсанская татарская мечеть является одним из лучших образцов исламского культового зодчества начала XX века. Меценатом строительства, был не только татарский купец Улкен кажы Бекшентаев, но ещё один яркий представитель татарской интеллигенции начала XX века Ахмедзаки Ахтямов, который не только изготовил кирпичи для строительства мечети, но и служил там первым имамом.

Библиографический список

1. Н Алексеенко. Динамика численности татарского населения на востоке Казахстана в XX в. // Сборник международной научно-практической конференции. Исто-

рия формирования материальной и духовной культуры татар Казахстана и Сибири. Усть-Каменогорск, 2006. — С. 161.

2. Энциклопедическая словарь. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон том-12 СПб., 1894. — С. 145.
3. Б. Жапаров, Б. Күдабаев, Р. Тұлкин, М. Байкобекова. Зайсан асулары. Зайсан ауданының құрылуына 70 жыл толуына арналған тарихи публицистикалық очерктер. Алматы, 1998. — С. 51.
4. А. Кратенко. Беловодье... потерянный рай. Усть-Каменогорск. 1991. — С. 56.
5. К. Жаксылыкова. Купеческий город Зайсан. Рудный Алтай. 1 мая. 1992.
6. П. Сушко. Наследие Баязита Сатпаева. Рудный Алтай. № 125-126, 5 октября, 1996.
7. Дәркүлов Нұржан таласұлы, Алтыбаев Қалибек Қизатұлы. Шырағың мәңгі сонбейді. Зайсан ауданының құрылғанына 75 жыл толу құрметіне арналады. Өскемен. 2003 жыл. — С. 115-120.
8. Свод архитектурных и монументальных памятников ВКО. Усть-Каменогорск, 2005. — С. 164.
9. Якуб Ахтямов. Наперекор ударам судьбы. Челябинск, 1997. — С. 6-20.
10. Авторские записи в тетради по городу Зайсану в 1982 и 1983 гг. № 1, № 2.
11. Фонд ВК областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея — заповедника, акты — приема № 195 от 1983года, КП-II- 13399 по 13460.
12. Е. Азмухамбетов. Жива память об Ахметзаки Ахтямове. Рудный Алтай. 21 октября 2008.

Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник, г. Усть-Каменогорск
Получено 14.05.13

В. Кутарова

TATAR MOSQUE IN THE CITY ZAYSAN

On the history of the construction and functioning of the Zaysansky Tatar mosque.

Mosque, Ulken kazhy Bekshentaev, Ahmetzaki Akhtyamov

УДК 94

С. М. Мельников

ДИСПАРИТЕТ ЦЕН КАК ФАКТОР КРИЗИСА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ХОДЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Работа посвящена проблемам развития сельского хозяйства в 1990-е годы в Западной Сибири. Исследование содержит богатые статистические данные, убедительно выделяя факторы падения темпов развития отрасли

аграрный комплекс, фермерская система, сельскохозяйственное производство

Западная Сибирь, несмотря на ее нахождение в зоне рискованного земледелия, всегда была важным производителем сельскохозяйственной продукции в России. Например, в 2000 году в шести регионах Западной Сибири (Республика Алтай, Алтайский край, Омская, Новосибирская, Кемеровская, Томская области) производилось от общероссийского производства 10,1% сельскохозяйственной продукции, в том числе 15,3% зерна, 11,3% молока, 10,4% мяса [1].

Существенное влияние на сельское хозяйство Западной Сибири, как и России в целом, оказала, начатая в 1991 году радикальная реформа аграрного сектора. Однако проведенная форсировано, без необходимой подготовительной работы, без учета особенностей аграрного производства и имевшая в первую очередь политическую, а не экономическую направленность, реформа не обеспечила позитивных изменений в аграрном секторе, наоборот, привела к разрушению организационной и финансово-экономической системы сельского хозяйства, стала условием длительного и системного кризиса аграрного комплекса. В шести регионах Западной Сибири среднегодовое производство зерна от уровня 1986—1990 годов составило: в 1991—1995 годы — 80,1%, в 1996—2000 годы — 67%, в 2001—2005 годы — 83,3%.

В абсолютных цифрах — в среднем за год в весе после доработки соответственно: 11802 тыс. тонн; 9455 тыс. тонн; 7916 тыс. тонн; 9839 тыс. тонн). Среднегодовое производство молока от уровня 1986—1990 годов составило: в 1991—1995 годы — 85,3%, в 1996—2000 годы — 65,2%, 2001—2005 годы — 62,2% (соответственно в среднем за год — 6141 тыс. тонн, 5239 тыс. тонн, 3839 тыс. тонн, 3820 тыс. тонн) [2].

Рассматривая факторы, определившие столь значительное падение производства, руководители и специалисты аграрного сектора, как правило, выделяли из них три главных.

Первый — форсированная реорганизация сельскохозяйственных предприятий (колхозов и совхозов), их перевод из фактически государственной в частную собственность (первоначально в кооперативную (коллективно-долевую), акционерную и мелкую частную (фермерскую)), что привело к разрушению существовавшей организационной и финансово-экономической системы, ослаблению контроля за расходованием финансовых и материальных ресурсов, потере управляемости сельскохозяйственным производством.

Второй фактор — нарушение паритета цен на используемую в аграрном производстве промышленную продукцию и продукцию сельского хозяй-

ства. Из-за ограниченной платежеспособности населения и сокращения потребления многих видов продовольственной продукции, монополизма в сопредельных отраслях (прежде всего, в сферах переработки и торговли) и, особенно, массивного импорта продовольствия и сельскохозяйственного сырья, отечественные сельхозтоваропроизводители не могли повышать цены на свою продукцию в связи с ростом издержек на её производство. В тоже время цены на используемую в сельском хозяйстве промышленную продукцию и, особенно нефтепродукты по отношению к продукции аграрной сферы многократно выросли.

Третьим фактором падения сельскохозяйственного производства стало существенное снижение, а в дальнейшем и практически полное прекращение дотирования производства сельскохозяйственной продукции государством, что является важнейшим условием стабильного производства продовольствия в условиях рискованного природно-климатического земледелия и некоторых других особенностей аграрного сектора экономики.

Диспаритет цен, многократное сокращение государственных дотаций не позволяло сельхозтоваропроизводителям выровнять затраты с получаемыми доходами, обеспечить необходимую для относительно нормального воспроизводства рентабельность сельскохозяйственного производства. Удельный вес убыточных предприятий сельского хозяйства представлен в таблице 1 [3].

Таблица 1

Удельный вес (в процентах) убыточных предприятий сельского хозяйства (по данным годовых отчетов по сельскому хозяйству)

Год	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Российская Федерация	57	79	82	88	54	51
Алтайский край	41	83	92	83	44	29
Новосибирская область	35	79	86	89	57	31
Омская область	52	77	85	91	57	57
Кемеровская область	66	88	90	90	59	58
Томская область	66	93	95	88	60	62
Республика Алтай	19	77	85	78	63	70

Каждый из указанных факторов оказал существенное влияние на негативные процессы в сельском хозяйстве, но наиболее значимым являлся диспаритет цен. Именно диспаритет цен руководители и специалисты сельхозпредприятий Алтайского края в ходе их опроса в 2005 году поставили на первое место. Так председатель СПК «Колхоз «Луговской» Зонального района А. В. Хвостунов, отвечая на вопрос о наиболее острых проблемах в сельском хозяйстве на первое место поставил диспаритет цен. «Тонна дизельного топлива, отметил руководитель, стоит

16 тысяч рублей, а тонна молока — 6 тысяч, тонна зерна — 2 тысячи. О каком нормальном ведении сельского хозяйства можно говорить при таких ценах?». Еще острее охарактеризовала ситуацию председатель СПК «Возрождение-2» Быстро-Истокского района О. Е. Дорошенко: «На сегодняшний день положение в нашем хозяйстве оцениваю как крайне неблагоприятное. Потому, что диспаритет цен ставит хозяйство просто на колени. Цена пшеницы и цена ГСМ нас никак не устраивает. Цена солярки выросла до 16 рублей за литр, а цена зерна упала, по сравнению с прошлым годом с 4 до 2 рублей за килограмм. Я считаю, что это, вообще, беспредел по отношению к крестьянам» [4].

Диспаритет цен сложился практически сразу после начала преобразований в аграрном секторе и на протяжении ряда лет постоянно возрастал. Первоначальный он был обусловлен введением с 1992 года свободных цен на промышленные товары и государственным сдерживанием цен на продукцию сельского хозяйства, чтобы не допустить многократного роста цен на продукты питания, а также активным импортом продовольствия. Второй причиной ценовой неэквивалентности явился монополизм переработчиков сельскохозяйственного сырья и торговых сетей по сравнению с более разветвленными и разобщенными сельхозтоваропроизводителями. Например, в Алтайском крае в 1992 году было 45 крупных перерабатывающих предприятий и более 700 производителей продукции сельского хозяйства.

Попытка краевых властей провести акционирование предприятий переработки с участием сельхозпредприятий провалилась из-за отсутствия у последних необходимых финансовых средств. В Алтайском крае в 1991-1995 гг. рост цен на промышленную продукцию в 3,6 раза опережал рост цен на продукцию сельского хозяйства. Таблица 2 [5].

Несколько снизил диспаритет цен дефолт 1998 года, сокративший импорт продовольствия и сельскохозяйственного сырья, что позволило значительно повысить закупочные цены на продукцию отечественного сельского хозяйства. В 1999 году по сравнению с 1998 годом средняя цена на пшеницу выросла в 2,7 раза (с 546 руб. за тонну до 1488 руб.), средняя стоимость молока увеличилась в 2,4 раза (с 1272 руб. за тонну до 3054 руб.) [6]. Однако уже в 2000 году темпы роста цен на материальные ресурсы и сельхозтехнику снова стали опережать темпы роста цен на продукцию сельского хозяйства. В 2000 году средняя стоимость пшеницы выросла по сравнению с 1999 годом на 46,6%, молока — на 18,8%, мяса свинины — на 24%, мясо крупного рогатого скота на 20,5%, а стоимость комбайна Дон-1500 увеличилась на 80,9% и стала эквивалентна уже 458 тоннам зерна, стоимость трактора К-701 возросла на 37,7%, дизельного топлива — на 88,3%, комбикорма — на 51,5% [7]. Индексы цен реализации и приобретения продукции сельхозпредприятиями Западной Сибири в 1998—2000 годы характеризуется следующим образом (в процентах к предыдущему году). Таблица 3 [8].

Таблица 2

Динамика цен на продукцию промышленности и сельского хозяйства в Алтайском крае

	Виды продукции	Единицы измерения	1990	2005.	2005 - к 1990 (раз)
Продукция промышленности					
1.	Электроэнергия	руб/квт-час	0,01	1,673	167,3
2.	Дизельное топливо	руб/тонну	75	15560	207,5
	Требуется: зерна тонн за 1 тонну дизтоплива		0,3	6,2	19,2
	молока тонн за 1 тонну дизтоплива		0,1	2,5	18,0
3.	Бензин	руб/тонну	195	16110	82,6
	Требуется: зерна тонн за 1 тонну бензина		0,8	6,2	7,6
	молока тонн за 1 тонну бензина		0,4	2,6	7,2
4.	Трактор К-700	тыс.руб/шт	19	3011	158,5
	Требуется: зерна тонн за 1 трактор		40,7	436,8	10,7
	молока тонн за 1 трактор		35,2	484,5	13,8
5.	Комбайн "Дон"	тыс.руб/шт	22	2715	123,4
	Требуется: зерна тонн за 1 комбайн		95,2	1083,4	11,4
	молока тонн за 1 комбайн		40,7	436,8	10,7
6.	Комбайн "Нива"	тыс.руб/шт	12,3	1332	108,3
	Требуется: зерна тонн за 1 комбайн		53,2	531,5	10,0
	молока тонн за 1 комбайн		22,8	214,3	9,4
Сельскохозяйственная продукция					
Средняя цена реализации по данным бухгалтерского отчета ГУСХ					
7.	Зерновые культуры	руб/тонну	231	2506	10,8
8.	Молоко	руб/тонну	540	6215	11,5

Таблица 3

Индексы цен реализации и приобретения продукции сельскохозяйственными организациями в 1998—2000 годы (в процентах к предыдущему году)

	1998 г.		1999 г.		2000 г.	
	Индекс цен на продукцию сельского хозяйства	Индекс цен на продукцию промышленности для сельского хозяйства	Индекс цен на продукцию сельского хозяйства	Индекс цен на продукцию промышленности для сельского хозяйства	Индекс цен на продукцию сельского хозяйства	Индекс цен на продукцию промышленности для сельского хозяйства
Российская Федерация	111,1	109,2	199,8	161,0	136,5	148,5
Алтайский край	106,8	117,3	180,0	144,9	139,5	161,3
Новосибирская область	111,0	102,4	201,8	172,7	137,2	154,7
Омская область	109,8	109,5	196,4	189,6	133,2	151,3
Кемеровская область	110,5	106,8	201,1	159,8	124,8	155,2
Томская область	107,3	140,2	198,3	126,1	134,8	128,6
Республика Алтай	118,6	98,2	243,8	169,2	116,2	130,8

Анализируя влияние ценового диспаритета на сельское хозяйство, Счетная палата РФ указала, что «диспаритет цен между стоимостью сельскохозяйственной продукции и стоимостью ресурсов, необходимых для производства этой продукции, привел к резкому уменьшению собственных оборотных средств сельхозтоваропроизводителей и лишил возможности вести не только расширенное, но и простое производство. Потери сельского хозяйства от диспаритета цен за годы реформ (1990 -2000 годы) составили свыше 600 млрд. рублей. Только за 2000 год из села «выкачено» за счет диспаритета более 140 млрд. рублей [9].

Опережающий рост цен на промышленные ресурсы продолжился и в последующие годы. Таблица 4 [10].

Неэквивалентный обмен сельскохозяйственной и промышленной продукции стал одним из главных факторов образования большой кредиторской задолженности сельхозпредприятий перед поставщиками товаров и услуг и, особенно, перед внебюджетными фондами.

В Алтайском крае кредиторская задолженность в 2000 году составляла 84,5% от выручки от реализации товаров, продукции и услуг. В Новосибирской области — 70,2%, в Омской области — 97,1% [11]. Кредиторская задолженность значительно превышала дебиторскую, к примеру, в 2000 году в Алтайском крае она в 7,8 раза превышала дебиторскую. Основную часть кредиторской задолженности сельхозпредприятий составляли долги (в том числе штрафы и пени) во внебюджетные фонды. В 2000 году в Алтайском крае во внебюджетные фонды сельхозпредприятия были должны 3 млрд 851 млн (64% от всей кредиторской задолженности), в том числе 3 млрд 200 млн рублей (53%) — в пенсионный фонд. В Новосибирской области

задолженность во внебюджетные фонды в 2000 году составила 2 млрд 88 млн руб. (55% от кредиторской задолженности), в том числе в пенсионный фонд — 1 млрд 544 млн руб. (41%) [12]. Аналогичная структура задолженности была и в других регионах Западной Сибири.

При этом, постоянно росла просроченная задолженность. Например, в Новосибирской области с 1996 по 2000 годы она выросла в 9,3 раза (с 399 млн рублей до 3 млрд 742 млн. рублей), в Алтайском крае в 4,9 раза (с 794 млн рублей до 3 млрд 956 млн рублей), в Кемеровской области в 3,9 раза (с 502 млн рублей до 1 млрд 987 млн рублей)[13]. Понимая невозможность сельскохозяйственных предприятий самостоятельно выйти из финансового кризиса порожденного диспаритетом цен, представители аграрного сектора в высших органах власти неоднократно выступали с предложениями о хотя бы смягчении негативного влияния ценового диспаритета. Так в 1998 году группа депутатов-аграрников во главе с бывшим министром сельского хозяйства Г. В. Куликом внесла в Государственную Думу законопроект «О компенсации потерь сельскохозяйственным товаропроизводителям в связи с нарушением сложившегося паритета цен». Депутаты предлагали, в целях хотя бы частичной компенсации финансовых потерь в связи с нарушением в 1992—1997 годы паритета цен, списать с сельхозтоваропроизводителей задолженность, образовавшуюся по платежам в федеральный бюджет в размере 10,7 млрд рублей и в государственные внебюджетные фонды в размере 29,0 млрд рублей. Для пополнения оборотных средств, выдать сельхозтоваропроизводителям целевой кредит в размере 12 млрд рублей сроком на 5 лет. Однако данный законопроект не был поддержан правительством и был снят с рассмотрения Государственной Думы [14]. На региональном уровне основным направлением смягчения ценового диспаритета стала финансовая поддержка сельхозпредприятий в форме дотаций и компенсаций затрат по некоторым видам деятельности, прежде всего — производства молока. Однако государственная поддержка из федерального и регионального бюджетов составляла, например, в 2000 году от 0,9% (в Алтайском крае) до 7% (в Томской области) от затрат на производство сельскохозяйственной продукции, имела тенденцию к снижению и не могла оказать значительного

Таблица 4

Индексы цен реализации и приобретения продукции сельскохозяйственными организациями в 2001—2003 годы (в процентах к предыдущему году)

	2001 г.		2002 г.		2003 г.	
	Индекс цен на продукцию сельского хозяйства	Индекс цен на продукцию промышленности для сельского хозяйства	Индекс цен на продукцию сельского хозяйства	Индекс цен на продукцию промышленности для сельского хозяйства	Индекс цен на продукцию сельского хозяйства	Индекс цен на продукцию промышленности для сельского хозяйства
Российская Федерация	125,2	118,1	103,2	112,2	108,6	118,6
Алтайский край	125,2	134,5	95,9	112,3	112,8	125,9
Новосибирская область	123,8	121,2	94,1	108,7	108,1	124,5
Омская область	136,9	114,7	97,0	105,3	108,6	111,3
Кемеровская область	126,0	116,3	100,6	101,2	106,6	114,8
Томская область	127,5	124,6	99,7	107,4	110,8	123,6
Республика Алтай	128,6	116,7	114,2	111,3	110,9	112,8

влияния на положение в сельском хозяйстве. Дотации и компенсации затрат из федерального и регионального бюджетов по регионам Западной Сибири в 1997-2000 годы характеризует таблица 5 [15].

Отсутствие в сельхозпредприятиях собственных оборотных средств вело к сокращению производственной деятельности, уменьшению посевных площадей, невозможности обновления сельскохозяйственной техники и оборудования, невыполнению необходимых агротехнических мероприятий. Посевные площади в шести регионах Западной Сибири с 1990 по 2000 годы уменьшилась на 3 млн 17 тыс. га (19%). В том числе, в Алтайском крае на 1 млн 35 тыс. га (16%), в Новосибирской области — на 725 тыс. га (21%), в Омской области — на 491 тыс. га (14%), в Кемеровской области — на 305 тыс. га (21%), в Республике Алтай на 40 тыс. га (38%)[16]. По сравнению с 1990 годом внесение минеральных

Таблица 5

Дотации и компенсации затрат из федерального и регионального бюджетов по регионам Западной Сибири в 1997-2000 годы (тыс. руб.)

	1997 г.		1998 г.		2000 г.	
	Сумма дотаций и компенсаций	В процентах от затрат на основное произв-во	Сумма дотаций и компенсаций	В процентах от затрат на основное произв-во	Сумма дотаций и компенсаций	В процентах от затрат на основное произв-во
Алтайский край	176172	2,8	110329	1,8	89155	0,9
Новосибирская область	207686	4,5	216717	5,1	175189	2,3
Омская область	342787	6,5	254750	5,2	181238	2,5
Кемеровская область	94802	3,1	166401	6,0	174761	4,5
Томская область	158052	10,7	140688	11,0	139833	7,0
Республика Алтай	9546	4,9	15202	8,1	11818	3,7

удобрений в 2000 году уменьшилось в Алтайском крае в 9,5 раза (соответственно 21 кг и 2,2 кг на 1 гектар пашни), в Новосибирской области — в 12 раз (25,4 кг и 2,1 кг), в Омской области — в 56 раз (28 кг и 0,5 кг, в Кемеровской области — в 4,9 раза (62 кг и 12,6 кг), в Республике Алтай — в 18 раз (36,2 кг и 2,1 кг) [17]. Снижение использования минеральных удобрений было вызвано как отсутствием средств у сельхозпредприятий, так и резким ростом их цены.

Таким образом, диспаритет цен не позволил сельскому хозяйству Западной Сибири осуще-

ствить полноценную рыночную реформу, перейти к более эффективным методам хозяйствования, более того стал фактором многолетней борьбы большинства сельхозтоваропроизводителей за простое выживание. Более чем 20-летний период деятельности российского сельского хозяйства в условиях рынка свидетельствует, что без решения проблемы диспаритета цен, обеспечить его достаточную эффективность в таких регионах рискованного земледелия, как Западная Сибирь, невозможно.

Библиографический список

1. Федеральная служба государственной статистики. Статистический сборник Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003 г. http://www.gks.ru/bgd/regl/B03_14/lssWWW.exe/Stg/d020/i020580r.htm
2. Рассчитано по данным Российского статистического ежегодника. Социально-экономические показатели. 2003, 2006 гг. // http://www.gks.ru/bgd/regl/B03_14/lssWWW.exe/Stg/d020/i020680r.htm; http://www.gks.ru/bgd/regl/B05_14p/lssWWW.exe/Stg/d020/14-11.htm; http://www.gks.ru/bgd/regl/B06_14p/lssWWW.exe/Stg/d02/14-32.htm
3. Архив Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. Годовые отчеты по сельскому хозяйству Республики Алтай, Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областей за 1996 год, Л. 4, 24, 44, 64, 84, 92, 103; Годовые отчеты по сельскому хозяйству Республики Алтай, Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областей, Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого АО за 1997 год, Л. 4, 15, 27, 50, 73, 96, 120; Годовые отчеты по сельскому хозяйству Челябинской области, Республики Алтай, Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областей, Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого АО за 1999 год, Л. 39, 50, 64, 85, 96, 119; Годовые отчеты по сельскому хозяйству Республики Алтай, Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областей, Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого АО, Республики Бурятия, Тывы за 2000 год, Л. 5, 16, 29, 51, 73, 98, 121.
4. Опрос руководителей сельскохозяйственных предприятий Бийского, Быстро-Истокского, Зонального, Красногорского районов Алтайского края социологическим Центром «Алтай-Мнение» в сентябре 2005 г.
5. Динамика цен на продукцию промышленности и сельского хозяйства в Алтайском крае. Справка Главного управления сельского хозяйства администрации Алтайского края. Подготовила Н. В. Пилюгина.
6. Федеральная служба государственной статистики. Цены в России. 2002 г. // http://www.gks.ru/bgd/regl/b02_17/lssWWW.exe/Stg/d010/i010790r.htm
7. Там же // http://www.gks.ru/bgd/regl/b02_17/lssWWW.exe/Stg/d010/i010800r.htm
8. Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. 2002 г. // http://www.gks.ru/bgd/regl/b02_17/lssWWW.exe/Stg/d010/i010770r.htm
9. Счетная палата РФ. Аналитическая записка «Необходимость государственной поддержки сельскохозяйственного производства и повышения эффективности использования бюджетных средств в агропромышленном комплексе России». 2001 г. // http://www.ach.gov.ru/userfiles/bulletins/11-buleten_doc_files-fl-530.pdf
10. Федеральная служба государственной статистики. Цены в России в 2004 г. // http://www.gks.ru/bgd/regl/b04_17/lsswww.exe/stg/d010/i010880r.htm
11. Архив Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. Годовые отчеты по сельскому хозяйству Республики Алтай, Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областей, Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого АО, Республики Бурятия, Тывы за 2000 год, Л. 3, 4, 29, 30, 30 об., 51, 52, 71, 72, 72 об., 95, 96, 117, 118.
12. Там же.
13. Там же.
14. Федеральное Собрание РФ. Государственная Дума. Официальный сайт. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности // <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=286993-3&02>
15. Архив Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. Посчитано по данным годовых отчетов по сельскому хозяйству Алтайского края, Кемеровской, Омской, Новосибирской областей за 1997 год, Л. 38 об., 39, 61 об., 62, 84 об., 85, 107 об., 108, 131 об., 132; за 1998 год, Л. 37 об., 38, 61 об., 62, 83 об., 84, 106 об., 107, 129 об., 130; за 2000 год, Л. 37 об., 38, 61 об., 62, 83 об., 84, 106 об., 107, 129 об., 130.
16. Федеральная служба государственной статистики. Статистический сборник Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003 г. // http://www.gks.ru/bgd/regl/B03_14/lssWWW.exe/Stg/d020/i020610r.htm
17. Там же. // http://www.gks.ru/bgd/regl/B03_14/lssWWW.exe/Stg/d020/i020820r.htm

Электростальский политехнический институт, г. Электросталь
Получено 01.03.13

S. M. Melnikov

DISPARITY OF PRICES AS A FACTOR OF AGRICULTURAL PRODUCTION CRISIS IN THE COURSE OF TRANSFORMATION OF AGRICULTURE OF WESTERN SIBERIA IN THE 90S OF THE XX CENTURY
The work is devoted to the problems of the development of agriculture in the 1990s in Western Siberia. The research contains rich statistical data, clearly highlighting the factors of the fall of the rate of development of the industry

The agrarian complex, farming system, the agricultural production

УДК 930.85

С. М. Мельников

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

Данная статья имеет целью рассмотреть обстоятельства, оказавшие, как представляется, основное влияние на формирование отношения к трудовой деятельности русского человека. В ней не представлены результаты новых исследований, но предпринята попытка соединить вместе, систематизировать эти обстоятельства, привлечь внимание к проблеме трудовой этики жителей России.

модернизация, труд, русская душа, крестьянство

Процесс модернизации экономики, политической и социальной жизни, который переживает сегодня Россия, идет трудно и противоречиво. С одной стороны, Российской Федерации необходимы серьезные преобразования, с другой, — необходимо сохранить стабильность и общественную управляемость. История России знает несколько крупных трансформаций, существенно изменивших ее облик. Наиболее значимыми среди них обычно называются преобразования Петра I, Александра II, Сталина. К ним можно отнести и современные процессы перехода от государственно-монополистической к рыночной экономической системе.

Рассматривая все крупные российские модернизации, историки, экономисты, политологи указывают на их форсированный, догоняющий, мобилизационный и, как правило, незавершенный характер [1]. Подробно анализируя преобразовательные процессы и их последствия, исследователи истории России, в значительно меньшей степени уделяют внимание причинным факторам догоняющих и форсированных модернизаций. Почему Россия не развивалась как другие европейские страны? Почему у нас, как правило, доминировал революционный, а не эволюционный тип социального прогресса? Последним примером форсированной модернизации стала перестройка в СССР, приведшая к его распаду. Ущербность и слишком высокая цена революционного развития — и поэтому его нежелательность — не подвергается сегодня сомнению. И руководством страны и учеными однозначно ставится задача постепенного, но постоянного осуществления преобразований.

Главным фактором, определявшим направление и характер реформационных процессов в России, является характер и особая роль государства в экономической и социальной жизни российского общества. Особая роль государства объясняется, как правило, огромной территорией страны, ее геополитическим положением. Необходимость постоянного расширения территории и ее защиты, являлось важнейшей задачей российского государства, как, впрочем, и многих других. Но, помимо «внешнего» фактора, значительную роль в процессе исторического развития России играл и такой «внутренний» социальный фактор, как особенности русского национального характера, и, прежде всего, особенности трудовой этики русского человека.

Описывая российскую историю, выдающийся отечественный историк В. О. Ключевский уделил особое внимание анализу психологии русского че-

ловека, условиям, которые ее сформировали. Характеризуя русский характер, В. О. Ключевским писал, что природа отпускала великороссу слишком мало удобного времени для земледельческого труда, что заставляло «великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и впору убраться с поля, а затем оставаться без дела осень и зиму. Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но и нигде в Европе, кажется, не найдём такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии» [2]. Именно отсюда выражение о том, что «русские долго запрягают и быстро ездят», отсюда долгое «запряганье» реформ и их форсированное, догоняющее проведение. О влиянии природно-климатического фактора на формирование характера русского человека писал академик Л. В. Милов, отмечавший, что, «необычайно сложные природно-климатические условия основной исторической территории России, диктовали необходимость громадных трудовых затрат на сельскохозяйственные работы, сопряженных с высоким нервно-психологическим стрессом («страда») и имели своим следствием не только поразительные трудолюбие, поворотливость и проворность, как важнейшие черты русского менталитета и характера, но и многие особенности, противоположные этим качествам» [3]. Объясняя причину этого. Л. В. Милов указывал, на отсутствие значимой корреляции между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая в течение многих столетий. «Немалая доля крестьян была в этих условиях подвержена чувству обреченности и становилась от этого отнюдь не проворной и трудолюбивой, проявляя безразличное отношение к собственной судьбе» [4].

Весьма характерно и название этого самого напряженного периода сельскохозяйственных работ: — «страда», «страдание». Само понятие «труд» у русского человека в большей степени, чем у других народов, связано с трудным, тяжелым испытанием, которое приходится преодолевать в силу суровости природы. Не имея возможности добиться удовлетворения даже самых необходимых жизненных потребностей, русский крестьянин не ставил перед собой больших це-

лей, привык довольствоваться малым («лишь бы не было войны»), был склонен «не дразнить судьбу», в большей степени старался сохранить, то, что есть, чем добиваться чего-то большего.

Сравнивая американцев и русских, историк И. М. Супоницкая отмечает: «Американец верит в себя, разум человека, в успех как результат упорного труда. Эта вера сделала его оптимистом, сторонником идеи прогресса. Россиянин природой и социальной системой приучен к бессмысленности едва ли не любого расчета, как и надежды на собственные силы; не полагаясь на разум и не верит в прогресс... Россиянин верит не в успех, но в удачу, случай, зависящий от внешних непредвиденных обстоятельств» [5].

Минимальные потребности не стимулировали трудовой активности, предприимчивости русского человека, стремления к новым формам и способам производства. Живший в деревне XIX века писатель Г. И. Успенский отмечал «удивительные нелепости» в отношении крестьян к собственной выгоде. Например, пишет Г. И. Успенский, «сено в здешних местах — продукт, могущий доставить почти такую же денежную поддержку, как лен в Пскове или пшеница в Самаре, с тою, однако, разницею, что сено растет «даром». Косят его здесь все крестьяне, и потому, что вывезти его летом нельзя, — так как местность перерезана болотом, — продает его «по нужде» на месте за самую ничтожную цену кулакам и барышникам, которые, дождавшись зимы, то есть времени, когда болото замерзнет, вывозят сено в Петербург и продают его втридорога. На глазах всех здешних крестьян постоянно, из года в год, происходят такие, например, вещи: местный кулачок, не имеющий покуда ничего кроме жадности, занимает на свой риск в соседнем ссудном товариществе полтора рубля и начинает в течение мая, июня, июля месяцев, самых труднейших в крестьянской жизни, покупать сено по пяти или много много по десяти копеек за пуд; при первом снеге он вывозит его на большую дорогу, где немедленно ему дают тридцать и более копеек за пуд. Ежегодно деревня накашивает до сорока тысяч пудов сена, и ежегодно кулачишко кладет в карман более пяти тысяч рублей серебром крестьянских денег у всех на глазах, не шевеля пальцем. Дорожит ли человек своим трудом, поступая таким образом? Если он дорожит, то неужели вся деревня (двадцать шесть дворов) не может, во имя облегчения общего труда, сделать того же, что и кулачишко? Они могут занять «на нужду» в двадцать шесть раз больше, чем кулачишко, и, следовательно, «могут» быть не в кабале, «могут» даже «сделать» цену своему товару, могут ждать цен и т. д. И ничего этого нет» [6].

Безучастное отношение русского крестьянина к качественному обустройству своего места жительства, как отмечал Н. А. Бердяев, «облагородить», «оформить» его, отношение к нему как к чему-то временному, непостоянному, работа по принципу и «такдойдет» в значительной степени были связаны с «полукучевой» жизнью сельского населения Древнерусского государства. В. О. Ключевский писал: «Выжигая лес на нови, крестьянин сооб-

щал суглинку усиленное плодородие и несколько лет кряду снимал с него превосходный урожай, потому что зола служит очень сильным удобрением. Но то было насильственное и скоропреходящее плодородие: через шесть-семь лет почва совершенно истощалась и крестьянин должен был покинуть её на продолжительный отдых, запускать в перелог. Тогда он переносил свой двор на другое, часто отдалённое место, поднимал другую новь, ставил новый починок на лесе. Так, эксплуатируя землю, великорусский крестьянин передвигался с места на место и всё в одну сторону, по направлению на северо-восток, пока не дошёл до естественных границ русской равнины, до Урала и Белого моря» [7]. Аналогичным образом поступали крестьяне в Западной Сибири в XVIII веке. «Когда плодородие пашни убывало, земля «выпахивалась», крестьянин, отмечает сибирский профессор А. В. Старцев, забрасывал старое поле и распахивал новое. Нередко, используя обилие свободных земель, крестьяне вообще оставляли старое место жительства, заводили новые деревни» [8].

Географическая ширь России, по мнению Н. А. Бердяева, породила целый ряд русских качеств и русских недостатков: «ширь русской земли, и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры... Огромность русских пространств не способствовала выработке в русском человеке самодисциплины и самодеятельности» [9]. Отсутствие у русского крестьянина стремления качественно обустроить свою землю, в более позднее время было связано и с периодическими переделами пашни и сенокосов для обеспечения уравнительности землепользования, постоянно нарушаемой изменениями в семейном составе и численности дворов общинников. Земельные переделы существовали даже в советский период, закрепленные в Земельном кодексе 1922 года, и прекратились только с ликвидацией сельских общин в ходе сплошной коллективизации [10]. Проблема некачественных дорог, — ставшая «общим местом» в характеристике России, это тоже отражение непостоянства, временности. Зачем тратить силы на что-то долговременное, основательное, когда, возможно, придется все это бросить, уйти на другое место.

Помимо природно-географического («внешнего») фактора, важным условием сформировавшим русский национальный характер и трудовую этику русского человека стал такой («внутренний») фактор, как православная вера. Известный исследователь русского национального характера К. Касьянова, характеризуя особенности русского человека, отмечает, что существуют два очень древних принципа жизни общества и культуры: «либо изменения и приспособления к себе окружающей среды, либо сохранения ее и приспособления себя к ней. Первый принцип максимизируется в настоящее время в западноевропейской и производных от нее культурах: там человек — борец, создатель, преобразователь — окружен благоговейным почтением и эти его качества превращены в ценность, в эталон. И мы воспринимаем эти

эталон на рефлекторном уровне. А на уровне «социальных архетипов» реализуем, по-видимому, второй принцип. И нельзя сказать, что мы реализуем его совсем уж бессознательно. Мы прекрасно знаем в себе это глобальное качество, и другие знают его в нас, и называется оно терпение. Терпение — это, безусловно, наша этническая черта и в каком-то смысле основа нашего характера. Оно проявляется в большом и в малом, и даже в самом мельчайшем» [11].

Характеризуя русские пословицы, К. Касьянова отмечает, что «относительно терпения они все исключительно единодушны: они не только оценивают его положительно, но придают ему очень большое значение». При этом в основе терпения как ценности положены нормы православной этики, которые и нашли отражение в собрании народной мудрости: «без терпенья нет спасенья», «за терпенье Бог дает спасенье», «Бог терпел, да и нам велел». Рассматривая народный афоризм «Терпение и труд все перетрут» К. Касьянова подчеркивает, что «имеется в виду ни много ни мало, а именно всё, все сферы жизни человека, которые, однако же, неравноценны. Сфера, создаваемая и устраиваемая трудом, — это сфера земного, материального благополучия. Но поскольку сама эта сфера не котируется высоко, то и труд, как средство созидания в этой сфере, нигде не ставится в один ряд со спасением и терпением. И в этом сознание нашего народа полностью единодушно с православной религией, которая в отличие от протестантизма, видящего в труде смысл и предназначение человека в мире и главное средство очищения и созидания его души, отрицает за трудом такое значение» [12]. Терпение для нас, пишет цитируемый автор, — «не способ достигнуть «лучшего удела», ибо в нашей культуре терпение, последовательное воздержание, самоограничение, постоянное жертвование собой в пользу другого, других, мира вообще — это принципиальная ценность, без этого нет личности, нет статуса у человека, нет уважения к нему со стороны окружающих и самоуважения... Становясь православными, мы становимся все отчасти аскетами... Это наш способ делать дело, наш способ ответа на внешние обстоятельства, наш способ существования в мире — и основа всей нашей личности» [13].

Не в силах изменить мир внешний, русский человек, и православная церковь помогла ему в этом, создал внутренний духовный мир, в котором он, надеясь на помощь Бога, чувствовал себя уверенно и спокойно, находил удовлетворение и смысл существования. Именно внутренний мир придавал ему цель и смысл жизни. Представляется важным еще один вывод, сделанный К. Касьяновой, о том, что православие для нашей культуры — «это только один слой, довольно поздний по времени. А если заглянуть под него, то можно нащупать и более древний слой, в котором терпение и самоограничение являются не только способом завоевания свободы духа, но имеют и более глобальное значение — принципа существования, поддержания гармонии и равновесия в мире» [14].

Более поздней причиной, сформировавшей противоречивое отношение к труду великорусско-

го пахаря, в значительной степени, определенной двумя предыдущими факторами, стало существовавшее в России около 3-х веков крепостное право. Низкая урожайность пашни на большей части русского государства («3-сама», 4-5 ц с гектара) с одной стороны, а с другой — необходимость обеспечивать все возрастающие расходы государства, привели к изъятию большей части прибавочного продукта у русского крестьянина посредством жестких крепостных отношений. Отсюда, как отмечает Л. В. Милов, и определенный тип государственности, который и стал постепенно формироваться на территории исторического ядра России [15]. Объясняя часто безразличную реакцию крестьянина-труженика на свою трудовую деятельность, В. Л. Милов пишет, что работа на барина, отнимала большую часть рабочего времени, не создавала для великорусского пахаря полноценной возможности «работы на себя», получить необходимый для собственной жизни результат [16]. Экстенсивный характер земледелия, спешная, авральная работа приучили русского крестьянина работать на количественные, формальные показатели, заложили стремление сделать работу быстро, но далеко не максимально качественно и эффективно. Именно отсюда надежда на русский «авось» — беспечный расчет на удачное стечение обстоятельств, чем на собственные силы, отсюда «и так сойдет». — ограничение усилий достижением сиюминутного результата, стремление временно «прикрутить», «подправить», вместо того, чтобы отремонтировать качественно и надолго. Описывая крестьян, Г. И. Успенский отмечал, что на протяжении многих лет они «не могли завалить болота на протяжении четверти версты, что сразу бы необыкновенно увеличило доходность здешних мест, хотя отлично знали, что эту работу «на веки веков» можно сделать в два воскресенья, если каждый из двадцати шести дворов выставит человека с топором и лошадь». У крестьянина, пишет далее Успенский, отсутствует интерес не только к общему делу, ему свойственно «безграничное равнодушие к собственной выгоде», он ничего не делает для облегчения своего труда [17].

Принципиально мало что изменилось в трудовой деятельности, в отношении к труду у русского человека в советский период истории России. Можно утверждать, что социализм в СССР был специфически русским, поскольку опирался на культурно-исторический тип коллективного труда и уравнилительный характер распределения, имевший место в российской общине и бюрократическом тоталитарно-авторитарном Советском государстве, во многих чертах повторявших российское самодержавие. Гарантированная заработная плата и всеобщая занятость в СССР, создавая миф о «самом справедливом обществе, в котором каждый получает по труду», сформировали иждивенческие настроения, безответственность. Уравнилительность в оплате труда не стимулировала производственную активность людей. Работников, которые стремились к более высокому материальному благополучию за счет дополнительной трудовой деятельности, которая фактически запрещалась, называли «рвачами», «хапугами»,

«спекулянтами», даже если они продавали на «колхозном» рынке выращенные ими на приусадебном участке овощи или фрукты.

Подчинение интересов личности интересам предприятия и государства, которые представлялись как интересы коллектива, формировало правило «быть как все», «не высовываться», ограничивало личную инициативу и творческие возможности человека. Недовольство вызывала не низкая заработная плата, а полученная кем-то из работников «получка» более высокая, чем у остальных. Причем неважно, по какой причине это происходило, — по воле руководителя или за особые заслуги. Доминирующие латентные мотивы этого эгалитаризма, отмечает социолог Л. Д. Гудков, — зависть, рессантимент (неприятные успехи других на фоне собственной несостоятельности) [18]. Другой российский социолог Ю. А. Левада указывал, что главной чертой советского человека было стремление к спокойной и привычной жизни. Отвечая уже в постсоветское время на вопрос, *ни* каком предприятии — на зарубежном, смешанном или частном — они хотели бы работать, большинство опрошенных социологами жителей России отвечали, «что лучше всего на государственном и советском. Почему? Потому что спокойнее: дают мало и требуют мало». Начальство делает вид, что оно платит, а работник делает вид, что работает [19].

Таким образом, рассматривая некоторые стороны национального характера и трудовой этики русского человека, необходимо подчеркнуть, что, наряду с экономической модернизацией, важным направлением преобразования российского общества является его социально-психологическая модернизация. Основной проблемой любой модернизации является необходимость соединить прогрессивные изменения с традициями общества, с его многовековой культурой. Примером такого подхода к экономическим, политическим и социальным преобразованиям стала Япония. Заимствуя у более развитых стран производственные технологии и политические институты, руководство страны активно использовало в их внедрении социальные и трудовые традиции японского народа. Япония развила свою экономику в значительной степени благодаря уникальной системе управления.

Главными из них считаются долгосрочный («пожизненный») найм работников, оплата и должностное продвижение по старшинству. Социально-психологическим условием пожизненного найма стал традиционный в Японии патернализм. Пожизненно нанятый работник с первых дней работы на фирме ощущает стабильность своего положения в жизни. Он проникается уверенностью в том, что, если фирма функционирует, его занятость гарантируется. Основатель японской компании «Сони» Акио Морита писал: «Если уж мы наняли людей, мы стараемся объяснить им нашу идею компании, связанной единой судьбой, и говорим им, что, в случае спада компания пожертвует прибылями, чтобы сохранить своих рабочих. Им тоже, возможно, придется пожертвовать увеличением заработной платы и прочими дополнительными выплатами, потому что мы все должны делить трудности» [20]. Кроме чувства уверенности, работник ощущает и материальные блага пожизненного найма — постоянный рост его заработной платы. В Японии старший по возрасту или ветеран фирмы получает больше младшего, или новичка. Принцип старшинства положен в основу стимуляции трудовой активности работников на всех уровнях иерархии. Такой подход к оценке работника берет свое начало в традиции японского общества уважать старших. Согласно общепринятому в Японии мнению, человек мудреет с возрастом [21]. Осуществляя преобразования, России, с одной стороны, необходимо максимально использовать положительные черты русского национального характера (упорство, стремление разобраться в сущности решаемой задачи, способность находить выход в самых сложных ситуациях, взаимопомощь и коллективизм, потребность служить общественным идеалам), с другой стороны — активно вытеснять отрицательные стороны русского менталитета указанные выше. Это достаточно длительный, УЛ сложный процесс. Но, без учета психологических основ российского общества, вряд ли будет возможна и экономическая и политическая модернизация, прорыв России на новый социально-экономический уровень, гарантирующий ей передовые позиции в современной цивилизации.

Библиографический список

1. Красильщиков В. А., Зиборов Г. М., Рябов А. В. Шанс на обновление России (зарубежный опыт модернизации и российские перспективы) // Мир России. — 1993. — № 1.; Красильщиков В. А. Россия и мировые модернизации // Pro et Contra. 1999. — Т. 4. — № 3.; Ланцов С. А. Российский исторический опыт в свете концепций политической модернизации // Полис. — 2001. — № 3; Май В. Модернизация в условиях политической стабильности (Реформы второй половины XIX в.: логика и этапы комплексной модернизации) // Вопросы экономики. — 2009. — № 9; Пантин В. И., Лапкин В. В. Волны политической модернизации в истории России. // Полис-1998. — № 2.
2. Ключевский В. О. Курс русской истории. Соч. в 9-ти т. Т. 1. — М.: Мысль, 1987. — С. 315.
3. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. URL: <http://www.gumer.info^bliotekJ3uks/History/milov/>

Электростальский политехнический институт, г. Электросталь
Получено 01.03.13

S. M. Melnikov

NATIONAL CHARACTER AND ATTITUDE TO WORK RUSSIAN MAN

This article aims to examine the case, it turned out to be the main influence on the attitude to work of the Russian people. It does not present the results of new research, but an attempt to join together to systematize these circumstances, to draw attention to the issue of work ethic residents of Russia.

modernization, labor, Russian soul, the peasantry

УДК 94

*Н. С. Модоров***РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ
«ВЕЛИКИХ ПОТряСЕНИЙ»: 1917-1922**

В статье представлена позиция церкви и судьба церкви в действительно тяжёлый период для страны, охваченной гражданской войной

церковь, патриарх, собор, государство

«Наша Христова Церковь, — говорил Владыка Максим — епископ Барнаульский и Алтайский, открывая Четвертые Международные Макарьевские чтения (21-22.11.2005 г.), — всегда была терзаема внешними и внутренними врагами» [1]. Но самое значительное духовное «потрясение», повлекшее падение ее авторитета пережила она в синодальный период своей истории (1721—1917 гг.), который, без преувеличения, превратил Русскую Православную Церковь (РПЦ) в «один из приводных ремней государственной машины Российской империи» [2]. Сложившуюся ситуацию усугубила — еще в большей степени — Февральская революция 1917 г., вызвавшая отречение от престола Николая II.

Лишившись формального главы, РПЦ оказалась не только без государственного покровителя, но и дезориентированной, поскольку «Император, — согласно Основным Законам Российской империи, — яко Христианский Государь», являлся «верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры и блюстителем правоверия и всякого в Церкви Святого Благодения» [3].

Наряду со свершившимся, «дала» революция ей и нового обер-прокурора Синода. Им стал будущий «обновленец» и активный — впоследствии — участник «Союза воинствующих безбожников» князь В. Н. Львов. Откликаясь на это назначение, религиозный историк А. В. Карташев писал тогда: «Ненавистная и прежде фигура обер-прокурора потому только и принималась иерархами и церковным мнением, что она была личным органом царской власти, самой же церковью миропомазанной и призванной к церковным делам. Обер-прокурор, назначающий и изгоняющий епископов и сам Святейший Синод, в качестве органа светского, вне конфессионального правительства — это nonsense и каноническая обида для Церкви» [4].

Тяжелым ударом для нее стал и арест Временным правительством отрекшегося от престола императора Николая II и его семьи. Этим шагом и последующими своими действиями оно все делало для того, чтобы окончательно расторгнуть связь РПЦ с государством, лишит ее государственной поддержки и в то же время новое либеральное правительство стремилось оставить за собой полный контроль за церковной жизнью и за деятельностью церкви. Так, с февраля 1917 г. начался новый этап в жизни РПЦ, лишивший ее покровительства со стороны царской власти, но не давший ей свободы и независимости от новой мирской власти.

Новую страницу в этих «преобразованиях» открыло постановление Временного правительства («Об отмене вероисповедных и национальных ограничений»), принятое им 20 марта (2 апреля) 1917 г. Приняв его, новая власть заявила (по сути дела) об отделении РПЦ от Русского государства. При этом оно оставило за собой право управлять Церковью и вмешиваться в ее — чисто церковные — вопросы. Итогом реализации данного постановления стал роспуск старого состава Священного Синода, отстранение от кафедр 12 архиереев, «замеченных в нелояльности к новой власти», ликвидация канонической власти архиереев в своих епархиях и передача всей полноты церковной власти церковно-епархиальным советам [5].

В соответствии с мартовским постановлением, в состав нового Синода не вошел ни один из трех имевшихся тогда в России митрополитов. Более того, в нарушение канонов и иерархической дисциплины в его состав были введены 4 священника. Лишилась тогда РПЦ и своих церковно-приходских школ: в ведение Министерства народного просвещения было передано тогда свыше 37 тыс. церковно-приходских, второклассных и церковно-учительских школ, одно имущество которых оценивалось в 170 млн. руб. [6].

О конкретной направленности политики Временного правительства можно судить и по такому примеру: указанная выше «национализация» коснулась только православных школ. Она никак не затронула церковные школы представителей других конфессий (лютеран, иудеев, армян и мусульман).

Наряду с «нейтрализацией» православных школ, влияния православного духовенства в целом, в отдельные епархии были направлены, в соответствии с решением Временного правительства, церковные комиссары, кое-где — проведены старообрядческие съезды. Подобного рода «новшества» и «преобразования», как и все действия нового правительства в целом, грубо поправили церковные каноны и сам принцип отделения Церкви от государства. Достойного «оправдания» им не смог найти даже принципиальный исследователь истории Церкви А. В. Карташев. Касаясь этих «моментов», он нашел лишь один более-менее, вразумительный аргумент, оправдывавший, по мнению историка, действия Временного правительства по отношению к РПЦ: «...Ломка старого церковно-правительственного строя всегда бывает болезненной» [7], на который вполне резонно отреагировали другие исследователи («А не проще

ли было дать Церкви возможность, самой определиться со своей церковно-административной организацией?) [8]. Но на такой шаг Временное правительство не отважилось. Однако не в силах отвергнуть справедливые нарекания православных оппонентов, оно вынуждено было пойти на «послабления»: разрешить созыв Всероссийского Поместного Собора, а также «отрешить от должности обер-прокурора Синода князя Львова и согласиться на назначение на «оную должность историка РПЦ А. В. Карташева [9].

Поместный Собор, призванный решить широкий круг вопросов, касавшихся жизни РПЦ, открылся 15 августа 1917 г. в Москве и работал (с перерывами) до 20 сентября 1918 г. Выступивший на его открытии «министр вероисповеданий» Временного правительства А. В. Карташев подчеркнул, что последнее «очень гордится тем, что оный проходит под его покровительством». При этом министр заявил, что Собор имеет право представить правительству законопроект «о новом образе церковно-правительственных учреждений и о видоизменениях отношений Церкви к Государству». И Синод воспользовался предоставленным Собору правом. На его обсуждение он вынес свыше 10 законопроектов. Но самым главным из них, конечно же, был вопрос о восстановлении Патриаршества в России, обсуждение которого началось 11 октября 1917 г. Обосновывая идею патриаршества, епископ Астраханский Митрофан подчеркнул, что в России она смогла «реализоваться в стройную систему». Главной причиной этого, заявил докладчик, стали «политические моменты», а также «насилия» Петра I, заменившего Патриарха Синодом — «чуждым для России учреждением, безжизненным и безответственным». В нынешнее «смутное время», решительно заявил епископ Митрофан, лишь «Патриарх способен остановить разруху, ввести церковную жизнь в правильное русло и сохранить целостность тела Русской Церкви» [10].

Однако единодушия относительно восстановления «Патриаршества на Руси», на Соборе не было. Его сторонникам, составлявшим большинство (во главе с архиепископом Антонием (Храповицким), противостояла небольшая, но очень активная и сплоченная группа во главе с профессором Б. В. Титлиновым. Прикрываясь «неясностью» понятий «Патриарх» и «патриаршество» и настаивая на дальнейшей разработке и уточнении терминологии, будущие «обновленцы» — профессор П. Д. Кузнецов, П. П. Кудрявцев, Б. В. Титлинов, граф Д. А. Олсуфьев, князь А. Г. Чаадаев, протоиерей Н. П. Добронравов и др. — настаивали на возврате законопроекта «О Патриаршестве» на доработку и на утверждении «соборности и восстановлении Соборов». Указывая на эти моменты, как главные «в церковной реформе», они подчеркивали, в частности, граф Д. А. Олсуфьев: «Была великая Русская Церковь при Патриархах, была и без них». Это [лишь] фасад церковного здания» [11].

Наряду с этими доводами, противники Патриаршества приводили и другие аргументы («Не наделает ли Патриарх тех ошибок, как прежний

наш царь, который... хотел благо народу, но не мог ничего сделать» (князь А. Г. Чаадаев), «А найдется ли в Русской Церкви кандидатура, достойная стать Патриархом» (протоиерей Н. П. Добронравов), «А не приведет ли введение патриаршества к расчленению не только единой церкви, но и всей страны» (проф. Б. В. Титлинов) и др.) [12].

Однако доводы и сомнения противников патриаршества были опровергнуты их оппонентами, главным из которых был митрополит Антоний (Храповицкий). «Не надо, — говорил он будущим «обновленцам», — убеждать себя, что без Патриарха Русская Церковь процветала... Без патриаршества и России-то не было... Русская Церковь всегда управлялась патриархом: сначала Константинопольским патриархом, затем — митрополитом Московским и Патриархом Московским... Только со времен Петра Великого Церковь осталась без Патриарха...» [13].

Не менее горячо и убедительно выступил в защиту патриаршества и священник И. Н. Сперанский. «Мы, — говорил он, — должны признать в лице Патриарха вековое сокровище, каким живет русская душа... В допетровское время, — пока... на святой Руси был верховный пастырь — Святейший Патриарх — наша Православная Церковь была совестью государства... [Оно] не старалось как-нибудь оградить себя от Церкви... Оно не было ни господином над Церковью, ни рабом ее... Святейший Патриарх старался быть и для царя христианской совестью и ему напоминал о заветах Христа... Голос Церкви был всеми ожидаемым и признаваемым, вполне естественным и необходимым, как необходим для человека голос совести» [14].

Напомнив участникам заседания об этом, докладчик подметил еще одну деталь, настоятельно требующую восстановления патриаршества в складывающейся ситуации русской жизни. «Нас пока, — заявил он, — не мучают за веру, но признаки гонений уже налицо: у нас отбирают школы, типографии, земли, дома, храмы и монастыри... Кто возьмет на себя крест Христов — крест борьбы, страдания за Церковь?... за будущие поколения русских людей,.. вопиющих к Богу об отщепенции?... если мы в настоящее, трудное для отечества время не придем в себя и в Церкви, около своего верховного пастыря... не найдем спасения...» [15].

Кроме вышеназванных, в защиту патриаршества — «основного закона высшего управления каждой поместной церкви» — «горячо и аргументировано выступили: архиепископ Илларион Троицкий, священники В. И. Востоков, П. И. Волков, Л. И. Туркевич, С. И. Шлеев, Э. И. Бекаревич, профессора С. Н. Булгаков, И. И. Соколов, Н. Н. Фиолетов, князь Г. Н. Трубецкой, граф П. Н. Апраксин, крестьянин Т. М. Гаранин, мряне А. И. Юдин, А. Г. Кулешов и другие члены Собора [16].

Завершились прения по вопросу о восстановлении патриаршества только 28 октября 1917 г. Итог им подвел епископ Астраханский Митрофан. Он же, по его словам, — однозначен: «Дело восстановления патриаршества нельзя отклады-

вать — Россия горит, все гибнет. И разве можно, когда идет война, рассуждать... нужен ли единый вождь,.. без коего воинство идет вразброд... Вот почему нам и надо поскорее перейти к восстановлению патриаршества». Этот вывод и содержался в определении Собора: «О высшем управлении Православной Российской Церкви» [17].

В соответствии с ним, выборы Патриарха начались на очередном заседании Собора — 30 октября 1917 г. В первый день были определены кандидаты — 25 чел. 31 октября выборы продолжились: необходимо было выбрать из 25 кандидатов только трех. Для этого, каждому из них необходимо было преодолеть (как мы сейчас говорим) 50% барьер. С первого раза этого добился архиепископ Харьковский Антоний (159 голосов). Во втором туре победил архиепископ Новгородский Арсений (199 голосов) и в третьем — митрополит Московский Тихон (162 голоса). В Москве в эти дни уже шли уличные бои. Кремль и его святыни то и дело подвергались артиллерийскому обстрелу красногвардейских орудий. В силу этого, избрание Патриарха было отложено на 4 дня. Оно состоялось 5 ноября в храме Христа Спасителя, после Божественной литургии, которую «совершил — в сослужении 10 архиереев — митрополит Киевский Владимир», на «коей присутствовали все члены Собора, за исключением кандидатов в Патриархи. Во время «чтения часов» [18]. митрополит Владимир заключил в «ковчег» [19]. три свитка с именами кандидатов и опечатал его в алтаре. По окончании литургии, он снял с ковчега печать и открыл его. После этого, 6 членов Собора подвели к ковчегу слепого иеромонаха Алексия, затворника Зосимовой пустыни, коей вынул из ковчега один свиток и передал его митрополиту Владимиру. Последний, вскрыв его, предъявил «оний жребий 6 членам Собора», избранным им в «качестве свидетелей», а затем огласил имя нового Патриарха — митрополита Московского и Коломенского Тихона» [20].

Восстановив патриаршество, Собор дал тем самым Русской Церкви «каноническое возглавление», подходившее для данного исторического момента. Однако в силу обстоятельств, Собору не удалось «дovести намеченную программу до конца». Ему удалось лишь «установит высшую законодательную, судебную и административную власть Церкви — Поместный Собор». В соответствии с принятым Собором уставом, при Патриархе учреждался архиерейский Синод и Высший Церковный Совет. С такой административно-управленческой структурой и вступила РПЦ в «новое для себя время» [21].

Октябрьскую революцию 1917 г. она встретила спокойно: с готовностью «нести свою миссию при любой власти». При этом РПЦ не боялась разрыва с государством и потери первенствующего положения среди конфессий. Главное, чего хотела она — это уйти от участия в политической жизни страны. Это ее стремление было обусловлено долгим и горьким опытом подчинения Церкви государству в синодальный период ее истории. Поэтому она стремилась обрести внутреннюю свободу, избежать своего «пленения государ-

ством», выраженного как в форме порабощения и гонений, так и в форме чрезмерной опеки и «ласки» государства, выраженной в привилегиях и льготах. В любом случае, платой за это была потеря свободы. Это прекрасно понимал Патриарх Тихон, твердо убежденный в том, что Церковь должна быть вне политики и политической борьбы. К сожалению, этого не понимали или не хотели осознавать многие высокопоставленные священнослужители: значительная их часть еще «не предвидела сущности» новой власти. Да и кто мог тогда предвидеть, что ее основой в политике станет отрицание любых правовых норм, а идеологии — отрицание Бога и богоборчество... и что у новой власти будет своя «религия» — воинствующий атеизм [22].

Но как бы там ни было, в октябре 1917 г. в России установилась новая власть, поставившая перед собой масштабную задачу: ликвидировать русскую культуру и создать новую, более передовую интернациональную советскую культуру. Иначе говоря, отринув все старое, «буржуазное», большевики вознамерились, оборвав связь времен, построить «новый мир», никак не связанный с тысячелетней историей и культурой России. Чтобы реализовать намеченное, они решили первым делом уничтожить связующие нити, которые пронизывали все русское общество и объединяли его членов в единый народ, в консолидации которого первостепенную роль играла РПЦ. Поэтому против нее, православия в целом, и обрушили большевики свой основной удар. И это при том, что РПЦ выразила свою готовность «сосуществовать с большевистским государством в отведенных ей рамках, при условии возможности совершения богослужений, христианской проповеди и существования самой церковно-административной организации» [23].

Первым, как известно, антицерковным актом большевистского правительства стало «Положение о земельных комитетах», принятое им 4 декабря 1917 г., в котором имелся пункт о секуляризации церковных земель. За ним последовали декреты: о закрытии духовных учебных заведений и конфискации их зданий, имущества и капиталов (11.12.1917 г.), о гражданском браке и метрификации (18.12.1917 г.), о расторжении брака (19.12.1917 г.). И хотя они и ущемляли интересы Церкви, но — в целом — они не разрушали ее жизнь, не касались вопросов веры, а потому они и были встречены церковной общественностью «смирненно», поскольку возможность проповеди, христианского влияния на народ еще сохранялась.

Однако — довольно скоро — стало ясно, что большевики не пойдут ни на какой компромисс и будут любыми средствами добиваться уничтожения церкви и религии. В начале января 1918 г. у нее была изъята синодальная типография, затем — вслед за придворными церквями — были закрыты многие домовые. 13 января 1918 г. появился декрет о конфискации Александро-Невской Лавры в Петрограде [24].

Словом, начало 1918 г. стало поистине трагическим для тысяч православных священнослу-

жителей, в том числе и для старейшего иерарха РПЦ — митрополита Киевского Владимира. Его жестокое убийство революционными матросами потрясло не только Россию, но и весь православный мир. Однако большевистское правительство никак не отреагировало на все эти убийства. В свою очередь, Церковь — не могла на них не отреагировать. 19 января 1918 г. Патриарх обратился с Посланием к духовенству и верующим, в котором он осудил «совершаемые властями злодеяния» [25].

Ответом на него (иначе и нельзя было расценить) стал выход 23 января 1918 г. декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», в котором были заложены новые формы, делавшие фактически невозможными само существование Церкви, как юридического лица. Сегодня известно, что в подготовке данного декрета принимал личное участие В. И. Ленин. Именно им, по свидетельству историков, был заменен первоначальный вариант первого пункта декрета: «Религия является частным делом каждого гражданина Российской республики» на редакцию — «Церковь отделяется от государства» [26]. Но как бы там ни было, данная «замена», подчеркнул в свое время немецкий историк Гюнтер Шульц, стала «смертельным приговором для Православной Церкви, т. к. упомянутая во втором пункте декрета «свобода совести» являла собой правовое название «атеизма», а не гарантией свободы религиозной жизни» [27].

Первые декреты Советской власти, касающиеся РПЦ, начало гонений на нее понудили Поместный Собор принять 27 января 1918 г. воззвание («К православному народу»), в котором он заявил, что закон о «свободе совести» устанавливает на самом деле «полное насилие над совестью верующих». Заканчивалось воззвание его призывом к православным — «...не дать совершиться страшному кощунству над Церковью» [28].

Крайним беспокойством за судьбы РПЦ и православных было пронизано «Обращение Патриарха к Совету Народных Комиссаров», приурочено им к годовщине Октябрьской революции. В нем Первосвященитель просил правительство прекратить «насилие и кровопролитие против православных...и обратиться к устройению [в стране] порядка, законности, а не разрушения» [29].

Как и предполагал Патриарх, его «Обращение» вызвало у властей не «понимание», а лишь «злобу и негодование», которые были усилены начавшейся гражданской войной. В ходе ее, деятельность большевиков по «уничтожению исторической России и Русской Церкви» еще более активизировалась. В результате всего этого, значительная часть духовенства была расстреляна, а другая часть — отправлена в тюрьмы и ссылку [30].

Чтобы «избавить его от погребели», Патриарх обратился в разгар гражданской войны — 8 октября 1919 г. — с «Посланием» к духовенству РПЦ «не вмешиваться в политическую борьбу». Оно, по мнению исследователей, явилось итогом его «духовных исканий путей, стратегии по спасению РПЦ», а также осознание того, что «советская власть — это не временное явление», а по-

тому и призывал духовенство — «архипастырей, пастырей и просто клириков» уклоняться «от участия в политических партиях и выступлениях», повиноваться «человеческому начальству в делах мирских» и не давать «никаких поводов, оправдывающих подозрения советской власти, подчиняться ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию..., не объявлять «врагом» советскую власть..., не видеть общерусскую власть в вождях белого движения». Борьба, которая шла между «красными» и «белыми», была «ни чем иным, как междоусобицей, братоубийственной войной». В силу этого, врага в ней Патриарх видел «не в красных или белых, а в общей настроенности русского народа, в его отходе от веры» [31].

А тем временем гражданская война, разделившая страну на множество частей и нарушившая их связи с Патриархом и Священным Синодом, продолжалась. Все это привело к «узурпации» высшей церковной власти Временными Высшими Церковными Управлениями (ВВЦУ). Первое из них — Сибирское — появилось в ноябре 1918 г. в Томске. В работе церковного совещания, состоявшегося здесь, приняли участие 13 архиереев, представлявших епархии Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока, а также 26 членов Всероссийского Собора. Первоначально ВВЦУ было «сформировано» в Уфе, а окончательно — на Сибирском Поместном Соборе, состоявшемся в Омске. Его возглавил архиепископ Омский Сильвестр (Ольшанский). Для руководства ВВЦУ, правительство Колчака было создано министерство вероисповеданий, которое возглавил профессор Томского университета, доктор церковного права П. А. Прокопьев. Ему ежемесячно выделялось из «государственного бюджета 32350 руб.» [32].

Проявляя «добрую волю» по отношению к Церкви (ей и монастырям были возвращены конфискованные ранее земли, а в школы возвращено обязательное преподавание Закона Божьего), Верховный правитель надеялся, что РПЦ поможет ему одержать победу над большевизмом. Он справедливо полагал, что борьба «за веру и Церковь» будет более понятной для солдат, чем политические лозунги, идеи Учредительного собрания и «неделимой России». Поэтому он не раз признавался «своим» и иностранным корреспондентам (особенно, когда он стал терпеть одно поражение за другим — Н. М.), что «единственная наша надежда — это святая наша Церковь» [33].

И такая позиция, надо сказать, находила поддержку у православных иерархов и священников, оказавшихся на территории, контролируемой правительством Колчака. Не случайно и церковное совещание в Томске обратилось в ноябре 1918 г. к воинству всех фронтов: «Встаньте теснее около своего верховного вождя и защитите Отечество от насильников и предателей». Это воззвание подписали: архиепископ Омский и Павлодарский Сильвестр, архиепископ Симбирский и Сызранский Вениамин, протоиерей Владимир Садовский и профессор В. Писарев [34].

Отвечая на воззвание, духовенство активно включилось в политическую борьбу, регулярно

служило молебны о «даровании победы белому воинству», а в армии были учреждены должности епископов, главных священников фронтов. Главным священником армии А. В. Колчака был назначен протоиерей Русецкий [35], а «всей армии и флота» протоиерей А. Касаткин [36].

Принятые меры заметно укрепили позиции адмирала Колчака. Но еще больше укрепило их «благословление» его на вооруженную борьбу с большевизмом Патриарха Тихона, якобы, переданное в войска через архиепископа Камчатского Нестора для «оглашения в войсках». Правда, справедливости ради, надо отметить, что документов, подтверждающих это, пока историками не обнаружены. Не была слышана о нем и армия Деникина. Но, несмотря на «высокую поддержку, «белое воинство» терпело одно поражение за другим, что и вынуждало его откатываться все дальше на восток. Вместе с ним, уходило туда же и Сибирское ВВЦУ. В конце 1919 г. оно оказалось уже в Иркутске, но — лишь на время. Попытку «задержаться на родной земле» оно предприняло на последнем ее рубеже, оставшемся к 1922 г. еще свободным от большевиков — в Приморье, — но безуспешно.

Подобную же «чашу испили» и другие ВВЦУ, в частности, на юго-востоке России, т. е. на территории, контролируемой войсками генерал А. И. Деникина. Вдохновителем и организатором ВВЦУ здесь стал главный священник Добровольческой армии протопресвитер [37]. Георгий Шавельский [38].

Отвечая на письмо генерала Деникина, Донской архиепископ Митрофан (Симашкевич) собрал 26 апреля 1919 г. в Екатеринодаре совещание пребывавших в Одессе архиереев и членов Всероссийского Церковного Собора. Собрание «Высокого Синклита» было назначено на 18 (31) мая 1919 г. Фактически же его открытие состоялось днем позже, т. е. 19 мая. В его работе приняли участие 11 епископов, 22 священника, 1 монашествующий и 34 мирянина, т. е. 68 чел. [39].

Председателем ВВЦУ стал архиепископ Новочеркасский и Донской Митрофан (Симашкевич),

Библиографический список

1. Максим, епископ Барнаульский и Алтайский. К 175-летию Алтайской Духовной миссии//Макарьевские чтения. — Горно-Алтайск, 2005. — С. 4.
2. Попов А. В. Российское Православное Зарубежье. — М., 2005. — С. 181.
3. Полный круг Духовных законов. — М., 1907. — С. 9.
4. Карташев А. В. Временное правительство и Русская Церковь//Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии. Материалы по истории церкви. Вып. 2. — М., 1995. — С. 15.
5. Попов А. В. Указ. соч. — С. 182.
6. Там же.
7. Карташев А. В. Указ. соч. — С. 15.
8. Там же.
9. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. 1917-1918. — Т. 2. — М., 1994. — С. 258.
10. Там же.
11. Там же. — Т. 1. — С. 11.
12. Попов А. В. Указ. соч. — С. 185.
13. Там же. — С. 186.

его «товарищами» — Таврический архиепископ Димитрий (Абашидзе), членами Управления — протопресвитер Г. Шавельский, протоиерей А. П. Рождественский, профессор Ростовского университета П. В. Верховский и граф В. В. Мусин-Пушкин. [40]. Но работа этой «управленческой структуры», как и Сибирского ВВЦУ, о котором уже упоминалось выше, также не имела успеха.

Подводя итог всему вышесказанному, т. е. периоду истории РПЦ с 1917 по 1922 гг., следует сказать, что это было самое трагическое время в ее «жизни». Главным его событием был, безусловно, Всероссийский Поместный Собор и избрание Патриарха. Наиболее важным итогом деятельности Собора стало принятие нового устава Российской Церкви и восстановление Патриаршества.

К сожалению, Церковь не смогла воспользоваться полученной независимостью и свободой. И случилось это не по ее вине. Начатая Временным правительством «перестройка» его отношений с РПЦ положила начало «великой трагедии» не только для нее, но и для всего русского народа. Последовавшая за Февральской революцией Октябрьское «потрясение», еще больше усугубило ситуацию: Церковь оказалась полностью свободной от «покровительства и помощи государства», но не от «грубого его вмешательства в жизнь Церкви, давления на нее». Выход же декрета об отделении РПЦ от государства поставил ее в новую общественную и церковно-политическую ситуацию — жизни в атеистическом боготорческом государстве, с его гонениями на Церковь, с уничтожением всего «божественного и церковного».

Эту набирающую силу «трагедию русского народа» и РПЦ усугубила и ожесточила братоубийственная гражданская война. «Неблаговидное» участие церкви и духовенства в ней на 70 лет предопределило сложные взаимоотношения Советского государства с РПЦ, которые изменились и весьма существенно — в благоприятную для Русской Православной Церкви — только после 1993 г.

14. Митрофанов, протоиерей. История Русской Православной церкви в XX веке. 1900-1927. — СПб., 2002. — С. 104-105.
15. Там же.
16. Попов А. В. Указ. соч. — С. 188.
17. Там же. — С. 188-189.
18. «Часы» — молитвословия, состоящие из трех псалмов (песнопения, составляющие Псалтырь), нескольких стихов и молитв, каждый из которых соотношен с определенной четвертью дня и обстоятельствами страданий Спасителя.
19. «Ковчег» — кованный сосуд; окованный сундук, для хранения чего-либо.
20. Попов А. В. Указ. соч. — С. 190.
21. Там же. — С. 192.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же. — С. 194.
25. Подробнее об этом. См.: История Русской Православной Церкви в XX веке (1917-1933). — Петроградск, 2002.

26. Правда, исследователь Р. В. Мезенцев, опираясь на выявленные им документы, утверждает, что данный пункт написан Л. Б. Троцким.
27. Шульц Г. 1914-1918 гг. как поворотный пункт в церковной истории России//Церковно-исторический вестник. — 2001. — №8. — С. 111.
28. Попов А. В. Указ. соч. — С. 196.
29. Там же.
30. Там же.
31. Там же. — С. 197.
32. История Русской Православной Церкви... — С. 73.
33. Звягин С. П. Православное духовенство и режим А. В. Колчака//Макарьевские чтения (2003 г.). — Горно-Алтайск, 2004. — С. 141.
34. Там же.
35. «Русская армия (Омск)». 2 мая 1919 г.
36. «Русская армия (Омск)». 11 июля 1919 г.
37. «Протопресвитер» — тоже самое, что и «протоиерей» — старший православный священник.
38. Попов А. В. Указ. соч. — С. 202.
39. Подробнее об см.: Шавельский, протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. — М., 1996.
40. Попов А. В. Указ соч. — С. 203.

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск
Получено 04.02.13

N. S. Modorov

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN YEARS «GREAT UPHEAVAL»: 1917-1922

The article presents the position of the church and the fate of the church in a really difficult period for the country beset by civil war.

Church, patriarch, the cathedral, the state

УДК 94

А. Мырзашкызы

ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КАЗАХСТАНА И РОССИИ

Рассмотрены правовые, экономические и социальные аспекты сотрудничества Казахстана и России в рамках единого экономического пространства.

Единое экономическое пространство, Евразийская экономическая интеграция

Формирование ЕЭП 19 сентября 2003 года на саммите в Ялте главами России, Беларуси и Казахстана было подписано Соглашение. Спустя несколько лет 28 ноября 2009 года президенты подписали договор в Минске [5]. 9 декабря 2010 года подписали все 17 документов по созданию Единого экономического пространства. 21 декабря 2010 года нижняя палата парламента Беларуси, а 22 декабря верхняя, ратифицировали документы по созданию ЕЭП. 18 ноября 2011 года в Москве глава Казахстана Нурсултан Назарбаев, президент России Дмитрий Медведев и президент Беларуси Александр Лукашенко подписали документы следующего этапа интеграции:

1. Декларация о Евразийской экономической интеграции.

2. Договор о Евразийской экономической комиссии.

3. Регламент работы Евразийской экономической комиссии.

1 января 2012 года в Декларации о Евразийской экономической интеграции заявляется о переходе с к следующему этапу основанному на нормах и принципах Всемирной торговой организации и открытому на любом этапе своего формирования для присоединения других государств, интеграционного строительства — Единому экономическому пространству, конечная цель —

создание к 2015 году Евразийского экономического союза [6]. Начало функционирования ТС и единой таможенной территории создало благоприятные условия для развития торгово-производственных связей приграничных регионов Казахстана и России. Во-первых, возросла скорость транспортировки грузов и пассажиров. Во-вторых, существенно упростился режим международной торговли: двусторонней (между Россией и Казахстаном), а также с участием третьих стран. Для российских и казахстанских предприятий повысилась степень взаимной доступности как национальных рынков двух стран, так и рынков за пределами ТС. В-третьих, появились новые возможности для развития многоплановых кооперационных связей между российскими и казахстанскими предприятиями (создание совместных производств, рост объемов поставок сырья, комплектующих и готовой продукции). В-четвертых, созданы важные предпосылки для улучшения хозяйственного климата и инвестиционной привлекательности приграничных регионов Казахстана и России, которые рассматриваются как главная зона углубления интеграционных процессов между двумя странами. В-пятых, созданы благоприятные условия для совместной эксплуатации, модернизации и увеличения мощности (пропускной способности) объектов инженерно-энергетической

и транспортной инфраструктур, связывающих две страны. В числе таких предпосылок можно отметить потенциально положительное значение конкуренции юрисдикций, позволяющее в рамках общего рынка выбирать более привлекательные условия ведения бизнеса, в том числе — режим налогообложения [3].

Приграничные регионы двух государств имеют большое значение для национальных экономик и во многом определяют уровень их конкурентоспособности: здесь проживают более 32 млн. человек, а совокупный валовой продукт российско-казахстанского приграничья превышает \$300 млрд. при этом ВВП казахстанских приграничных регионов составляет 40% ВВП РК, а ВВП Российских приграничных регионов — 20% ВВП РФ. Приграничье Казахстана (РК) и России (РФ) составляют 7 казахстанских и 12 российских регионов, расположенных вдоль одной из самых протяженных в мире (7512 км) сухопутных границ [1]. Первые два года действия Таможенного союза отмечены рядом изменений в объемах и структуре взаимных торгово-экономических связей России и Казахстана, которые проявились в виде нескольких групп эффектов: торговых, структурных и институциональных. Анализ взаимной торговли и торговых эффектов создания ТС продемонстрировал следующие факты и тенденции. С учетом доли приграничья во внешнеторговом обороте каждой из стран это обстоятельство создает дополнительные возможности для региональной интеграции и обуславливает актуальность исследования наблюдаемых тенденций и выявления эффектов ТС и ЕЭП на торгово-производственные связи приграничных регионов. С введением в действие ТС и ЕЭП перестали действовать таможенные и некоторые другие ограничения на границе Казахстана и России.

Наблюдается динамичный рост абсолютных стоимостных показателей двусторонней торговли России и Казахстана, хотя показатели за I квартал 2012 года продемонстрировали замедление. Стоимость российского экспорта в Казахстан стабильно превышает стоимость российского импорта, причем перевес в пользу России за последнее десятилетие значительно увеличился (в 2007—2011 гг. зафиксировано более чем двукратное превышение). Несмотря на динамичное развитие торговых связей, значение Казахстана как торгового партнера для России все еще сравнительно невелико (доля Казахстана в совокупном стоимостном объеме российского экспорта в 2010 году — 2,77%, импорта — около 2%). Удельный вес двусторонней торговли на фоне всей внешней торговли, как для России, так и для Казахстана, на протяжении нескольких последних лет имел тенденцию к медленному сокращению. Доля Российских регионов, граничащих с Казахстаном, в Российском внешнеторговом обороте на протяжении последних нескольких лет остается относительно стабильной и колеблется в пределах 14-15% (2011 год — 12%), в то время как соответствующий показатель с казахстанской стороны вырос примерно 40% в 2007 году до почти 47% в 2010 (2011 год — 41%) [2].

Совокупный внешнеторговый оборот регионов России, граничащих с Казахстаном, по своей абсолютной величине сопоставим с внешнеторговым оборотом. Отношение внешне-торгового оборота к ВВП в 2010 году для российских регионов, граничащих с Казахстаном, составляло около 43%, а для Казахских граничащих с Россией, — 72%. Казахстана в целом, при этом следует учитывать как разницу масштаба экономик двух стран, так и региональную составляющую (казахстанское приграничье составляют 7 регионов, российское — 12. Собоих сторон казахстанско-российской границы присутствует доминирующий по объемам экспорта регион (в Казахстане — Атырауская область, на которую приходится почти 2/3 совокупного экспорта приграничных регионов, в России — Тюменская область, на которую приходится больше половины совокупного экспорта приграничных регионов). Внешняя торговля приграничных регионов Казахстана и России (особенно экспорт) связана, главным образом, с третьими странами, а не с сопредельными страной и регионами, если не считать транзитную торговлю нефтью и газом, а также поставки российской нефти для переработки на казахстанских НП. За II полугодие 2010 года и 2011 год в объемах экспорта и импорта Казахстана и России не учитывается взаимная торговля. Анализ взаимной торговли российских и казахстанских приграничных регионов осложнен тем, что в связи с отменой, с 1 июля 2010 года таможенного оформления товаров на российско-казахстанской границе в данных Комитета таможенного контроля Министерства финансов Республики Казахстан и Федеральной службы государственной статистики РФ. Анализ структуры экономики приграничных регионов и структурных эффектов создания ТС существует большая равномерность распределения населения между казахстанскими приграничными регионами по сравнению с российскими приграничными регионами (см. рисунок 1).

По этому рисунку можно увидеть приграничье регионов Казахстана. Проживает 5 млн 547 тыс. человек (свыше 30% населения Казахстана и 18,5% населения РФ), в приграничных регионах России проживает 26 млн 469 тыс. человек.

Динамика структуры и объема валового регионального продукта (ВРП) приграничных регионов Казахстана и России в совокупном валовом продукте казахстанско-российского приграничья преобладает добыча полезных ископаемых (28%), за ней идут прочие сектора (21%), обрабатывающая промышленность (15%), транспорт, связь и торговля (по 10%) [2]. Постоянно увеличивалась и в 2010-м достигла 20%, за период с 2007 по 2010 гг. А удельный вес валового регионального продукта казахстанских регионов в совокупном валовом продукте казахстанско-российского приграничья был существенно ниже удельного веса ВРП российских регионов в нем. Вследствие экономического кризиса совокупный валовой продукт приграничья в 2009 году снизился почти на четверть. Необходимо отметить, чем ВРП Российских приграничных регионов, ВРП казахстанских приграничных областей сокращался меньше,

30% — Тюменскую область, а 60% — на Оренбургскую, Омскую, Тюменскую, Челябинскую, Самарскую, Новосибирскую и Атыраускую области. С 2007 по 2010 гг. произошло увеличение удельного веса приграничных казахстанских областей в валовом продукте своей страны и небольшое уменьшение российских в ВВП РФ. В ВРП приграничных областей Казахстана в валовом продукте страны увеличился с 37% до 40%, а удельный вес ВРП приграничных регионов в валовом продукте РФ уменьшился с 21% до 20% (см. рисунок 2).

По синнему стрелке можно увидеть Казахстанскую удельный вес с 37% поднимается до 41%. 2000 по 2011 гг. динамика Казахстана и России взаимных инвестиций наблюдался рост инвестиций из Казахстана в Россию и из России в Казахстан можно посмотреть инвестиции из России в казахстанскую экономику — в 557,8 раза, а из Казахстана в Российскую экономику увеличились за рассматриваемый период в 427,7 раза. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что инвестиции из Казахстана в Российскую экономику всегда были больше, чем из России в Казахстанскую экономику. Этот разрыв постепенно уменьшался: 2000 году он составлял 63,1%, а 2011-м — 25,1% (см. рисунок 3).

По данной схеме можно увидеть что в приграничных регионах Казахстана инвестиции этих организаций составляли около 60% их инвестиций в экономику страны. По данным росстата, в 2011 году, а Казахстанские инвестиции России — \$2 млрд. 409 млн., а Российские инвестиции в Казахстан составили \$1 млрд. 926 млн. инвестиции в основной капитал организаций с участием иностранного капитала в приграничных регионах были значительно меньше, чем других регионах России. Абсолютным чемпионом по привлечению инвестиций организаций с участием иностранного капитала за период с 2007 по 2010 годы (около 40%) являлась экономика Атырауской области. На втором месте шла Павлодарская, Костанайская, Актюбинская область, Челябинская области. Тюменская область замыкала список регионов-лидеров по удельному весу во всех инвестициях организаций с участием иностранного капитала в экономику приграничных регионов (см. рисунок 4).

Все эти регионы существенным образом затрудняет анализ происходящих в казахстанско-российского приграничье процессов и следовательно, снижает качество принимаемых управленческих

Рисунок 1

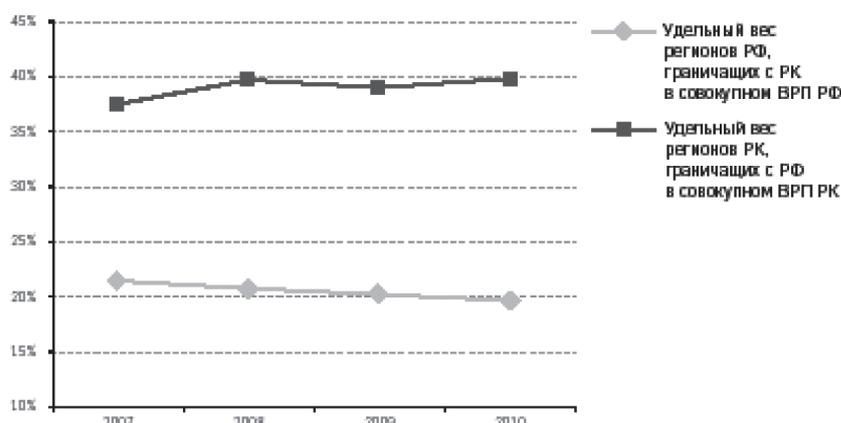

Рисунок 2

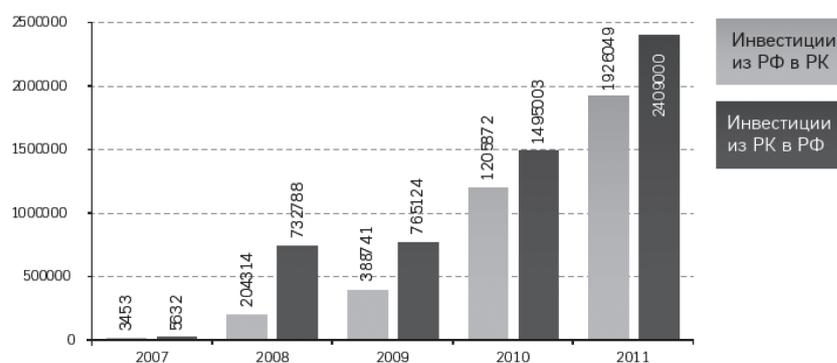

Рисунок 3

решений в процессе. В настоящее время исследователи исследуя, изучающие процессы интеграции, сталкиваются с информационными данными проблемами. В связи с этим требуется повысить объем и качество статистической информации о торговых, миграционных, производственных связях приграничных регионов Казахстана и России [4].

Наблюдается рост доли компаний с казахстанским участием, работающих в приграничных регионах РФ, в общей численности компаний с казахстанским участием, функционирующих в экономике России, она увеличилась с 30,8%, в 2000 году до 60,4%. В 2010-м. развитие ТС и ЕЭП поддерживает согласно исследованию ИССИ «ЦЭС-СИ-Казахстан», соответственно 88% и 90% ка-

захстанских компаний малого и среднего бизнеса (МСБ), функционирующих в приграничных регионах Казахстана, проведенному в 2012 году [2].

Среднедушевые денежные доходы, за период с 2007 по 2011 гг. происходило увеличение уровня цен на электричество, бензин, говядину и молоко (в российских пограничных регионах) при уменьшении уровня цен на муку и молоко (в казахстанских пограничных регионах). В рассматриваемый период институциональные эффекты проявились в виде выравнивания темпов инфляции в приграничных регионах Казахстана и России (см. рисунок 5).

Можно увидеть что казахстанских регионах в приграничных, за исключением Атырауской области, были существенно ниже, чем в Российских приграничных регионах, большинства российских приграничных регионов, за исключением Тюменской и Челябинской областей, были ниже среднероссийского показателя. При этом наблюдался рост дифференциации уровня цен на большинство продуктов (кроме бензина) в приграничных регионах Казахстана и России, а также кроме молока и муки — в приграничных казахстанских регионах [4].

В условиях многочисленности приграничных регионов в Республике Казахстан и Российской Федерации их функционирование и устойчивое развитие как административно-территориальных единиц, социально-экономических систем имеет стратегическое значение для региональной экономики обеих стран. Развитие приграничных территорий — это закономерный процесс эволюции производительных сил на качественно новом уровне производственных отношений, сосредоточивающий инновации, бизнеса, науку, образование и другие необходимые перспективные условия для развития личности, государства, охватывающий сопредельные территории.

Библиографический список

1. Волчкова Н. Новая теория международной торговли и новая экономическая география. Вопросы экономики, 2009 г., № 1, с. 68–83.
2. Таможенный союз и приграничное сотрудничество Казахстана и России. Центр интеграционных исследований. Санкт-Петербург, 2012 г. С. 6-15.
3. Сабден О. Успехи неоспоримы. Экономическое развитие Казахстана за 20 лет Независимости. // Казахстанская правда, 4 ноября 2011 г. С. 156-161.
4. Экономика Казахстана. KazNU Buietin. Economics. № 6(94) 2012 г.

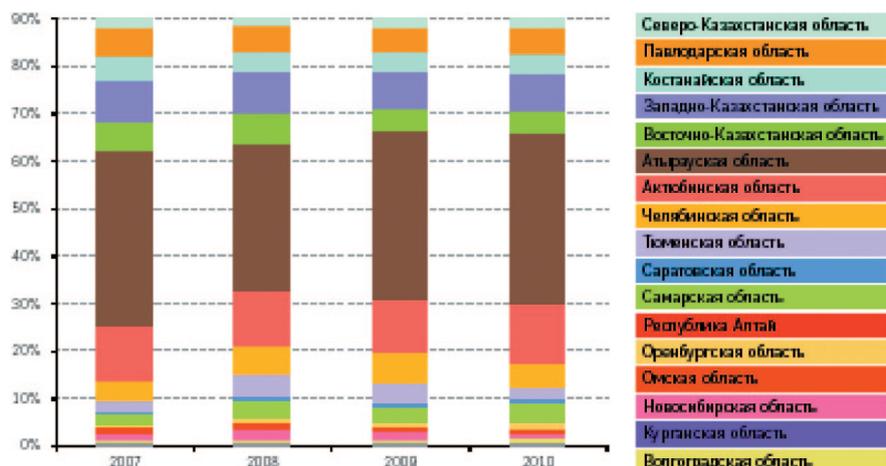

Рисунок 4

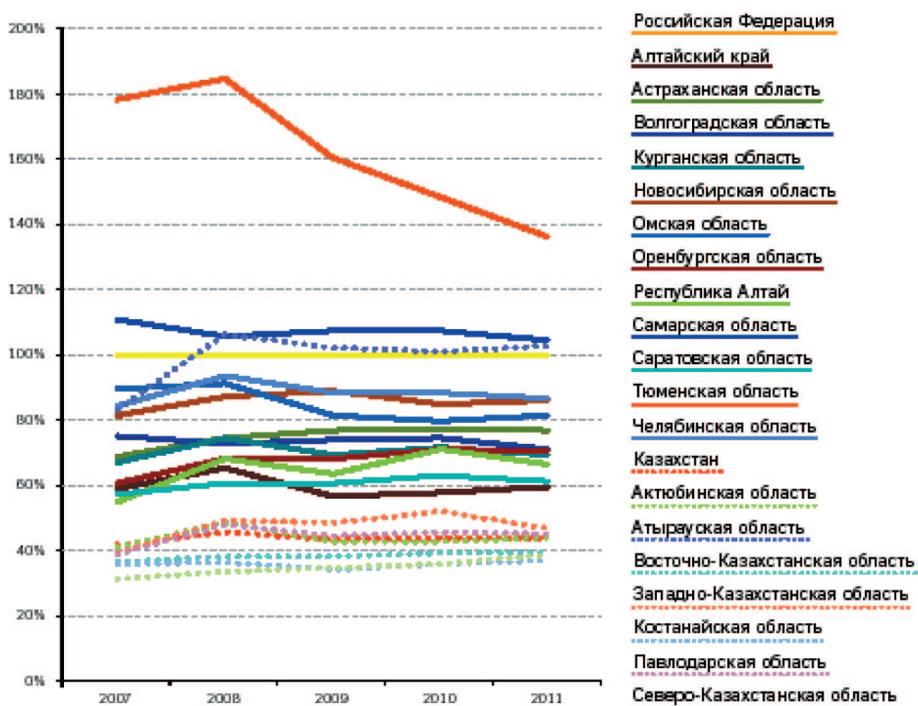

Рисунок 5

Правовой основой формирования и деятельности ЕЭП являются международные договоры и решения органов ЕЭП, заключаемые и принимаемые с учётом интересов и законодательств государств-участников и в соответствии с общепризнанными нормами и принципами международного права. Координация процессов формирования ЕЭП осуществляется соответствующими органами, создаваемыми на основе отдельных международных договоров. Структура органов формируется с учётом уровней интеграции.

5. Сагадиев К. С. Бәсекеге қаблеттілік озымға жасауымыз керек. // Егемен Қазақстан. — 5 мамыр. — 2004. — 2 б.

Восточно-Казахстанский государственный университет имени С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск, Казахстан
Получено 14.03.13

A. Myrzashkyzy

COMMON ECONOMIC POSTRANSTVA IN CROSS-BORDER COOPERATION IN KAZAKHSTAN AND RUSSIA

Examined the legal, economic and social aspects of cooperation between Kazakhstan and Russia within the framework of a common economic space.

The Common Economic Space, Eurasian Economic Integration

УДК 94

A. B. Попов

ПОЛЬСКАЯ ДИАСПОРА В СИБИРИ: ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Работа посвящена изучению материалов по истории польской диаспоры в Сибири. Отмечена подробная классификация источников по истории изучения вопроса

диаспора, архивы, библиотеки, Сибирь

История польской диаспоры в Сибири является неотъемлемой частью истории России и Польши и, конечно, истории сибирского края. Появление в Сибири поляков было вызвано различными причинами: войнами, восстаниями, общественно-политическими движениями, переселением, в том числе массовой политической ссылкой. Политическая ссылка, первоначально и каторга, как репрессивная мера являлась составной частью внутренней политики самодержавия. Изучение польской политической ссылки, а если смотреть шире — диаспоры, позволяет конкретизировать существующие в исторической науке представления об эволюции русско-польских отношений и о факторах, определяющих их содержание.

Первые поляки в Сибири появляются в конце XVI — начале XVII вв. Это были военнопленные времени смуты и русско-польских войн. Масовая ссылка поляков в Сибирь начинается в конце XVIII в. Она представлена в первую очередь участниками Барской конфедерации (1768—1772) и участниками восстания Т. Костюшко (1794). На всем протяжении XIX в. феномен «польской ссылки» постоянно присутствовал в истории Сибири и России. Высылали в Сибирь, как правило, участников различных революционных и национально-освободительных организаций. Наиболее массовой была ссылка в Сибирь участников восстаний 1830—1831 гг. и восстания 1863—1864 гг. В конце XIX в. ряды польских ссыльных пополнялись за счет участников социалистических, коммунистических и пролетарских организаций.

Необходимо отметить и добровольное переселение поляков, в первую очередь крестьян, в Сибирь. Наиболее значимой трудовой миграция поляков в Сибирь была в конце XIX — начале XX вв.

Дореволюционная российская историография поляков в Сибири — это преимущественно историография польской ссылки, начало которой было

положено фундаментальным исследованием С. В. Максимова. Рассказы из быта ссыльных С. В. Максимов начал печатать в 1868 г. в журнале «Вестник Европы». Позднее переработанные рассказы вышли в виде трёхтомного издания под названием «Сибирь и каторга». Первое издание труда С. В. Максимова вышло тиражом 500 экземпляров для распространения только среди высших чиновников. Работа С. В. Максимова потрясла Л. Н. Толстого: у него он заимствовал сюжет своего знаменитого, проникнутого сочувствием к ссыльным полякам, рассказа «За что?» (первоначальное название «Непоправимо»).

Собственно научного осмысления феномена польского присутствия в Сибири до революции быть не могло, во всяком случае, в рамках официальной исторической науки. Тема была интересна публицистам, общественным деятелям, писателям и самим ссыльными.

Важной вехой в изучении истории поляков Сибири стала изданная в начале 1880-х годов книга польского историка З. Либровича «Поляки в Сибири», в которой тема поляков в Сибири рассматривалась в широком историческом и политическом контексте [1].

Особняком стоит очерк Б. Пилсудского «Поляки в Сибири», опубликованный в 1918 г. во Франции. Б. Пилсудский в своем исследовании делает акцент на культурную, просветительскую роль и значение польского присутствия в Сибири. Как отмечал Б. С. Шостакович: «Этот «начинающий», как могло бы кому-то показаться, исследователь «сибирско-польской» истории в своей скромной, тоненькой брошюрке сумел охватить ее проблематику с многосторонностью и глубиной, вполне достойными удивления и самой высокой оценки».

Безусловно, следует согласиться с Б. Пилсудским в том, что польские ссыльные сделали очень

много для развития Западной Сибири, ее экономики и культуры. Во многом Б. Пилсудский стал новатором, в новых, связанных не только с каторгой и ссылкой, подходах к российско-польской теме в Сибири.

Начало новому периоду в изучении проблемы положила Октябрьская революция 1917 г. На долгие годы объективное изучение истории стало невозможным. Поменялась тематика исследований. Основными темами стали классовая борьба, революционная, социалистическая деятельность поляков в Сибири [2]. Отличительной чертой историографии тех лет была узость источниковедческой базы. В качестве главных источников исторических работ использовались декреты советской власти, работы В. И. Ленина, труды других партийных идеологов [3]. Таким образом, после Октябрьской революции положение мало изменилось, польскую диаспору в Сибири можно было рассматривать только с точки зрения политической составляющей, их революционности, их борьбы против царского режима, связей с декабристами, русско-польских революционных связей и т. д. Это важно и интересно, но упрощает историю поляков в Сибири, не даёт стереоскопического взгляда [4].

Положение изменилось лишь с конца 1980-х — начала 1990-х гг., когда ослабел идеологический диктат, и классовый подход к истории перестал быть единственным. В связи с кардинальными переменами в политическом строе и внутривнутриполитической жизни страны изменилась ситуация в российской исторической науке и в гуманитарном знании в целом. В исторической науке изменились трактовки и подходы к исследуемым проблемам. Некогда периферийные темы исследований выдвинулись на первый план. Одной из таких тем является история польской диаспоры в целом и в Сибири, в частности [5].

Ранее полузапретные темы истории эмиграции, диаспоры становятся одними из центральных в исторической науке и общественном сознании. Соответственно, растёт интерес к россияне в России и к полонике в Польше. Происходит расширение источниковедческой базы за счёт рассекречивания ранее недоступных архивных фондов и документов.

С 1999 г. издается журнал «Диаспоры», в котором проблема национальных меньшинств рассматривается в контексте изучения диаспор в теоретическом и конкретно-историческом преломлении.

Постсоветский этап ознаменовался расширением проблематики и углублением исследований по истории польской диаспоры в Сибири. Формируются центры полонистики в Иркутске, Казани, Москве, Томске, Новосибирске и других городах России. Современные авторы обратились к изучению проблем адаптации поляков в Сибири, изучению повседневности, региональных особенностей польского присутствия в Сибири, истории персоналий [6], изучению вклада поляков в культурное и экономическое развитие региона [7].

Одним из главных центров полонистики и изучения поляков в Сибири становится Ир-

кутск [8]. Во многом это объясняется деятельностью выдающегося учёного, доктора исторических наук, профессора Б. С. Шостаковича и его учеников [9]. С начала 1970-х гг. Б. С. Шостакович изучает историю поляков в Сибири [10]. Он автор более 200 научных трудов и многих лекционных курсов, посвящённых этой проблематике и апробированных во время чтения лекций в университете А. Мицкевича, университете М. Кюри-Скловской, во Вроцлавском и других польских университетах. В 1995 г. он выпустил основанный на новых источниках учебник «История поляков в Сибири» [11]. Важной вехой в историографии истории поляков в Сибири стала подготовленная Б. С. Шостаковичем монография «Воспоминания из Сибири: мемуары, очерки, дневниковые записи польских ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия». Эта работа открыла новую книжную серию «Польско-сибирская библиотека» [12].

В сентябре 2012 г. на научной сессии в Академии гуманитарных наук им. Александра Гейштора (Пултуск) большой резонанс вызвал доклад Б. С. Шостаковича, посвященный новейшим проблемам источниковедения, историографии и методологии истории поляков в Сибири. Именно доклад Б. С. Шостаковича обозначил многие приоритетные темы изучения поляков в Сибири. Б. С. Шостакович много делает и для введения в научный оборот новых архивных источников, выявленных в сибирских архивах [13].

Большой интерес в настоящее время вызывает изучение архивной полоники. Под «архив?ной полоникой» обычно понимают документы польского происхождения, по тем или иным причинам оказавшиеся за рубежом. В широком смысле «зарубежная архивная полоника» — это совокупность всех зарубежных архивных материалов, имеющих отношение к Польше.

Значительная часть архивной полоники эмиграции хранится в зарубежных архивах. Эти документы были либо вывезены поляками из Польши, либо образовались в результате деятельности за рубежом польских учреждений, организаций и частных лиц.

По происхождению архивную полонику можно классифицировать следующим образом:

- документы, образовавшиеся в результате деятельности польских организаций и учреждений;
- документы, образовавшиеся в результате деятельности частных (физических) лиц.

Как правило, среди таких документов имеются документы, вывезенные поляками из Польши. По месту хранению эмигрантские материалы можно классифицировать следующим образом:

- хранящиеся в государственных архивах различных стран;
- хранящиеся в архивах университетов, музеев, библиотек;
- хранящиеся в архивах и музеях, созданных польскими эмигрантами;
- хранящиеся в архивах польских общественных и других организаций;
- хранящиеся в личных архивах польских эмигрантов и их потомков.

В настоящее время самое крупное собрание архивной полоники находится на территории России. Следует помнить, что в широком понимании полоника — это далеко не всегда документы польского происхождения, а чаще всего документы, имеющие то или иное отношение к истории Польши. Тем более, что значительная часть документов польского происхождения, отложившихся в российских архивах, была возвращена Польше по условиям Рижского мирного договора, подписанного 18 марта 1921 г. Согласно договора передаче польской стороне подлежали не только документы явно польского происхождения, но и архивы, связанные своим происхождением с уступленными Польше западно-белорусскими и западно-украинскими территориями.

Полоника имеется как в государственных архивах (федеральных архивах и архивах субъектов РФ), так и в рукописных отделах музеев библиотек, учреждений Российской академии наук (РАН) и других хранилищах. Среди федеральных архивов выделяются РГАДА, РГИА, ГА РФ, РГВИА, РГВА.

На наш взгляд, уже пришло время для создания межархивных указателей и автоматизированных баз данных по архивной полонике. Перво-

очередной задачей могло бы стать выявление архивных фондов и документов, имеющих отношение к Польше, с последующим изданием путеводителя «Полоника в государственных архивах России». В дальнейшем возможно расширение этой работы с изданием путеводителей по рукописным отделам музеев и библиотек, архивам и другим учреждениям Российской академии наук.

Думаем, что в этом заинтересованы и польская, и российские стороны. Издание таких справочников дало бы мощный импульс российско-польским исследованиям, значительно расширило их источниковедческую базу. А история России и Польши настолько тесно связаны, что их трудно отделить друг от друга.

Хочется закончить статью словами Б. Пилсудского: «Этой тихой, скромной, невидимой глазу современника, а еще менее, — историкам края, польской работе преисполненной сочувствием к темному люду и прощением порочной его части, Сибирь обязана тысячами исправившихся граждан, уменьшением распространения преступных понятий и деяний, ослаблением отрицательного влияния криминального мира на уклад местной жизни» [14].

Библиографический список

1. Librowicz Z. Polacy w Syberji. — Kraków, 1884.
2. Снытко Т. Г. Русское народничество и польское общественное движение 1865-1881 гг. — М., 1969
3. Кудрявцев Ф. Поляки в Сибири // Сибирская Советская Энциклопедия. 1930. — Т. IV. — С. 417-420
4. Дьяков В. А. Польская ссылка эпохи декабризма // Сибирь и декабристы. Вып. 1. — Иркутск, 1978. — С. 110-123
5. Шостакович Б. С. Поляки в Сибири. Страницы истории. — Улан-Удэ, 1995. — 75 с.
6. Шостакович Б. С. Малоизвестные источники о жизни и деятельности на Сахалине Бронислава Пилсудского // Б. О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина: материалы Международной научной конференции 31 октября — 2 ноября 1991 г. — Южно-Сахалинск, 1992. — Т. 1. — С. 76-83
7. Качинская Э. Поляки в Сибири (1815-194). Социально-демографический аспект // Сибирь в истории и культуре польского народа. — М., 2002; Филь С. Г. Польские страницы тюменского краеведения. — Тюмень 2005.
8. Шостакович Болеслав Сергеевич // Историки-слависты СССР: биографический словарь-справочник. — М., 1981. — С. 178
9. Болеслав Сергеевич Шостакович: К 60-летию со дня рождения и 35-летию научно-педагогической деятельности / сост. : В. К. Пешкова; науч. ред. и автор предисл. С. И. Кузнецов. — Иркутск, 2005. — 36 с.
10. Шостакович Б. С. Политические ссылки поляки и декабристы в Сибири // Ссылки революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г). Вып. 1. — Иркутск, 1973. — С. 243-292
11. Шостакович Б. С. История поляков в Сибири (XVIII — XIX вв.): Учебное пособие. — Иркутск, 1995. — 164 с.
12. Кузнецов С. И., Петрушин Ю. А. Историограф польской ссылки в Сибирь (к 65-летию со дня рождения профессора Б. С. Шостаковича // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. — 2010. — № 2(5). — С. 175-183
13. Шостакович Б. С. Источники по сибирской истории поляков до 1917 года в архивах Сибири: перспективы их изучения // Polonia w Rosji: historia i dzien dzisiejszy. Materiały Międzynarodowej Konferencji Naukowej z okazji 10-lecia Odrodzenia Ruchu Polonijnego w Rosji. Stowarzyszenie "Wspolnota Polska". — Moskwa, 2000. — S. 118-125
14. Пилсудский Б. Поляки в Сибири / Подготовка текста, публикации и комментарии Б. С. Шостакович // Изв. / Институт наследия Бронислава Пилсудского при Сахалинском областном государственном краеведческом музее — Южно-Сахалинск, 2001. — № 5 — С. 153

Историко-архивный институт (РГГУ), г. Москва
Получено 20.03.13

A. V. Popov

THE POLISH DIASPORA IN SIBERIA: HISTORY AND ARCHIVES

The work is devoted to the study of the materials on the history of Polish Diaspora in Siberia. Noted the detailed classification of sources on the history of the study of the question.

Diaspora, archives, libraries, Siberia

УДК 94

*И. М. Федосеева***СИБИРЬ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В 20-Х ГГ. XX ВЕКА**

В статье дается характеристика советско-германских экономических отношений, рассматривается место Сибири в развитии экономических связей между Германией и Советской Россией.

Сибирь, торгово-экономическое сотрудничество, Рапалльский договор, Московский торговый договор, советско-германские отношения

Новые возможности для всестороннего экономического сотрудничества между Советской Россией и Германией возникли в начале 20-х гг. XX в. в связи с изменением общего дипломатического фона между двумя странами. Признание принципа наибольшего благоприятствования обеспечило новые пути урегулирования спорных вопросов в экономической области. Такой образец мирного решения политических и экономических противоречий получил в историографии определение «Рапалльская модель» [1, с. 212], по названию договора, заключенного в Рапалло между Германией и Советской Россией 16 апреля 1922г. Этот договор, — говорилось в заявлении НКВД (Народный комиссариат иностранных дел) РСФСР от 29 августа 1922 г., — заслуживает самого серьезного внимания, так как благодаря ему как Россия со своими естественными богатствами, так и Германия с ее организационными и техническими возможностями найдут силы для взаимного восстановления хозяйства и финансов [2, с. 560]. Сибирский регион занимал особое место в вопросе возобновления и развития советско-германского экономического сотрудничества. Экономические связи между двумя государствами в Сибири, по сути, были разрушены в ходе Первой Мировой войны. Поэтому процесс их восстановления приобретал особое значение для экономики Советской России в нач. 20-х гг. XX в. При этом, возобновление межгосударственных экономических отношений в Сибири проходило с определенными трудностями. Изменения в сфере экономического сотрудничества между Советской Россией и Веймарской республикой, которые проявились в Сибири, вызывали значительные перемены в общем состоянии советско-германских экономических связей. Все это обуславливает актуальность данной темы для исследований.

Изучением развития советско-германских экономических связей занимался ряд советских и зарубежных историков. В СССР отдельные вопросы двусторонних отношений Германии и Советской России в 1920-е гг. привлекали внимание многих исследователей. Среди них следует выделить исследования А. С. Ерусалимского [3], В. Б. Ушакова [4], посвященные как советской, так и германской внешней политике. Отдельного упоминания заслуживает В. М. Турок, монография которого была посвящена одному из наиболее значительных событий международных отношений в середине 1920-х годов — конференции в Локарно [5]. Несомненно, работы указанных исследователей внесли большой вклад в разработку проблем советской и германской внешней политики и эконо-

мического сотрудничества в межвоенное время. В 1960-х гг. вышло многотомное издание «Истории дипломатии», ставшее на многие годы одной из лучших общих работ по международным отношениям. Разумеется, в этом труде были кратко рассмотрены и основные проблемы двусторонних советско-германских отношений в 1920-е — 1930-е годы — в частности, подготовка и заключение Рапалльского и Берлинского договоров. В 1974 году была издана монография, и по сей день остающаяся наиболее подробным исследованием (в отечественной историографии) проблем советско-германских отношений рапалльского периода. Речь идет о работе А. А. Ахтамзяна «Рапалльская политика» [6]. В ней автор рассматривает преимущественно дипломатические и экономические аспекты двусторонних отношений. В числе работ по экономическим проблемам отношений СССР с другими 21 странами следует отметить монографию В. А. Шишкина [7]. В ней подробно рассмотрены аспекты торгового сотрудничества Советского Союза со своими западными соседями.

Следует отметить, что изучением проблем советско-германских отношений плодотворно занимались исследователи и ГДР, и ФРГ. Первые публикации, в той или иной степени затрагивающие проблемы двусторонних отношений межвоенной эпохи появлялись уже в первые годы после окончания Второй мировой войны. В 50-х гг. XX в. начинается систематическое изучение проблем двусторонних отношений рапалльского периода. Именно в эти годы появляются работы исследователей из ГДР — О. Винцера [8], Ф. Кляйна [9], А. Нордена [10]. Специальные исследования были посвящены и такому аспекту советско-германских отношений, как экономическое сотрудничество. Особый интерес к этой проблеме западногерманские исследователи начали проявлять в конце 1970-х — 80-х гг. Следует отметить работы В. Байтеля и Ю. Нетцольда [11], которые подробно рассмотрели в своих трудах такие проблемы экономического сотрудничества между двумя странами, как кредитование советской промышленности, концессионная политика советского государства, обмен специалистами и т. д. Весьма ценный вклад в изучение проблем экономических отношений между двумя странами внёс Р.-Д. Мюллер [12], в монографии которого помимо традиционных форм торговых отношений рассматриваются и военно-экономические. Деятельности «Русского комитета германской экономики», сыгравшего важную роль в торговых отношениях между СССР и Германией, посвящена монография Х.-Ю. Перри [13].

Таким образом, вопросы экономического сотрудничества между странами достаточно широко освещены в историографии. Но, место Сибири в торгово-экономических отношениях практически историками не рассматривалось. По сути, на данный момент не существует сколько-нибудь масштабного исследования по этой проблематике. Соответственно, изучение советско-германских экономических связей в 20-х гг. XX в. в контексте сибирского региона является необходимым.

После 1922 г. экономическое сотрудничество между Советской Россией и Германией развивалось поступательно. Советская сторона даже приступила к работе по созданию торгового договора с Веймарской республикой. О заметных изменениях в советско-германских отношениях свидетельствуют данные статистики: торговый оборот Советской республики с Германией вырос более чем в два раза в течении двух лет после подписания Рапалльского договора. Если в 1921/22 финансовом году он составлял 72,2 млн. руб., то в 1924/25 г. торговый оборот достиг 149 млн. руб. [14, с. 8-9].

Стоит отметить, что в Сибири в 1920-1924 гг. в сфере экономического сотрудничества двух стран не наблюдалось значимых изменений, это было связано с отдаленностью территории и с тем, что немецкие промышленники зачастую не рассматривали сибирский регион как объект финансовых вложений. Определенные изменения в Сибири произошли в результате назначения на должность сибирского консула Георга Гросскопфа в ноябре 1923 г. Консул с 1924 г. регулярно посещал сибирские предприятия и фабрики с целью сбора информации о возможности налаживания экономических контактов с немецкими промышленными и сельскохозяйственными предприятиями. Результаты деятельности немецкого консула проявились достаточно быстро. Уже в середине 1924 г. помощь его по достоинству оценили руководители «Имперского Союза пушных фирм» в Лейпциге, которые направили в министерство иностранных дел Германии благодарственное письмо, особо отмечая ценность данных Гросскопфа о пушном рынке Сибири. «Если бы все немецкие представители за границей, — говорилось в письме, — регулярно давали такие же деловые и хорошо сориентированные экономические известия, как господин Гросскопф, у германской внешней торговли и индустрии было бы надежнее поле для суждений об иностранных рынках и ценная помощь в столь сложной теперь конкурентной борьбе» [15]. Данные, собранные Гросскопфом о сибирском регионе, содержали в себе обширный фактический материал, который использовался, в том числе Германо-Российским союзом развития взаимных торговых отношений (*Deutsch-russischer Verein zur Pflege und Foerderung der gegenseitigen Handelsbeziehungen*).

Необходимо отметить, что на протяжении нескольких лет в рамках Рапалльской модели сотрудничества обычной практикой стало создание смешанных экономических обществ. Первоначально советско-германские объединения создавались в Европейской части России. Еще до Ра-

палльского договора были учреждены советско-германские общества: по транспорту — «Дерутра», по металлам — «Деруметалл», по воздушным перевозкам — «Дерулюфт». К примеру, в течении 1922 г. были образованы: «Русско-германское торговое акционерное общество», «Русско-германское торгово-транспортное общество» («Рустранзит») для перевозок по советской территории в Иран с участием гамбургской фирмы «Роберт Венкгауз» и т. д. [1, с. 213].

В Сибири немецкие консулы также пытались инициировать договоры о концессиях, и несколько таких договоров были заключены рядом германских фирм с советскими властями. Так, в Сибири были оформлены концессии фирмы «Vriener & Comp.» на эксплуатацию серебряных, свинцовых, медных и цинковых рудников в Тегюхе, фирмы Х. Штольценберга на эксплуатацию золотого рудника в Томской губернии. Но это были крохи по сравнению с тем участием немецких капиталов, которое они принимали в сибирской промышленности и торговле в предвоенные десятилетия [16, с. 82].

Очевидно, что налаживание двустороннего экономического сотрудничества было сложным процессом. Во многом такое положение дел объяснялось незаинтересованностью немецких промышленников в наращивание своего экономического потенциала в Сибирском регионе. Также у германских предпринимателей были опасения в том, что сотрудничество СССР с другими странами и, прежде всего Францией и Англией, может вытеснить немецкие фирмы с российского и сибирского рынков.

Несмотря на сложности в ноябре 1924 г. между Германией и Советской Россией вновь стали обсуждаться основные принципы сотрудничества в экономической сфере. В начале 1925 г. были выработаны проекты соглашений, которые предполагалось включить в комплекс экономических договоров. Итогом этих событий стало подписание между государствами Московского договора 12 октября 1925 г. Документ, подтверждавший принцип наибольшего благоприятствования, ставил как цель дальнейшее расширение хозяйственного сотрудничества и увеличение товарооборота. В Сибири после подписания Московского договора также произошли серьезные изменения. С одной стороны, это было связано с деятельностью в германских консулов, с другой, с общим развитием экономического сотрудничества. Сибирь, воспользовавшись плодами недолгого нэпа, возобновила экспорт в Германию масла. Вплоть до 1929 г. — начала массовой коллективизации — именно в Германию направлялось, по оценке местных сибирских властей, до 35 процентов всего сибирского масляного экспорта [17].

Согласно немецким данным, уже в 1924 г. Германия вывезла масла из европейской России на сумму в 5,1 миллиона марок, а из Сибири — в 3,1 миллиона. За первую половину 1925 г. стоимость вывезенного из Сибири масла достигла суммы в 3,7 миллиона марок [18, с. 216-217]. На прямые связи с Внешторгом, расширившим свои поставки сибирской пушнины на аукционы Берлинского Торгового Представительства, вышел в

эти годы и Лейпциг, еще в 1924 г. покрывавший свои потребности в ней на аукционах Лондона. В Лейпциге было открыто специальное отделение по экспорту пушнины Берлинского Российского Торгпредства («Пушторг») [18 s. 228].

На территории Сибири, прежде всего в Ново-николаевске действовали многочисленные организации, деятельность которых была направлена на русско-немецкую торговлю и развитие предпринимательства: Сибирский Союз сельскохозяйственных кооперативов «Сибсельскосоюз», Сибирский краевой союз потребительских обществ «Сибкрайсоюз». На первых позициях в отношении советско-немецкой торговли находилось Сибирское Государственное Бюро по импорту и экспорту — «Сибгосторг».

В конце 20-х гг. XX в. экономическое сотрудничество между Германией и СССР находилось в упадке. Как известно, в конце 1927 — начале 1928 г. германские промышленники попытались выставить свои условия продолжения экономического сотрудничества. Инициатором этого выступал Имперский союз германской промышленности. Прежде всего, речь шла об ограничении предоставления кредитов СССР, пока не будет выплачена первая половина 300-миллионного кредита.

Несмотря на политические и экономические проблемы двум государствам удавалось договариваться вплоть до 1929 г. 21 декабря 1928 г. был подписан протокол по экономическим и правовым вопросам, 25 января 1929 г. была заключена конвенция о третейском разбирательстве.

Большое влияние на состояние сотрудничества между Германией и СССР оказал мировой экономический кризис 1929 г. Развитие экономических отношений между двумя странами, которое было достигнуто на протяжении 20-х гг.

XX в. в Сибири, к концу указанного десятилетия фактически прекратилось. После активизации сотрудничества в Сибирском регионе в середине 20-х гг. XX в., к началу 30-х гг. стали наблюдаться застоные явления, которые были связаны с трудностями в российской экономике и с не всегда оправданными претензиями немецких предпринимателей на монопольное положение в Сибири. Как отмечает исследователь В. Михалка, в немецких экономических кругах накапливалась усталость от России еще и в связи с полной неясностью, что с ней будет, и не приближается ли она к полной катастрофе. «В связи с усилившимися стремлениями к мировой революции в советской стране немецкие предприниматели высказывали вполне резонную мысль о том, что трудно торговать с людьми, которые хотят поджечь твой дом» [19].

Таким образом, советско-германские экономические связи в сибирском регионе в 20-х гг. XX века имели свою специфику. Активизация экономического сотрудничества в Сибири была связана, прежде всего, с успехами в дипломатических отношениях между Германией и Советской Россией. Но, вплоть до середины 20-х гг. XX в. экономические отношения в Сибири между двумя государствами были недостаточно развиты, это объяснялось отдаленностью территории и во многом неспособностью местных органов власти наладить такое сотрудничество. Определенные успехи были достигнуты во второй половине 20-х гг. XX в., происходило увеличение количества совместных предприятий на территории Сибири, рост товарооборота. Но изменения общей политической и экономической ситуаций в нач. 30-х гг. XX в. породило определенные трудности в дальнейшем экономическом советско-германском сотрудничестве.

Библиографический список

- Ахтамзян, А. А. Профили Рапалльской дипломатии / А. А. Ахтамзян — М.: МГИМО-Университет, 2009.
- Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. В 2 т. Т. 2 — М.: Политиздат, 1971.
- Ерусалимский, А. С. Германский империализм: история и современность / А. С. Ерусалимский — М.: Наука, 1964.
- Ушаков, В. Б. Внешняя политика Германии в период Веймарской республики / В. Б. Ушаков — М.: Наука, 1958.
- Турок, В. М. Локарно / В. М. Турок — М.-Л., 1949.
- Ахтамзян, А. А. Рапалльская политика / А. А. Ахтамзян — М.: Наука, 1974.
- Шишкин, В. А. Цена признания: СССР и страны Запада в поисках компромисса (1924-1929) / В. А. Шишкин — СПб.: Наука, 1991.
- Winzer, O. Der Rapallo-Vertrag und seine nationale Bedeutung fbr Deutschland / O. Winzer — Berlin: (Ost), 1952.
- Klein, F. Die diplomatische Beziehungen Deutschlands zu Sowjetunion 1917 — 1932 / F. Klein — Berlin: (Ost), 1952-1953.
- Норден, А. Уроки германской истории / А. Норден — М.: Изд-во иностранной литературы, 1948.
- Beitel W., Noetzold J. Deutsch-sowjetische Wirtschaftsbeziehungen in der Zeit der Weimarer Republik / W. Beitel, J. Noetzold — Baden-Baden, 1979.
- Mueller, R. D. Das Tor zur Weltmacht / R. D. Mueller — Boppard am Rhein, 1984.
- Perrey, H.-J. Der Russlandausschuss der Deutschen Wirtschaft. / H. J. Perrey — Oldenburg, 1985.
- Внешняя торговля СССР. Статистический сборник — М.: Наука, 1967.
- PA AA Politisches Archiv des Auswaertiges Amts (Политический архив Министерства иностранных дел Германии), Personalien, Bd. 199 in 4 Teilen. Grosskopf.
- Шерстобоев, О. Н. Участие немецких фирм в торговле на Российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX — начало XX в.) / О. Н. Шерстобоев // Немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований. Вып. 1. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1999, С. 79-84.
- ГАНО (Государственный архив Новосибирской области), ф. 47, оп. 5, д. 84, л. 18.
- Deutsch-russisches Vertragswerk vom 12. Oktober 1925. Euer den praktischen Gebrauch der am deutsch-russischen Handel beteiligten Kreise. — Hrsg. von R. Glanz Syndikus des Deutsch-russischen Vereins zur Pflege und Forderung der gegenseitigen Handelsbeziehungen. — Berlin, 1926. — 240 S.
- Michalka, W. Russlandsbilder der Auswaertigen Amts und deutscher Diplomaten. — In: H. — E. Volkmann (Hrsg.). Das Russlandbild im Dritten Reich. Koeln [u. a.] / W. Michalka — Boehlau, 1994.

Сибирский Федеральный университет, г. Красноярск.
Получено 10.02.13

I. M. Fedoseeva

SIBERIA AND DEVELOPMENT OF THE SOVIET-GERMAN ECONOMIC RELATIONS IN THE 20TH OF THE XX CENTURY

In the article on the basis of the analysis of historiographical sources the characteristic of the Soviet-German economic relations is described and the place of Siberia in development of economic relations between Germany and Soviet Russia is considered.

**Siberia, trade and economic cooperation, Treaty of Rapallo, Moscow trade agreement,
Soviet-German relations**

УДК 94

Ю. В. Хвастунова

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ГРУППЫ В УСТЬ-КОКСИНСКОМ РАЙОНЕ

В статье рассмотрен религиозный и национальный вопрос на основе социологического опроса в Усть-Коксинском районе на предмет национального самосознания и качества жизни населения в Республике Алтай.

**Религиозные организации и группы, национальная принадлежность,
этническая принадлежность**

Прежде чем мы углубимся в специфику Республики Алтай, а именно в Усть-Коксинский район необходимо привести общероссийские статистические данные по религиозной принадлежности граждан России. Так согласно социологическому опросу Левада-Центра «Опрос проведен 23-26 ноября 2012 года по репрезентативной всероссийской выборке. Респондентам был задан следующий вопрос: «Относите ли Вы себя к какому-либо вероисповеданию? Если да, то к какому именно?» Ответы распределились следующим образом: православие — 74% (+5% по итогам сентября); католицизм — 1%; протестанты — 1%; иудаизм — 1%; ислам — 7%; буддизм — 1%; атеист — 5%; ни к какому вероисповеданию — 10%.

В связи с ростом проявлений агрессии и «эмоциональных и некомпетентных высказываний» в СМИ обсуждается инициатива сделать оскорбление чувств верующих уголовно наказуемым деянием. На аналогичный вопрос «Одобряете ли Вы инициативу сделать оскорбление чувств верующих уголовно наказуемым деянием?» респонденты распределились следующим образом: «определенно да» — 14%; «скорее да» — 35%; «скорее нет» — 24%; «определенно нет» — 10% и затруднились ответить — 18% [1].

Республика Алтай на современном этапе развития представляет собой довольно многообразный и сложный регион в национально-религиозном плане. Все это разнообразие определяется существенными различиями в религиозном содержании того или иного района республики. В данной статье будет рассмотрен уникальный Усть-Коксинский район. Его религиозная история имеет известный старообрядческий формат (еще в XVIII в. в Уймонскую долину переселялись староверы, спасающиеся от гонений), а также нали-

чие архаических алтайских верований (шаманизм, тотемные верования, вера в духов). Но начиная с 70-х годов прошлого века (XX в.) данный район стал особенно притягательным для различных мистико-эзотерических течений. Данный интерес начался с популяризации учения Н. К. Рериха и его семьи (движение Агни-йоги) и продолжился благодаря ряду современных мистико-экологических направлений.

Среди мистико-эзотерических и оккультных движений выделяются различные группы под руководством экстрасенсов, целителей, колдунов, волхвов, а также эзотериков-одиночек, спасающихся и готовящихся к переходу в Новую эру (Эру Водолея).

Изучая религиозную ситуацию в регионе нельзя не учитывать национальный контекст данной проблемы. Многие религиозные верования и традиции тесно сопряжены с этнической культурой того или иного народа (в данном случае преимущественно с традициями алтайцев, русских-староверов). Согласно данным последней переписи в Республике Алтай население по этническому признаку распределилось следующим образом: русские — 63%; алтайцы — 31%; казахи — 5,6%. Остальные национальности немногочисленны» [см. 2]. По районам ситуация различается. - Усть-Коксинский район «Около 80% населения района — русские и 20% — алтайцы, кроме этого в районе проживают казахи, украинцы, немцы и др. народы. В административном плане территория района разбита на 9 сельских администраций. На территории района зарегистрировано свыше 121 предприятий, организаций и 508 предприятий» [3]. В последнее время район как пограничная зона усилился за счет строительства Погрангородка.

В рамках социологического исследования, проведенного научно-исследовательской социологической лабораторией (НИСЛ) при кафедре социологии, политологии и культурологии Горно-Алтайского государственного университета в 2012 году в Усть-Коксинском районе было опрошено 203 респондента. Из них 130 (64,0%) женщины, 73 (36,0%) мужчины.

По национальному составу респонденты составили: русские — 70,6%; алтайцы — 25,4%, другие национальности и метисы — 4% опрошенных.

По возрастному составу респонденты распределились следующим образом: 14-18 лет — 41,4%; 19-24 года — 5,9%; 25-35 лет — 16,7%; 36-59 лет — 34%; 60 лет — 2%.

В начале анкеты респондентам было предложено расставить приоритеты от 1 до 9 баллов по принадлежности к социальной группе. На первом месте оказалась семья — 75,3% (женщины — 65,7% и мужчины — 34,3%). На втором месте — этническая принадлежность — 21,3% (женщины — 63,2% и мужчины — 36,8%) и на третьем месте религиозная принадлежность — 10,5%. Причем, женщины составили — 13%, мужчины — 6,3%. По национальному признаку: алтайцы — 10,5% и русские — 11,3%. По сфере занятости более всего процентов показали предприниматели — 40% и домохозяйства — 37,5%.

Еще один вопрос в формате данной темы преследовал цель выявить интеграционные и дезинтеграционные механизмы на религиозно-этнической почве. Вопрос звучал так «Что нас разъединяет?».

На первом месте оказались социально-экономические различия — 35,7%; На втором месте — религиозные различия — 23,6%; На третьем месте — национально-этнические различия — 20,4%; На четвертом месте — политические различия — 18,7%. При этом религиозные различия по половому признаку показали следующую картину: мужчины — 24,1%, женщины — 23,4%. По национальному признаку: алтайцы — 21,7% и русские — 24,9%.

На вопрос: «Как бы Вы охарактеризовали межнациональные отношения в Республике Алтай?» респонденты ответили следующим образом:

Терпимые отношения — 43,5%;

Доброжелательные, доверительные отношения — 37,5%;

Напряженные отношения — 13% респондентов. Из них алтайцы — 6%, и русские — 15,7%;

Враждебные отношения — 3%. Из них русские — 4,3%;

Доброжелательные-терпимые отношения — 1,5% респондентов.

Итак, в данном районе наблюдается в целом доброжелательная и терпимая обстановка. Согласно опросу фактор напряженности невысокий — 13% респондентов. Причем колонку «напряженные и особенно враждебные» отметили в основном русские респонденты, что свидетельствует о некоторых проблемах.

В плане религиозной жизни Усть-Коксинский район представляет собой большое разнообразие и насыщенность как эзотерическими течениями и

новыми религиозными движениями (НРД), так и популярностью среди «религиозных искателей» и харизматических лидеров, поскольку данный район ассоциируется с «райской землей», с Беловодьем, Шамбалой, «благодатной Уймонской долиной» в зависимости от религиозного направления. Так в данном районе себя активно проявляют представители общества Рерихов (в с. Верхний Уймон), представители Московского общества сознания Кришны (кришнаиты), Общество сторожевой башни (Свидетели Иеговы). В 2012 году в связи с активным муссированием идеи о конце света (21 декабря 2012 г.) в данном районе наблюдалось повышенное скопление религиозных и иных представителей и искателей «убежища» в случае катастрофических событий.

Среди приезжающих эзотериков следует упомянуть деятелей из движения «Ирида». Это так называемый психологический центр, внутри которого существуют школы и психологические тренинги оздоровления, самосовершенствования и личностного роста (Интегральное обучение). Активисты центра осуществляют поездки по сакральным местам, в том числе в Усть-Коксинский район.

В целом необходимо отметить об особой роли религиозной культовой составляющей в жизни человека, так еще «Одним из первых, кто описал функции ритуала в традиционном обществе, был Э. Дюркгейм. Анализируя ритуалы австралийских аборигенов, Дюркгейм пришел к выводу, что ритуалы имеют ряд жизненно важных функций. Дюркгейм выделяет четыре основных функции ритуала, к которым он относит: функцию социализации, интеграции, воспроизводящую и психотерапевтическую функции» [4, с. 53]. Население Усть-Коксинского района ищет в религиозных организациях удовлетворение своих психологических потребностей. Психотерапевтический эффект наблюдается и фиксируется в ответах респондентов, ищущих в религии исцеления, здоровья себе и своим близким. Интеграционная составляющая проявляется в чувстве «общинности», которое испытывают верующие в том или ином религиозной сообществе на основе единой религиозной идеи и практики.

Рассмотрим подробнее религиозные организации. Так представители рерихианского движения сосредоточены в Уймонской долине с. Верхний Уймон, Нижний Уймон, Усть-Кокса. В с. Нижнем Уймоне выстроен комплекс, включающий в себя два музея, в частности музей Н. К. Рериха в доме — усадьбе В. Атаманова, библиотеку и строящуюся гостиницу.

В с. Мульта сосредоточено несколько религиозных движений — это и эзотерическая группа Марии Баженовой с туристическим гостиничным бизнесом «Дом Сфера», последователи Н. К. Рериха, кришнаизма.

Также в райцентре Усть-Коксе активно проповедуют такие религиозные организации как Общество сознания Кришны и Общество сторожевой башни (Свидетели Иеговы).

Так верующие из религиозной организации «Свидетели Иеговы» относятся к централизованной организации г. Горно-Алтайска, возглавляе-

мой Калистратовым А. Свидетели Иеговы отличаются особой спецификой прозелитической работы, а именно распространением печатной продукции (журналов «Пробудись», «Сторожевая башня» и тематических брошюр) и активными беседами с населением от дома к дому. В связи с такой работой случаются конфликты на почве неприятия населением «навязчивой» формы вовлечения в религиозную организацию.

Местных кришнаитов курируют старшие братья из Алтайского центра ведической культуры г. Барнаула, которые поддерживают связи с некоторыми жителями Усть-Коксинского района. Индуистские верования частично пропагандируются через деятельность магазина «Ганга» и работу движения «Агни-йоги».

Сами респонденты среди религиозных движений называли следующие: православные, мусульмане, протестанты, Свидетели Иеговы, сектанты, шаманы, буддисты, индуисты, йоги и секта «Белое братство». В отношении Белого братства вопрос остается открытым, так как на него указал лишь один респондент и не исключена ошибка с названием, например, Белую веру он мог спутать с белым братством. Если же в районе реально присутствуют Белые братья — то это движение известно своим криминальным прошлым. Также под «белыми братьями» последователи «Агни-йоги» и другие эзотерики называют махатм, о которых учила Е. Блаватская и К. Н. Рерих.

Периодичность и количество миссионерских встреч фиксировал вопрос «Предлагали ли Вам знакомство религиозные организации и сколько раз? Получилась следующая картина: ни разу — 63,8% и знакомы с религиозными организациями в общей сумме — 36,3% респондентов. Реально же этот процент имеет более высокий показатель, так как последующие вопросы анкеты обнаруживают информированность и знакомство населения с различными религиозными течениями и деятелями, но зачастую неглубокое в рамках первичной прозелитической деятельности организаций.

Следующий вопрос был призван выявить у населения отношение к сектанству: «Есть ли в вашем селе/городе сектанты?»: Отрицательный ответ дали — 47,1% опрошенных респондентов. А те, кто, по их словам познакомились с сектантами, в общей сумме составили — 46,5%. К сектантам респонденты отнесли следующих представителей: Свидетели Иеговы, кришнаиты, рериховцы, индуистские секты, Белое братство. Некоторые респонденты отвечали коротко: «много приезжает». В числе респондентов, давших отрицательный ответ оказались и те, которые не относят ряд религиозных организаций и групп к сектантским, в отличие от их соотечественников, давших положительный ответ.

Следующий вопрос касался выявления уровня конфликтности: «С представителями каких религиозных организаций у Вас возникали трудности/конфликты?» показал следующие результаты. Никаких конфликтов — 74,1%, Со Свидетелями Иеговы — 5,6%. С мусульманами — 3,7%. С Рерихами — 5,6%. С йогами — 1,9%. В целом наиболее конфликтными и агрессивными в прозелитической

деятельности обнаружили себя Свидетели Иеговы и последователи учения К. Н. Рериха.

Вопрос: «Каким религиозным организациям Вы доверяете, а каким не доверяете?» В отношении мусульманских организаций — самая высокая степень недоверия — 73,2% у молодого поколения от 14 до 18 лет. В целом более 50% населения относится равнодушно. По национальному признаку доверяют исламу:

алтайцы — 10%; русские — 12,4%.

Не доверяют: алтайцы — 36,7% и русские — 28,6%.

Равнодушно: алтайцы — 53,3% и русские — 59%.

К православным организациям (РПЦ) доверие обнаружили: алтайцы — 57,1% и русские — 84,9%.

Не доверяют: алтайцы — 11,4% и русские — 5,6%.

Относятся равнодушно: алтайцы — 31,4% и русские — 9,5%.

Данные показатели возможно сравнить с общероссийскими показателями в отношении РПЦ (православия). Так по данным Левада — Центра «опрос проведен 21-24 сентября 2012 г) на вопрос «Насколько существенное участие принимает сейчас Русская Православная церковь в деятельности органов государственного управления?» Респонденты ответили следующим образом: «очень большое» — 10%; «довольно большое» — 41%; «довольно малое» — 22%; «очень малое» — 9%; «затрудняюсь ответить» — 18%. Еще один вопрос «Как бы Вы оценили, насколько существенны сейчас в России влияние Русской православной церкви и поддержка, которую она получает от государства?» Ответы респондентов: «Русская православная церковь участвует в жизни государства и получает от него поддержку ровно в той мере, в которой это нужно» — 45%; «Русская православная церковь оказывает недостаточное влияние на жизнь страны и получает от государства недостаточную поддержку» — 19%; «Русская православная церковь оказывает избыточное влияние на жизнь страны и получает от государства избыточную поддержку» — 14%; «затрудняюсь ответить» — 22%.

«Вы бы согласились с тем, что только в обращении к религии, к церкви общество может найти сейчас силу для духовного возрождения страны?» Респонденты: «согласен» — 48%; «не согласен» — 34%; «затрудняюсь ответить» — 18%. В целом наблюдается динамика роста доверия на религию и церковь по сравнению с 1994 годом она увеличилась в 2 раза от 25% до 48%.

«Вы бы согласились с тем, что в трудные периоды истории России Православная церковь спасла страну, и сейчас она должна это сделать снова?» Ответы респондентов: «согласен» — 58%; «не согласен» — 19%; «затрудняюсь ответить» — 23% [1].

Вернемся к местной специфике. В Усть-Коксинском районе сильны христианские традиции как в лице старообрядческих поселений, в том числе и беспоповцев (традиция оформилась с XVIII в.), так и в лице православного русского

населения (XX в.). В райцентре Усть-Коксе находится православный приход, и церковь в честь Покрова Божией Матери (с 1993 г.), настоятелем которой вот уже много лет, является иерей Андрей Суховский. С 2011 года данный приход стал относиться к Онгудайскому благочинию.

В анкете присутствовал вопрос об отношении к шаманизму. Опрос дал следующие результаты. Шаманским направлениям по национальному признаку доверяют: алтайцы -25 % и русские — 5,2%.

Не доверяют: алтайцы — 21,4% и русские — 41,7%.

Равнодушное отношение: алтайцы — 53,6% и русские — 53,1%.

Итак, можно сказать, что в Усть-Коксинском районе даже среди алтайцев не высокий порог доверия шаманизму.

Особняком стоит вопрос, касающийся буддизма. Доверительное отношение к буддизму обнаружили: алтайцы — 30% и русские — 9,7. %.

Не доверяют: алтайцы — 23,3% и русские — 32%.

Равнодушное отношение: алтайцы — 46,7% и русские — 58,3%.

Итак, в данном случае наблюдается довольно высокий процент доверия буддистам в алтайской среде, что обусловлено также популяризацией идей буддизма и индуизма представителями движения Агни-Йоги.

К протестантам: по национальному признаку доверяют: алтайцы — 3,6% и русские -2%.

Не доверяют: алтайцы — 46,4% и русские — 42%. Равнодушно относятся: алтайцы — 50% и русские — 56%.

В данном случае фиксируется, во-первых, недостаток знания и недоверие к протестантам в регионе, во-вторых, поддержка традиционных религиозных взглядов, например высокий порог доверия к Православию и старообрядчеству, в-третьих, рост процента респондентов, поддерживающих мистико-эзотерические направления. Итак, исходя из вышеизложенных данных, следует сделать вывод о высоком пороге доверия у населения к Православию, а самом низком пороге доверия у населения по отношению к протестантам, а также к мусульманам, последнее обусловлено небольшой численностью казахского населения в районе.

Социологический опрос по религиозно-этнической ситуации в Усть-Коксинском районе фиксирует высокий уровень религиозности населения, его толерантности, существенный процент граждан охвачен мистико-эзотерическими движениями, а также мистико-экологическими направлениями (приверженцами которых зачастую являются переселенцы из других областей Российской Федерации) и данная тенденция в ближайшие годы, по-видимому, не изменится.

Библиографический список

1. Левада-Центр [электронный ресурс] / Режим доступа: / <http://www.levada.ru/17-12-2012/v-rossii-74-pravoslavnykh-i-7-musulman>. Дата обращения: 15.01.2013г.
2. Современный национальный и этнический состав населения Республики Алтай. [Электронный ресурс] / Режим доступа: сайт: Республики Алтай <http://www.altai-republic.com/>. Дата обращения: 9.11.2012.
3. Исторический экскурс. [Электронный ресурс] / Режим доступа: Официальный сайт Муниципального Образования «Усть-Коксинский район» http://www.ust-koksa-altay.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=11 Дата обращения: 26.12.2012.
4. Хамрина Ю. А Способы и пути трансформации ритуалов в современном обществе / Ю. А. Хамрина // Вестник ТГУ. — 2011. — № 347. — С. 53-57.

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск
Получено 15.03.13

J. V. Hvastunova

THE RELIGIOUS ORGANIZATIONS AND GROUPS IN UST-KOKSINSKY DISTRICT

In article the religious and ethnic question on the basis of sociological poll in the Ust-Koksinsky District about national consciousness and quality of life of the population in Altai Republic is considered.

Religious organizations and groups, national identity, ethnic origin

УДК 94(47).083.084.1-3,5

А. П. Шекшеев

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ И РЕГИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОВСТАНЧЕСТВА НАЧАЛА 1920-Х ГГ.

Работа освещает противоречивый облик крестьянского и инородческого повстанчества, хаос, трагедию народной борьбы и на примере деятельности одной из существующих тогда «банд» показывает, что она носила не только антикоммунистический характер.

бандиты, вооруженная борьба, инородцы, коммунисты, крестьяне, ограбления, перестрелки, повстанцы, советы, части особого назначения

Тема крестьянского повстанчества на Енисее начала 1920-х гг., в частности в личном раз-

резе, уже неоднократно освещалась историками и самим автором [1]. В данных публикациях было

показано, что, вопреки утверждениям советской историографии, состоявшее в основном из крестьян, в т. ч. и коренных для Сибири национальностей, повстанческое сообщество на разных этапах своего существования не являлось сугубо «бандитским». В то же время оно, включая в себя лиц, разных по человеческим свойствам, зачастую отличалось отсутствием политических взглядов и проявлением склонности к уголовным деяниям, заметными не только у рядовых участников.

Между тем, несмотря на выявленное противоречие в поведении бунтующих провинциальных крестьян, научная литература продолжает насыщаться вроде бы правильными, но упрощенными или неполными характеристиками крестьянского поведения периода 1918-1922 гг. Так, например, один из ученых, исходя из природы деревенского мира и общности условий, определил тождественные черты крестьянского повстанчества, напрочь отказавшись от его уголовной составляющей [2].

Актуальность этой темы усиливается и в связи с тем, что, наряду с утверждениями учёных о включении межнациональных конфликтов в понятие Гражданской войны [3, с. 4], встречаются заявления и обратного свойства [4, с. 27]. Или же, не соглашаясь с традиционной датировкой её завершения, некоторые из исследователей делают выводы о том, что на национальных окраинах в это время борьба велась исключительно ради достижения независимости от России и за максимальное расширение территории, подконтрольной национальному режиму [5, с. 179, 181].

Политический облик, например, хакасов характеризовался очевидцами и советскими исследователями взаимоисключающими чертами. Как правило, они, смешивая ложь с истиной, в лучшем случае лишь упоминали фамилии вожаков «банд», зачастую пренебрежительно называя их «Мотыгой» и «Манцыркой». Однако и сегодня в обществе и околонаучной среде по-прежнему распространяются интерпретации событий начала 1920-х гг., основанные не столько на документальных источниках, сколько на слухах и бытовых рассказах. К разряду новых искажений действительности и приписыванию хакасам особой роли в местной Гражданской войне относятся появившаяся двумя изданиями новая книга писателя Б. Н. Камова. Опровергая клевету, воздвигнутую В. А. Солоухиным («Солёное озеро») на А. П. Голикова (Гайдара), он еще раз преувеличил значимость своего героя в ликвидации местного повстанчества. За отсутствием соответствующих знаний, этот автор обелил отношение чиновника командира к коренному населению, объясняя его трудностями участия в проходившей здесь некоей, неизвестной историкам, масштабной и инициированной какими-то политическими силами «Хакасской войне», которую якобы вели хакасы во главе с И. Н. Соловьевым против русских коммунистов [6].

Создавать историю крестьянского повстанчества и жизнеописание его лидеров крайне затруднительно, хотя бы потому, что органы коммунистического режима и штабы военного командования оставили о тех событиях и его участниках

скудные, порой противоречивые и естественно негативные сведения, а документы противной стороны в основном не велись или сохранились в незначительном объеме. В этом случае нами в качестве источника использовались поступающие с мест военным и гражданским властям сводки частей особого назначения и милиции, которые, сообщая о том, что в такое-то время в определенной местности происходили некие события, оказались наименее политизированными документами Советской власти, способными воссоздать картину происходившего.

Действительно, крестьянское повстанчество на юге Приенисейской Сибири во многом определялось деятельностью казака Соловьева, позднее сенсационно названного «императором тайги». Однако он длительное время являлся вожаком лишь одной из многих «банд» и сумел объединить большинство повстанцев под своим командованием лишь летом 1922 г. На самом же деле повстанчество, будучи ответной реакцией хакасов на появление красных партизанских отрядов и русскую колонизацию, возникло несколько ранее и представляло собой множество мелких групп, успешно грабящих население, кооперативные и советские учреждения и исчезающих при появлении вооруженных представителей или сторонников Советской власти. Так, например, в сентябре 1920 г. милиция сообщала властям о том, что на территории Усть-Фыркальской волости Минусинского уезда появились «бродячие банды» численностью в 20-25 человек, похитивших двоих милиционеров и скрывшихся от погони в тайге. В июне 1921 г. было зафиксировано наличие «банд», состоявших из 5-25 членов, в инородческих волостях. В Синявинской волости того же уезда ежедневно стали возникать и менять стоянки группы по 5-7 инородцев. Начало зимы 1921/1922 г. было вновь отмечено наличием мелких шаек в составе 3-10 человек [7, л. 40; л. 23; л. 21]. Все эти «банды», состоявшие в основном из бедноты — кызыльцев и сагайцев и немногих представителей русского населения, при необходимости легко объединялись и, будучи конными, также, без особых усилий, меняли район дислокации.

Еще одной повстанческой силой, возникшей под влиянием дискриминационных мер победивших коммунистов, стали так называемые «белые банды», которые появились на территории Хакасско-Минусинской котловины с возвращением домой бывших военнослужащих белой армии или представляли группы лиц, пробивавшихся за границу.

В январе-феврале 1921 г. с появлением в Минусинском уезде повстанческих отрядов Олиферова и Базаркина, возникших под воздействием проразверстки и мобилизации крестьян в Красную армию в других местностях губернии и насчитывающих от 500 до 1500 бойцов, какая-то часть инородческих «банд» пополнила их состав. К примеру, в феврале того же года среди повстанцев, захвативших и удерживающих Мальцевские рудники, находилось до 100 хакасов [8, л. 4, 11]. Вскоре выдвинутые против повстанцев войс-

ка, коммунистические и милицейские отряды уничтожили очаги их сопротивления и крупные силы, но разгромить инородческое повстанчество, которое поддерживалось населением, они оказались не в силах. Очередное появление в улусах «само-снабжающихся» сторонников Советской власти и применяемый ими «красный бандитизм», на который власти в силу распространенного мнения о том, что хакасы в 1918-1919 гг. поддерживали белых, не всегда адекватно реагировали, заставили население уходить в тайгу и в рядах так называемых «хасхылар» (беглецов) защищать свой жизненный уклад.

Несмотря на то, что в июле-августе 1921 г. под воздействием губернской комиссии, приехавшей и искавшей возможности мирного разрешения конфликта с инородческим населением, вслед за Майнагашевыми сдались 150 человек [9, л. 234; л. 29; л. 24], такие явления как «красный бандитизм» и «хасхылар» не были изжиты, что создавало почву для распространения повстанчества. Так, за 1922 г. численность всех «бандитов», существующих и действующих в Енисейской губернии, выросла с 205 до 503 человек, а само повстанчество, объединившись, приняло более организованную воинскую форму и обрело некие политические лозунги. Но к зиме того же года подвергшиеся реорганизации и пополненные истребителями из числа бывших партизан и ширинских качинцев, выступивших против беспорядков и грабежей, части особого назначения в обстановке, когда повстанчество стало утрачивать опору в народных массах, захватили его главную базу и уничтожили основные силы противника. К 1923 г. потери повстанцев в целом по губернии составляли 249 человек убитыми и 153 — пленными [10, л. 80].

Те же сводки, буквально по дням отслеживая поведение как повстанцев, так и их противника, позволяют наполнить общую картину происшедшего фактическим материалом. В свою очередь, созданная с их использованием хроника деятельности, например, «банды» Кулакова, т. е. её наиболее полное описание, способствует более глубокому освещению повстанчества и выявлению его истинного облика.

Согласно информации, которой располагали органы Советской власти и командование ЧОНа, Никита Васильевич Кулаков был 1893 г. рождения, уроженцем с. Чебаки (Покровское) Кызыльской волости Ачинского уезда, по национальности хакасом. Он мог по-русски читать и подписываться, политических убеждений не имел. До 1917 г. Кулаков работал на приисках и рудниках. Уже с тех пор местная власть позиционировала его в качестве обыкновенного спиртоноса и уголовника. Занимаясь доставкой самогона рабочим, он неоднократно задерживался и наказывался заключением в тюрьму, а с приходом белых скрывался как уголовный элемент, грабил проезжающих. Но, вероятно, в жизни Кулакова были и другие занятия, поскольку чека, организованная победившими большевиками, с распространенной тогда формулировкой «за участие в свержении Советской власти в 1918 г. и выдачу крес-

тьян карателям» 30 мая 1920 г. определили его в Ачинский концлагерь № 2 сроком до конца Гражданской войны. Согласно первомайской амнистии и постановлению губернской чека от 23 июня 1921 г., этот срок ему был сокращен на треть [11, л. 2-3; л. 11; л. 44; л. 54].

Оказавшись вскоре на свободе, Кулаков возглавил таких же беглецов и наладил отношения с Соловьевым. В начале августа 1921 г. он в качестве его помощника участвовал в переговорах с вышеупомянутой губернской комиссией по ликвидации бандитизма. Вероятно, Кулаков не сразу стал убежденным повстанцем. Находясь в контакте с её членами, он, по наблюдению Г. И. Итыгина, был склонен сдаться. Но переговоры из-за недоверчивого отношения к ним со стороны коренного населения так и не привели к его полному замирению [12, л. 6-8].

Начавшись с элементарного ограбления жителей улуса Кюбяков, совершенного 20 «бандитам» Кулакова 13 октября 1921 г., повстанческая жизнь его могла на этом и закончиться. 16 ноября «банда», скрываясь в землянках вблизи д. Когунек, подверглась нападению 35 разведчиков одного из полков 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. После двухчасового боя с регулярной воинской частью повстанцы, оставив 8 человек убитыми и одного раненым, с Кулаковым, получившим раздробление кисти руки, рассеялись. Красноармейцы, потеряв троих человек убитыми и одного раненым, захватили 8 винтовок, 3 револьвера, 2 бомбы, 1500 патронов, седла и продукты, а также печать с надписью «Стрелковый партизанский полк им. Михаила Александровича» [13, л. 54; л. 67; л. 315].

После этого поражения повстанцев власти какое-то время о Кулакове не имели сведений. Но чуть оправившись, четверо «бандитов», возглавляемых им, 12 февраля 1922 г. ограбили лекпома (фельдшера — А. Ш.) 229-го полка, а затем впятером — кооперативную лавку в Усть-Фыркальской волости. 17 или 27 февраля 1922 г. обнаруженные пятью разведчиками под началом красноармейца Долгова из чоновского отряда Виттенберга в улусе Топанов, 7 «бандитов» ответным огнём убили одного и ранили другого красноармейца». 28 февраля 1922 г. Кулаков с шестью повстанцами появился в районе улуса Янгулово, где соединился с «бандой» Карачакова, насчитывавшей 26 человек. Однако вскоре они были выбиты красноармейцами из этого селения и ушли в сторону ст. Сон.

В ночь на 13 апреля, посетив с. Ново-Марьясово, «банда» Кулакова обзавелась лошадьми. На следующий день 9 повстанцев в улусе Бирдюль захватили и при попытке к бегству убили некое гражданское лицо, обеспечивающее продуктами и фуражом один из взводов 6-го сводного отряда. Скрываясь по-прежнему в районе д. Когунек, 10 «бандитов» 17 апреля напали на обоз, шедший из Черногорских копей, и забрали 1800 аршин мануфактуры, 5 пудов табаку и два ящика мыла. 10 мая разведка ЧОНа в районе улуса Тайдонов было рассеяла эту «банду», потерявшую при этом троих своих членов. Однако 13 мая

10 повстанцев во главе с Кулаковым, пополнив вместе с «бандой» Родионова отряд Соловьева, приняли участие в бою с чоновцами вблизи с. Малое Озеро. В этой схватке, несмотря на то, что повстанцы, укрепившись на сопке, держались упорно до вечера, они потеряли убитыми, по разным данным, от 19 до 29 человек, в т. ч. повстанца в форме поручика, а в наступившей темноте отошли [14, л. 50; л. 58, 79-80, 133, 174; л. 193; л. 13; л. 11; л. 217; л. 6].

Особую активность, отличавшую её, по мнению чекистов-составителей обзора о политико-экономическом состоянии Минусинского уезда [15, л. 100 об.], от других подобных повстанческих сообществ, «банда» Кулакова стала проявлять с наступлением лета 1922 г. Наряду с грабежами кооперативных лавок и населения, «банда» все чаще стала, объединяясь, нападать на обозы и прииски. Так, 8 июня Кулаков с 29 повстанцами напал в районе улуса Ефремкино на обоз с 350 пудами муки, следуемый из с. Абаканского на рудник «Богомдарованный» и охраняемый приданными на курорте «Шира» 14 красноармейцами во главе с командиром Скороходом. После шестичасовой схватки к противникам подошли подкрепления в лице 16 штыков взвода Козлова из 2-го отряда и более 30 «бандитов» Соловьева. Не выдержав боя и оставив двоих человек убитыми, повстанцы отступили. 15 июня «банда» Кулакова пыталась захватить улус Янгулов, но, потеряв еще одного повстанца убитым и отстреливаясь, отошла. 17 июня объединенные силы Соловьева и Кулакова общей численностью в 35 человек имели пятичасовой бой с противником. Потеряв двоих убитыми, повстанцы вновь отступили. На следующий день Соловьев, Мотыга и Кулаков, командуя 65 повстанцами, устроили засаду на обоз с хлебом, шедший с Черногорских копей на прииск Богомдарованный и находившийся под охраной 30 красноармейцев с пулеметом. В начавшейся перестрелке были убиты двое красноармейцев, подводчик и двое нападавших. Но к обозникам подошло подкрепление, и «бандиты» скрылись [16, л. 50; л. 206; л. 5; л. 172; л. 1, 12; л. 74].

Пользуясь временным снятием гарнизона и командую объединенными силами, Кулаков 19 июня совершил налет на прииск «Богомдарованный», где его людьми были изрублены трое коммунистов, взяты 14 фунтов золота и продукты. 28 июня 8 членов его «банды» в районе улусов Большой и Малый Тайдонов, встретив разведчиков противника, заставили их отступить. А вскоре Кулаков и его повстанцы в очередной раз напали на рудничный поселок, населенный, как правило, русскими рабочими. 9 июля 30 повстанцев оцепили рудник «Улень». Въехав в посёлок и собрав жителей, они заперли их в каталажку и начали грабеж конторы и домов. «Банда» увезла с собой в качестве заложников и пятерых жителей (И. Григорьев, Эльберт, И. и А. Астафьевы и П. Тюльков), из которых четверо, в т. ч. двое коммунистов, потом оказались убитыми. Потрясенные этими событиями, жители рудничного поселка в большинстве своем вскоре его покинули.

Посетив 13 июля улус Усть-Бирь, Кулаков с 15 «бандитами» забрали 15 пудов масла и яйца, собранные жителями в уплату продналога, а в районе улуса Сайгачи из засады застрелили красного командира и трех красноармейцев, следовавших по служебным делам. Через день 50 повстанцев, находившихся под началом Кулакова, окружили улус Тазмин, где разместились на отдых 16 красноармейцев с пулеметом, составлявших разведывательный отряд Решетникова. Однако после того, как к осажденным подошло подкрепление с рудника «Юлия» в лице 10 коммунистов с пулеметом, они были вынуждены отступить.

18 июля Кулаков руководил налетом 45-50 повстанцев, в основном инородцев-подростков лет 18-23, вооруженных пулеметом «Шоша», на волостное село Аскиз. Имевшиеся там 11-12 милиционеров и красноармейцев сопротивления не оказали, из них двое были убиты, а остальные — разоружены. Ликвидировав чрезвычайного уполномоченного уездной продовольственной тройки Семенова и волостного милиционера Гаврилова, «банда» ограбила местную кооперативную лавку, представителя военной кооперации, закупувшего скот в обмен на товар для армии, и увезла в улус Сыры на 15-19 подводах товары, 7 тыс. аршин мануфактуры и 11 винтовок. Еще вечером 18-го в Аскиз прибыли 18 разведчиков-красноармейцев. Но утром 19-го повстанцы уже оставили село. Преследуемая 50 чоновцами, «банда» расстреляла четверых коммунистов и отбилась от погони.

На следующий день повстанцы во главе с Кулаковым заставили чоновцев оставить юрты Чиркова. Вынудив их отступать, повстанческий отряд 25 июля занял улус Средний Туим. Его гарнизон, состоявший из 9 красноармейцев под командованием Скрипченко, потеряв бойца, из-за малочисленности был вынужден отойти в улус Чолтыс таг, откуда, подкрепившись 16 красноармейцами, повел наступление на противника. Но «банды» на месте уже не оказалось.

Случалось, командный состав отрядов ЧОНа от такой активности повстанцев впадал в легкую панику. В сводках, поступающих в штаб, например, сообщалось о том, что, соединившись и будучи вооруженными винтовками, пашками и даже гранатами, повстанцы, возглавляемые Кулаковым и Мотыгой, действуя под российским трехцветным флагом, к августу распространили свое влияние на Синявинскую и Аскизскую волости. Располагая такими силами, повстанческие вожаки сумели захватить Кыштымковский ссыпной пункт [17, л. 12; л. 310-311, 349, 361; л. 19, 28; л. 226; л. 11, 32].

Между тем осуществленный военным, партийно-советским руководством Енисейской губернии комплекс мероприятий к осени 1922 г. все же переломил ситуацию в пользу Советской власти. В ответ на воззвание её местных органов, вновь обратившихся к повстанцам с предложением о добровольной сдаче, даже такой вожак, как Кулаков, испытывал колебания. Будучи в это время «командиром Горно-конного эскадрона», он приказал передать начальнику Саралинского отряда ЧОН Проклятикову письмо, в котором, протес-

туя против объявления повстанцев «бандитами», соглашался сдать под прочную гарантию сохранения ему жизни и просил оставить на свободе с целью организации сложения оружия другими отрядами [18, л. 53].

Вероятно, такое «лукавое» послание уже не могло изменить сложившуюся обстановку и изменить судьбу Кулакова. Находившиеся в его подчинении соловьевцы продолжали налеты и грабежи. 22 августа 1922 г. они в улусе Малые Ворота изъяли у проезжающего спекулянта 300 аршин мануфактуры и 5 лошадей, 28-го — посетили склад правления Ачинско-Минусинской железной дороги, где, после того как служащие и рабочие разбежались, расстреляли четверых коммунистов и конфисковали муку и мануфактуру [19, л. 18-19, 21; л. 1].

К этому времени «банды» Кулакова и Соловьева окончательно соединились. В общем отряде Кулаков находился в звании сотника, признавал авторитет Соловьева и к подчиненным, согласно чекистской информации, относился почему-то с грубостью. Его взвод развернулся в 1-й эскадрон четырех взводного состава. Отряд, состоявший из 80-100 человек, под командованием Кулакова захватил Абаканский (Абазинский) солеваренный завод. При этом происходили избиения рабочих и насилия над женщинами, а награбленное было вывезено на 30 подводах. 29 сентября эта же «банда» произвела налет на телеграфную партию (так тексте — А. Ш.), действующую в районе улуса Кобежиков Усть-Фыркальской волости [20, л. 47; л. 40; л. 77; л. 3; л. 50; л. 44].

При занятии чоновцами 7-8 ноября 1922 г. штаб-квартиры Соловьева у подножия горы Тигир тизи (Поднебесный Зуб) Кулаков сумел бежать. 6 декабря разведчики во главе с Начиновым из взвода Н. А. Спирина обнаружили 12 «бандитов» вблизи рудника «Улень». После перестрелки эта группа, бросив щубы и продукты, бежала к улусу Ало-Хулуй, где была встречена еще одним чоновским отрядом. Девять членов «банды», в т. ч. че-

тыре женщины, были вынуждены сдаться, но сам Кулаков, его жена и помощник Будужаков бежали в улус Подтазмин. Захватив лошадей и оставив раненую в перестрелке женщину, «бандиты» скрылись в лесу. Вскоре выяснилось, что Кулаков, будучи даже раненым в обе ноги, сдаваться не собирается. Подстрелив в очередной перестрелке двоих преследователей, он перебрался в район улуса Большой Спирин. Срочно вызванный с рудника «Улень», Спирин организовал облаву и в погоне за «бандитом» спешил его и ранил в руку. Окруженного в березняке Кулакова, вскоре переставшего отстреливаться, истребители обнаружили мертвым [21, л. 165, 253; л. 267; л. 151].

Следовательно, поведение хакасов не всегда было сугубо «мирным» и, случалось, принимало воинственную форму. В то же время современные авторы оказались, на наш взгляд, склонными к преувеличению масштабов их сопротивления. Краткий экскурс в прошлое свидетельствует о том, что повстанчество не отличалось широкой пространныйностью и организованностью, многочисленностью участников и наличием каких-либо реальных политических лозунгов. Локальные и разрозненные формы борьбы, будучи ответной реакцией русских крестьян и инородцев на государственную политику военного коммунизма, еще более усугубляли положение мирного населения. Показанная здесь для наглядности хроника деятельности одной из «банд» рассказывает о хаосе передвижений, небольших и коротких схватках и сочетаниях в ней поступков, носивших антикоммунистический и уголовный характер.

Исходя из этого, можно сказать, что нынешние историки и писатели, создавая благостный облик героев крестьянского сопротивления или красных командиров, не основанный на широком использовании архивных документов, тем самым совершают очередную политизацию истории народной трагедии, выводы которой легко можно опровергнуть.

Библиографический список

- Шекшеев, А. П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные / А. П. Шекшеев. — Абакан, 2006; он же. «Политический бандитизм» енисейского крестьянства и его вожди // Вестник Хакасского технического института — филиала Красноярского государственного университета. — № 11. — Абакан, 2001; он же. И. Н. Соловьев и повстанчество на юге Енисейской губернии (1920-1924 гг.) // Вестник Новосибирского государственного университета. — Серия: история, филология. — Т. 2. — Вып. II. История. — Новосибирск, 2003; он же. «Мы в родной тайге, Соловьев, с тобой...» // Белая гвардия. Казачество России в Белом движении. Альманах. — 2005. — № 8; он же. Крестьянское повстанчество на Енисее (1918-1932 гг.) // Вопросы истории. — 2006. — № 2; он же. Хасхылар: протестное поведение хакасов (конец 1919 — начало 1930-х гг.) // Российская история. — 2009. — № 2; он же. Крестьянское повстанчество на территории Приенисейской Сибири в начале 1920-х гг. // 1920 год в судьбах России и мира: апофеоз Гражданской войны в России и ее последствий на международные отношения: Сб. мат-в международ. науч. конф. — Архангельск, 2010.
- Алешкин, П. Ф. Типологическая общность крестьянского протестного движения в России в 1918-1922 гг. / П. Ф. Алешкин // Власть. — 2011. — 11; он же. Крестьянское протестное движение в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918-1922 гг.): Автореф. дис.... докт. ист. наук. — М., 2012. Пет
- Зарубин, А. Г., Зарубин В. Г. Об определении «Гражданская война» / А. Г. Зарубин, В. Г. Зарубина // История белой Сибири: Мат-лы VII Международ. науч. конф. Кемерово, 28-29 сент. 2009 г. — Кемерово, 2009.
- Бровкин, В. Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы / В. Н. Бровкин // Вопросы истории. — 1994. — № 5.
- Жуков, Ю. Н. Гражданская война в России как широкомасштабный межнациональный конфликт / Ю. Н. Жуков // 1919 год в судьбах России и мира: широкомасштабная Гражданская война и интервенция в России, зарождение новой системы международных отношений: Сб. мат-в науч. конф. — Архангельск, 2009.
- Камов, Б. Н. Аркадий Гайдар. Мишень для газетных киллеров. Спецрасследование / Б. Н. Камов. — М., 2009.
- Муниципальное учреждение «Архив г. Минусинска» (МУАГМ). Ф. 8. Оп. 1. Д. 15. Л. 40; Д. 119. Л. 23; Д. 120.

8. Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИ КК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 170.
9. МУАГМ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 128; Ф. 25. Оп. 1. Д. 304 а; ЦХИДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 273.
10. ЦХИДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 480.
11. Архивное агентство администрации Красноярского края (ААА КК). Ф. 1743 с. Оп. 1. Д. 562; Д. 721; Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 302. Оп. 1. Д. 493; Д. 687.
12. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 262.
13. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 687; МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 237; Д. 334.
14. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 385; Д. 410; Д. 434; Д. 495; Д. 496; ЦХИДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 141; МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 490.
15. ГАО. Ф. П. -1. Оп. 2. Д. 275.
16. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 385; Д. 410; Д. 497; МУАГМ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 166; Ф. 25. Оп. 1. Д. 490; Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1317. Оп. 2. Д. 741.
17. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 490; Ф. 8. Оп. 1. Д. 166; ГАО. - Ф. 302. Оп. 1. Д. 396; Д. 410; Д. 429. 18. ГАО. Ф. 302. - Оп. 1. Д. 369. Л. 53.
19. МУАГМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 490; Ф. 191. Оп. 1. Д. 38.
20. Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 367; Д. 492; Ф. 191. Оп. 1. Д. 38; ААА КК. Ф. Р. — 12. Оп. 3 с. Д. 4; ГАО. Ф. 302. - Оп. 1. Д. 481; Д. 493.
21. ГАО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 325; Д. 391; Д. 418.

Республиканская организация «Мемориал», г. Абакан, Республика Хакассия
Получено 13.02.13

A. P. Shekshejv

ON TYPOLOGICALLY COMMUNITIES AND REGIONAL SPECIFICITY PEASANT REBELLION EARLY 1920S

Work illuminates the controversial appearance of the peasant and indigenous insurgency, the chaos, the tragedy of the people's struggle and by the example of one of the existing then «bands» shows that it was not only anti-Communist character.

**raiders, armed struggle, foreigners, communists, peasants, robberies,
shootings, the rebels, tips, special forces**

УДК 94

О. Н. Шмаков

АГРАРНЫЙ КУРС ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ИСТОКИ СПОРНЫХ ОЦЕНОК

Работа посвящена историографическому обзору и анализу причин и последствий столыпинской аграрной реформы в отечественной историографии
реформа, община, кооперация, Столыпин

Как известно, в отечественной историографии аграрная реформа П. А. Столыпина все еще продолжает подвергаться противоположным оценкам. При обсуждении в Государственной Думе новое аграрное законодательство испытало острую критику практически со всех сторон. Отметим, что в лагерь противников реформы попали не только представители различных политических партий, но и видные ученые-аграрники того времени: Н. П. Огановский, А. В. Чайанов, Н. Д. Кондратьев. Не отрицая положительного влияния столыпинских преобразований на сельское хозяйство, специалисты по аграрному вопросу объясняли наступивший в предвоенные годы подъем отечественного сельскохозяйственного производства и другими, не менее важными факторами: отменой выкупных платежей, благоприятными климатическими условиями (урожайными годами, кроме 1911 г.), развитием кооперативных форм деятельности и благоприятной рыночной конъюнктурой, как внутророссийской, так и мировой.

В годы «перестройки», когда бурно обсуждались пути модернизации нашего аграрного сектора (сохранить и реформировать коллективные или создать фермерские хозяйства), мнения сторон так же разделились. В сущности, повторилось то же самое, но решать проблему следовало с учетом уже иных экономических (более или менее индус-

триальных) условий. Публицисты и отдельные политики давали прямо восторженную оценку реформе П. А. Столыпина и лично ее реформатору (вероятно источником такого подхода послужил роман А. И. Солженицына «Август 14-го») [1].

Профессиональные историки, опираясь на выводы дореволюционных ученых-экономистов, предлагали более трезво взглянуть на вещи и доказывали следующее — реформа потерпела крах еще до начала Первой мировой войны, аграрные проблемы в стране не решила, хотя и способствовала капиталистическому развитию страны [2]. В любой науке существование альтернативных точек зрения по одному и тому же вопросу — вещь естественная, поэтому мы предлагаем еще раз осветить дискуссионные моменты, связанные с оценкой столыпинских аграрных преобразований. Более того, с учетом реального экономического положения аграрного сектора современной России, проблема товарности сельского хозяйства продолжает иметь и важное практическое значение.

О причинах реформы. В советской исторической науке главным событием, которое заставило правительство изменить традиционный аграрный курс, принято считать первую русскую революцию, то есть в данном случае на первое место выступают социально-политические мотивы. Действительно, когда в доме начинается пожар,

человек меньше всего думает о его причинах и старается спасти свою жизнь. Но нужно учитывать и кризисное состояние аграрного сектора на рубеже веков, причины которого отражены в материалах «Особых совещаний о нуждах сельского хозяйства» под председательством С. Ю. Витте — крестьянское малоземелье и общинное землепользование. П. А. Столыпину эти выводы были хорошо известны, и, обладая серьезными административными ресурсами (пост «премьер-министра» и МВД) реформатор сделал то, что уже было проанализировано и рекомендовано до него: разрешить крестьянам свободный выход из общины, активизировать переселение на окраины и расширить продажу земель через Крестьянский банк. Тем не менее, царский манифест 1904 г. оставил общинный строй в неприкосновенности.

Действительно, революционные события еще раз подтвердили существование как минимум двух основных и взаимосвязанных между собою проблем. С одной стороны — реальные аграрные противоречия между помещиками и всем крестьянством, с другой — наличие социально-экономических разногласий внутри общины и корректировки аграрной политики правительства по отношению, как нам представляется, ко всем группам крестьянского населения. При этом необходимо было решать и другую, не менее важную задачу — повышение товарности сельскохозяйственного производства. Вероятно, ответ на данную методологическую проблему заключается в признании обеих причин и установлении их хронологической соподчиненности.

Цели реформы. Хотел ли П. А. Столыпин разрушить общину? Его современники считали, что да. В советской научной и учебной литературе сложился такой же вывод — главной задачей реформы являлось разрушение общины и создание для царизма новой социальной опоры в лице зажиточного крестьянства. Между тем указ 9 ноября 1906 г. носил рекомендательный характер, а вопрос о выходе решался на сельском сходе. В думских выступлениях П. А. Столыпина по аграрному вопросу нет прямых указаний о разрушении общины. Речь шла о создании индивидуальных хозяйств на личном праве, которые в конечном счете докажут свои преимущества перед общинными, и тем самым «спровоцируют» оставшееся в рамках общины крестьянство на организацию хуторов и отрубов [3].

В столыпинском циркуляре «О роли земских начальников в проведении закона 14 июня 1910 г.» сказано следующее: «...Вместе с тем необходимо иметь в виду, что в землеустроительных начинаниях правительства укрепление наделной земли в личную собственность является лишь переходной ступенью, конечная цель их заключается в устранении чрезземельности и других недостатков существующего землепользования... Руководящими началами должны служить при этом: строго справедливое и внимательное отношение к интересам как выделяющихся, так и сельского общества, стремление склонять стороны к миру и приводить их к добровольным соглашениям...» [4].

Профессор МПГУ В. Г. Тюкавкин давал следующую оценку аграрному курсу: «Столыпинская

реформа отнюдь не сводилась к разгрому крестьянской общины, как часто представляют. Реформа включала большой комплекс преобразований, главными из которых были введение свободного выхода из общины и переселения на окраины» [5]. Таким образом, официально о «разрушении общины» не говорилось, но все же благополучное завершение реформы привело бы если не к полной, то частичной ее ликвидации.

Эффективность реформы. Для советских историков главным доказательством провала реформы служил незначительный выход крестьян из общины и, главное, малое количество дворов, перешедших на хутора и отруба. По данным Е. А. Луцкого из общин вышли около 2,5 млн. домохозяев или 24% всех общинных дворов (по данным В. Г. Тюкавкина — 26%). Общее число хуторов и отрубов, в том числе созданных на землях казны и Крестьянского банка составило 10,6% от числа всех (!) крестьянских хозяйств, учтенных переписью 1916 г. [6]. То есть с вычетом подворных хозяйств реальное количество отрубников и хуторян в данном случае оказывается еще меньше.

К сожалению, сведения об экономической эффективности «фермерских» хозяйств (доля в валовом сборе зерна и производстве товарного хлеба) в учебной и профессиональной исторической литературе обнаружить не удалось. Довольно парадоксальный вывод по итогам реформирования сделали уральские дореволюционные кооперативные круги. В частности, С. Тарин в статье «Где трудно дышится...Игра в хутора и поход на общину (восьмилетние итоги)» пишет, что реформа позволила избавиться сельским обществам от «ненужных элементов» и привела к укреплению общины, то есть вызвала обратный эффект. С другой стороны количество хуторов оказалось небольшим — всего 18% (автор опирается на отчеты Крестьянского банка за 1906—1910 гг.). Более того, при отсутствии государственной помощи крепких частных хозяйств в деревне создать не удалось, поэтому появились одни «земельные инвалиды» [7].

Профессор МПГУ Э. М. Щагин, автор многочисленных статей, монографий и учебных пособий по истории России XX в., предлагает по-новому оценить сущность и итоги столыпинского переустройства деревни. По его мнению, правительство П. А. Столыпина не преследовало цель разрушить общину и в ходе проведения реформы ее задачи изменились. Если на первых порах (1907—1910 гг.) в центре внимания был выход крестьян из общины и закрепление наделов в собственность, то далее, в 1911—1914 гг., наиболее важными оказались проблемы землеустройства как «выходцев», так и общинников, а также селений с подворным типом землевладения [8]. Далее, используя результаты обследования хозяйств на бывшей наделной, банковской и казенной земле, проведенного ГУЗиЗом в 1913 г., автор доказывает, что абсолютное большинство крестьянских дворов благодаря землеустройству добились значительных экономических сдвигов. Урожайность хлебов в таких хозяйствах в 1912—1913 гг. по

всем видам культур оказалась выше, чем в сельских обществах и нередко превосходила частновладельческие. Таким образом, с точки зрения автора хозяйственный эффект реформы обнаружился в предвоенные годы и именно Первая мировая война вынудила правительство «резко ограничить мероприятия реформы тогда, когда общество стало ощущать первые плоды...» [9].

О роли Крестьянского банка. Проанализировав социально-экономический состав крестьянства, Э. М. Щагин приходит к выводу о том, что главными покупателями земли являлись малоимущие, а также средние слои деревни (83,4%), которые благодаря реформе смогли существенно улучшить свое хозяйственное положение. С другой стороны имел место процесс «еще более быстрого увеличения... удельного веса хорошо обеспеченных земель крестьян, получивших возможность перестраивать свое хозяйство на предпринимательских началах...» [10]. Автор также не разделяет сложившееся мнение о том, что реформа сопровождалась разорением и пролетаризацией основной массы крестьянства. Далее Э. М. Щагин доказывает следующее: количество вернувшихся переселенцев, а эти данные в советской историографии непродуманной переселенческой политики, явно завышено (с 16,2 до 27,2%). Историки приводят суммарные данные, но при этом не учитывают мотивацию, поэтому в категорию «обратников» попали ходоки, сезонные рабочие и просто случайные люди [11].

Внешнеполитический резонанс. Группа немецких ученых-аграрников, посетивших Россию в 1911—1912 гг. во главе с профессором О. Аухагеном высоко оценила результаты реформы и вы-

несла свой «вердикт»: если аграрные преобразования в России благополучно завершатся, то война с ней «будет не под силу никакой другой державе» [12]. Исходя из этого, ряд историков, в том числе и Э. М. Щагин делают следующий вывод: успех реформы сильно встревожил германское правительство, что возможно повлияло и на сроки развязывания Первой мировой войны. В этой связи следует упомянуть версию историка Д. Жукова, более мифологическую, чем реальную, но, все же, версию, связанную с убийством П. А. Столыпина: чтобы сохранить за США лидирующее экономическое положение и ослабить нашу империю, на Уолл-стрите было решено устранить «носителя идеи сильной России» [13].

Таким образом, причины полярных оценок реформы кроются, прежде всего, в определении ее целей. Своего уточнения требуют количество реально созданных хуторов и отрубков и сведения об их хозяйственной эффективности. Действительно ли можно было решить проблему, не отчуждая помещичьего землевладения, только за счет казенных, удельных и банковских земель? Советские историки считают, что нет. По известному выражению В. И. Ленина реформа оказалась «последним клапаном», то есть последней возможностью решить аграрный вопрос за счет самого крестьянства и «выпустить пар» накопившегося крестьянского недовольства.

Безусловно, расчеты П. А. Столыпина на выход домохозяев строились не на пустом месте, но основная часть крестьян из общин не вышла. Община оказалась весьма «живучей» и ее пришлось ликвидировать декретом Советской власти в 1929 г.

Библиографический список

1. См. напр.: Дьяков И. Забытый исполин // Наш современник. 1990. № 3, а также статьи. Шипунова Ф., Румянцева М. и др.
2. См. напр.: Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России. 1907—1914 гг. М., 1992. С. 227, а также работы Анфимова А. М., Данилова В. П., Ковальченко И. Д.
3. См. напр.: Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия / Полн. собр. речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906—1911 гг. М., 1991. С. 93.
4. Практикум по истории СССР. Россия в период империализма (1900-1917). М., 1971. С. 178.
5. Хрестоматия по истории СССР. 1861—1917. Под ред. В. Г. Тюкавкина. М., 1990. С. 335.
6. Луцкий Е. А. История России. 1861—1917. Пособие для учителей. Под ред. акад. А. М. Панкратовой. М., 1956. С. 271.
7. Уральский кооператор. 1913. № 22-23. С. 7-13.
8. Щагин Э. М. Очерки истории России, ее историографии и источниковедения (конец XIX—середина XX вв. М., 2008 г. С. 541.
9. Там же. С. 558.
10. Там же. С. 545-546.
11. Там же. С. 149.
12. Кривошеин К. А. Александр Васильевич Кривошеин. - Судьба российского реформатора. М., 1993. С. 111.
13. Шульгин В. В. Дни. 1920 г. М., 1980. С. 23.

Челябинский государственный педагогический университет, г. Челябинск
Получено 20.03.13

O. N. Shmakov

THE AGRARIAN EXCHANGE RATE OF THE GOVERNMENT OF RUSSIA IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY: THE ORIGINS OF THE DISPUTED ASSESSMENTS

The work is devoted to the historiographic review and analysis of the causes and consequences of Stolypin's agrarian reforms in the national historiography.

reform, community, cooperation, Stolypin

УДК 94(574)

Н. Н. Южакова

НАУКА КАЗАХСТАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

На основе статистических и литературных данных анализируется состояние промышленности, науки и образования Казахстана в 30-40-е годы XX века и его вклад в оборону страны. Оценивается роль ведущих советских ученых в развитии промышленности и исследовании природных ресурсов этого региона.

Академия наук КазССР, Джездинский рудник, Джезказганское месторождение меди, Казахский филиал АН СССР, Карагандинский угольный бассейн

В научной и публицистической литературе, посвященной военной тематике, хорошо изучены события войны, ее герои. В последние десятилетия исследователи проявляют большой интерес к труженикам тыла, тем, кто стоял у станка и работал в поле.

Не меньший вклад в победу внесли те люди, которые работали далеко в тылу за письменным столом, но чей вклад в победу не менее значителен, чем подвиг фронтовиков, ибо они в прямом смысле слова, ковали оружие Победы. В статье освещаются некоторые аспекты деятельности научной интеллигенции Казахстана в годы Великой отечественной войны.

В годы Великой Отечественной войны началась перестройка народного хозяйства Казахстана применительно к нуждам фронта. В связи с потребностями военного времени, уже в первые недели войны началось перераспределение рабочей силы и материальных ресурсов, перебазирование военной и гражданской промышленности и основных фондов сельского хозяйства из прифронтовой зоны в восточные регионы, эвакуации подлежали также рабочие и служащие промышленных предприятий и члены их семей.

Уже в первые недели войны началось перераспределение рабочей силы и материальных ресурсов, перебазирование военной и гражданской промышленности и основных фондов сельского хозяйства из прифронтовой зоны в восточные регионы. В течение четырех первых месяцев войны с июля по ноябрь 1941 г. с запада на восток были перемещены не только отдельные предприятия, но и целые отрасли промышленности.

За это время из прифронтовой зоны было вывезено оборудование практически всех заводов танковой, моторостроительной, авиационной и других отраслей военной промышленности. В это же время было эвакуировано оборудование более 1360 крупных предприятий: из них 93 предприятия черной металлургии, 150 машиностроительных заводов, 40 заводов электротехнической промышленности [2, с. 114].

Вместе с предприятиями и научно-исследовательскими учреждениями эвакуировался и основной кадровый потенциал: ученые, специалисты, ведущие сотрудники. Изменились характер и тематика исследований, приоритеты научно-исследовательской работы определялись исключительно потребностями фронта. Это определяло финансирование научных исследований.

В связи с тем, что на первом этапе войны в руках врага оказались регионы, богатые полез-

ными ископаемыми, перед наукой и научными учреждениями была поставлена задача: в кратчайшие сроки изучить и дать рекомендации по использованию ресурсов востока страны.

29 августа 1941 г. была создана Комплексная комиссия по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны, возглавляемая академиком В. А. Комаровым. Затем она приступила к изучению возможностей Сибири и Казахстана [2, с. 65]. В комиссии Комарова активно работали академики В. А. Обручев, Л. Д. Шевяков, И. П. Бардин и другие; всего было привлечено более 600 человек из 60 научных организаций. Предложенный комиссией план максимального использования ресурсов востока страны позволил в короткий срок развернуть в широких масштабах оборонное производство.

В этих условиях трудно переоценить научный подвиг директора Института геологических наук, первого казахстанского геолога К. И. Сатпаева, благодаря исследованиям и организационному таланту которого в строй действующих вошло богатейшее Улутау-Джезказганское месторождение меди буквально накануне Великой отечественной войны.

История этого открытия заслуживает особого внимания, она представляет собой научный подвиг выдающегося казахстанского ученого.

В ведении Атбасарского треста цветных металлов, куда на должность начальника геологического отдела в 1926 году был направлен молодой горный инженер Каныш Сатпаев, находилось старое месторождение и недостроенный медеплавильный завод в посёлке Карсакпай, построенный англичанами. После Февральской революции все работы были приостановлены. Сатпаев, как главный геолог треста, ознакомился с материалами и пришел к выводу, что в районе Джезказгана имеются огромные запасы меди, которые прежде не были обнаружены.

Несмотря на сопротивление руководства экспертов Геолкома, которые считали регион бесперспективным и настаивали на свертывании работ, Каныш Имантаевич добился выделения оборудования и начал самостоятельное исследование местности на наличие металла. Уже через год после начала работ он обнаружил крупный пласт руды мощностью более десяти метров.

Проведенный анализ показал, что это был прежде неизвестный пласт руды с богатым содержанием меди.

Сатпаев публикует в журнале «Народное хозяйство Казахстана» статью, в которой опреде-

ляет Джекказганское месторождение меди как одно из богатейших в мире. Исходя из этого, он делает вывод о необходимости дополнительных ассигнований на строительство завода, так как Карсакапский завод не осилит объём добытой в Джекказгане руды [1, с. 71].

Государственное мышление молодого ученого проявилось в том, что для разработки богатейшего месторождения он сразу предлагает необходимую инфраструктуру: водохранилище и ширококолейную железную дорогу. С этими предложениями он регулярно обращается в вышестоящие органы, выступает в печати и предлагает внести регион в пятилетний план развития СССР.

Борьба К. И. Сатпаева за джекказганское месторождение меди длится почти десять лет. Не получив поддержки в тресте и Геолкоме, несмотря на несогласие с его идеями таких крупных специалистов как И. С. Яговкин, В. К. Котульский, А. А. Гапеев ученый обращается в ВСНХ и в самую высшую инстанцию — к председателю Госплана СССР Г. М. Кржижановскому, где обосновывает свои предложения. После этого на разведку Джекказгана выделяется дополнительная сумма денег, буровая техника и кадры.

В последующие два года объём исследовательских работ увеличивается, и в этих условиях Каныш Имантаевич проявляет свои недюжинные организаторские и хозяйственные способности. Он договаривается о проведении в текущем 1933 году гидрогеологических исследований региона, ищет дополнительные источники финансирования, прибегает к помощи известных ученых: М. А. Усова, своего учителя и друга, и профессора В. А. Ванюкова. С их помощью К. И. Сатпаев делает доклад в Академии наук СССР и доказывает обоснованность сделанных им выводов о запасах медной руды в Джекказганском месторождении.

Благодаря настойчивости ученого третья сессия АН СССР в 1934 году поднимает вопрос о необходимости строительства медеплавильного комбината в Джекказгане и поддерживает предложение Сатпаева о строительстве железнодорожной линии Джекказган — Караганда — Балхаш. После того, как Каныш Имантаевич обосновал свои предложения перед наркомом тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе, в регионе начались широкие исследовательские работы и запланировано строительство медеплавильного комбината. К 1940 году в Джекказгане также было построено Досмурзинское водохранилище и железная дорога, соединяющая Джекказган, Караганду и Балхаш.

За открытие Улутау-Джекказганского месторождения Каныш Сатпаев в 1940 году был удостоен высшей награды страны — ордена Ленина.

Основные направления научных исследований, проводимых Академией наук, определялись потребностями фронта и касались разведки и добычи полезных ископаемых, совершенствования технологии производства в черной и цветной металлургии, электроэнергетики и других важных тем. Выбор тем определялся насущными народнохозяйственными задачами. Всего было запланировано провести научно-исследовательских работ на сумму около 500 тысяч рублей. Из них к 1

октября 1942 года было выполнено заказов на сумму 200 тысяч рублей, во многом благодаря деятельности КазФАН СССР и возглавляемому Сатпаевым институтом геологических наук, который стал центром развития геологической науки в республике [4, с. 116].

Черная металлургия в годы войны стала основной базой обеспечивающей промышленность металлом для производства боевой техники, вооружения и боеприпасов. Это потребовало в некоторых случаях изменения технологического процесса. Здесь наиболее полно проявился союз науки с производством. Особенно важную роль в налаживании оборонной промышленности и повышении эффективности ее отдельных отраслей сыграла научно-техническая интеллигенция, так как любым технологическим усовершенствованиям должна была предшествовать напряженная исследовательская и инженерная работа.

В связи с потерей Донбасса и вторжением гитлеровцев на Северный Кавказ, Казахстан превратился в металлургический центр страны: Карагандинский угольный бассейн, нефтепромыслы Эмбы и цветная металлургия Казахстана приобретают Всесоюзное стратегическое значение.

В эти годы К. И. Сатпаев вновь проявляет государственное мышление и талант организатора. Ему принадлежит открытие важнейшего стратегического значения.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны, в августе 1941 года, фашистами был захвачен Никополь, основное месторождение марганца в Советском Союзе. В конце ноября того же года был перерезан железнодорожный путь к Чиатурскому месторождению, второму по значимости после Никополя. Это практически полностью остановило добычу марганца в СССР, так как эти два месторождения давали 91,6 процента марганцевой руды Советского Союза, являющейся стратегическим сырьем при производстве бронированной стали.

Следы марганцевых проявлений в Джекды, что в Джекказганской области были известны К. Сатпаеву ещё по 1928 году. Летом 1941 года он организовал дополнительные исследования местности на наличие марганца. В кратчайшие сроки были составлены предварительные расчёты и отправлены в Наркомат чёрной металлургии. Комиссия наркомата чёрной металлургии прибывшая в Джекды осенью 1941 года пришла к выводу о необходимости дополнительной разведки [1, с. 254].

Тем не менее, по настоянию Каныша Имантаевича вопрос об открытии рудника был поднят в ЦК КП(б) Казахстана. Уже весной 1942 года на основании решения ГКО началось строительство рудника, а в июне 1942 года Джекдинский рудник начал давать марганец. К 1943 году рудник выдавал 70,9% марганцевых руд страны.

На востоке Казахстана большую помощь предприятиям Рудного Алтая в изучении и использовании природных ресурсов оказал научно-технический совет, созданный при Госплане Каз. ССР. Геологической секцией этого совета, возглавляемой К. И. Сатпаевым, было составлено детальное технико-экономическое обоснование строительства завода по переработке сланцев в Зайсанском районе.

Горнометаллургическая секция научно-технического совета, куда входили профессор, доктор наук Х. Г. Аветисян, профессор А. С. Гескин и другие разработали обоснование строительства в Лениногорске промышленной установки по производству карбида кальция.

Значительную помощь в повышении эффективности производства казахстанским ученым и инженерам оказали ученые АН СССР. Осенью 1942 года в область прибыла специальная комиссия. В ее состав вошли одиннадцать высококвалифицированных специалистов: доктор технических наук, профессор В. И. Смирнов, доктор геолого-минералогических наук К. И. Пожарский, профессор И. Н. Плаксин, К. М. Черквиани, доцент М. И. Агошкин.

Приток научных кадров из центра страны значительно активизировал и другие сферы научной жизни Казахстана; возобновились исследования по гуманитарной проблематике, был сделан прорыв в развитии медицинской науки, как теоретической, так и прикладной.

Уже в августе 1941 г. началось изучение потребностей народного хозяйства и обороны в научных исследованиях самого крупного научного коллектива Казахстана КазГУ. Среди заказчиков КазГУ в этот период были Госплан, Наркомтяжпром Каратауский фосфоритный завод, Лениногорский полиметаллический комбинат, Балхашский медеплавильный завод, Чимкентский свинцовый комбинат.

В план научно-исследовательской работы на 1941-1942 гг. включена 31 тема, из них 20 тем имеют непосредственное оборонное значение, в 1943 г. запланированы 74 темы, на 1944 год — 73 темы, большая часть которых была государственными или непосредственными производственными заказами. За годы войны работниками университета создано более 200 научно — исследовательских работ, имеющих оборонное значение.

Повышению качества работы способствовало пребывание в университете ведущих ученых из Москвы, Ленинграда и других научных центров страны. Среди них работали академики И. И. Мещанинов и В. А. Фесенков, члены-корреспонденты А. М. Панкратова, В. А. Догель, Г. А. Тихов. С учеными Казахстана в эти годы сотрудничали ведущие ученые СССР: В. И. Вернадский, Л. С. Берг, Н. Ф. Гамалея, Л. М. Мандельштам, А. М. Панкратова, С. Г. Струмилин и другие.

В годы войны Казахстан стал важнейшей базой страны по производству цветных металлов для нужд оборонной промышленности. Поэтому расширение сырьевой базы, совершенствование технологических процессов, увеличение производства цветных металлов выдвигались на первый план в работе университета.

В этом направлении развернули работу сотрудники кафедр и лабораторий физико-математического и химического факультетов. Кафедра общей физики под руководством В. Ф. Литвинова разработала методику спектрографического и рентгеновского анализа руд и минералов в производственных условиях. Для проведения различных анализов были созданы лаборатории фотореаген-

тов, лаборатория производственных анализов, которая к концу 1944 года произвела около 50 тыс. анализов и освоила за полгода 29 тысяч рублей [3, с. 114].

Над проблемами, связанными с производством цветных металлов работали и другие кафедры университета. Профессор Стендер и доцент Сергеева проводили эксперименты по разработке нового метода выщелачивания медных руд. Работы по химическому анализу руд Зырянской и Лениногорской геологоразведочных партий проводились кафедрой аналитической химии под руководством доцента, впоследствии академика АН Каз. ССР М. Т. Козловского.

Научная и производственная деятельность А. Б. Бектурова и Б. А. Беремжанова и коллектива кафедры неорганической химии была связана с изучением термофосфатов из каратауских фосфоритов. Без применения дефицитных и дорогостоящих реагентов были получены термофосфаты, по качеству не уступающие знаменитым хибинским апатитам.

Подтверждением высокого научного потенциала казахстанских ученых стали не только государственные награды и признание научной общественности, но и значительный количественный и качественный рост научных кадров, формирование целых научных школ.

В 1941 году, когда К. И. Сатпаев был назначен исполняющим обязанности председателя Президиума Казахского филиала АН СССР, КазФАН включал в себя 100 научных сотрудников, включая 14 кандидатов и три доктора наук. Уже к 1946 году существовало 24 научно-исследовательских института с филиалами (по другим данным — 29), 18 опытных станций (по другим данным — 7), 28 других научных учреждений, где работали более 2800 (по другим данным — 1400) сотрудников, в числе которых 83 (по другим данным — 57) докторов и 486 (по другим данным — 184) кандидатов наук [5, с. 472]. (Разночтения в данных могут быть вызваны разной системой подсчета, например, статус сотрудников — эвакуированные сотрудники, работающие на вакантных должностях в казахстанских научных структурах; во-вторых, данные о кандидатах и докторах могут быть зафиксированы на начало календарного и на начало учебного года.)

Всего через пять лет, в 1946 году филиал стал Академией наук Казахской ССР. Официальная церемония открытия Академии наук КазССР состоялась 1 июня 1946 года в здании театра оперы и балета им. Абая. 3 июня, на первом общем собрании Академии Каныш Сатпаев был избран её академиком и президентом.

В эти годы расширилась сеть научных учреждений Казахского филиала АН СССР. Ведущие вузы Казахстана в тяжелых условиях войны сохранили свой научный потенциал и обеспечивали достаточно высокое, довоенное качество образования. В КазГУ продолжалась подготовка научных кадров через аспирантуру; в начале войны в аспирантуре обучалось 11 человек, а к концу войны — 33 человека, большинство — представители коренной национальности. За 1944-45 учеб-

ный год было защищено 5 докторских и 20 кандидатских диссертаций.

Для сохранения потенциала научных и научно-производственных кадров в годы войны Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 года освобождал от мобилизации на фронт учащихся высших и средних специальных учебных заведений. Сохранял свое значение в суровых условиях военного времени основной метод подготовки кадров — через систему высшего специального образования.

По сравнению с мирным временем выпуск из высших учебных заведений сократился незначительно. За годы войны выпуск специалистов составил 842 тыс. человек, в том числе, из вузов 302 тыс., в то время как за 3 года третьей пятилетки выпуск составил 1 006 тыс. человек, из вузов — 328 тыс. [5,52] Перестройка работы вузов на военный лад сводилась к ускоренному 3-летнему сроку обучения, увеличилась учебная нагрузка с 6 до 8 часов в день. В учебные планы были включены военные дисциплины, каждый студент получал оборонную специальность.

Для сохранения потенциала научно-технических кадров в годы войны, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 года освобождал от мобилизации на фронт учащихся высших и средних специальных учебных заведе-

ний. В суровых условиях военного времени сохранял свое значение основной метод подготовки инженерных кадров — через систему высшего специального образования.

Достаточно стабильно работали вузы, находящиеся в эвакуации. Московский энергетический институт, эвакуированный в г. Лениногорск Восточно-Казахстанской области, был размещен в здании горнометаллургического техникума. На трех факультетах этого института обучалось около тысячи студентов по 18 специальностям. Были развернуты 12 лабораторий, 5 кабинетов и библиотека. На 30 кафедрах работали 76 преподавателей, в том числе 22 профессора, 41 доцент и старший преподаватель. [6,96]

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны основным требованием времени было сохранение полноценного кадрового потенциала, способного не только сохранить довоенные темпы производства, но и обеспечить расширенное воспроизводство продукции стратегического характера. Такое же, если не большее, значение приобрели научные исследования стратегического характера. Использование новых технологий в добывающей промышленности, металлургии, машиностроении, химической промышленности было не просто благим пожеланием, а реальным вкладом в победу.

Библиографический список

1. Сарсекеев М. Жизнь замечательных людей, Сатпаев. — М., 1980. 319 с. 2. Советский тыл в годы Великой Отечественной войны. — М., 1986. 3. Народное хозяйство Казахстана / Стат. сб. — Алма-Ата, 1957. — 536 с. 4. Савельев В. М. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. — М., 1981.	5. Народное хозяйство Казахстана / Стат. сб. — Алма-Ата, 1957. — 536 с. 6. Казахстан за 40 лет: Стат. сб. — Алма-Ата: Госстатиздат, 1960. — 524 с. 7. Живая память истории. — Алматы, 1992.

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск (Республика Казахстан)
Получено: 20.01.13

N.N. Yuzhakova

SCIENCE OF KAZAKHSTAN IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

On the basis of statistical data in the literature and analyzes the state Industry, Science and Education of Kazakhstan in the 30-40s of XX century and its contribution to the defense of the country. Evaluate the role of leading Soviet scientists in industry and research of natural resources in the region.

The Academy of Sciences of the Kazakh SSR, Dzhezdinsky mine Dzhezkazgan copper deposit, Kazakh branch of the Academy of Sciences of the USSR, the Karaganda coal basin

РЕЦЕНЗИЯ

Рецензия на журнал «Мир Евразии»

В современный исторический период, когда эпицентр мировой политики и экономики уверенно перемещается из Евро-Атлантического в Азиатско-Тихоокеанский регион, возрастает интерес государства и общества к вопросам, связанным с различными аспектами истории и культуры Центральной и Восточной Азии. Для Сибири с ее уникальным опытом взаимодействия народов и культур характерен возрастающий интерес ученых и обычных граждан к прошлому региона. Для власти это дополнительная возможность использовать исторический опыт для выстраивания перспективных корректных отношений с различными слоями общества внутри страны и учета культурных особенностей наших соседей.

В связи с этим, немаловажно доведение до общества результатов исследований евразийского историко-культурного пространства. Одной из таких, на наш взгляд, небезуспешных, попыток, является учреждение и издание профессором Н. С. Модоровым в Горно-Алтайске журнала «Мир Евразии». Цель журнала, обозначенная выше, реализуется через решение целого ряда теоретических задач, включая: научное осмысление истории международных отношений; проблемы реализации внутриполитического курса России в разные исторические периоды; изучение коренных культурных особенностей народов региона, межэтнических связей; выявление экономических особенностей и путей решения возникающих проблем; изучение истории духовной культуры.

Участие в научном редакционном совете журнала известных представителей отечественной исторической науки, а также зарубежных ученых, свидетельствует о большом интересе специалистов к решению обозначенных задач. При этом одним из принципов подготовки издания, которых добивается редакционная коллегия, является достоверность материалов и компетентность специалистов. Большая заслуга в том, что журнал увидел свет, безусловно, принадлежит его главному редактору и идейному вдохновителю Николаю Семеновичу Модорову. За короткий срок журнал «Мир Евразии» сумел уверенно войти в ряд известных научных изданий Сибири, и приобрел свою читательскую аудиторию. Сумел он также добиться и широты охвата публикуемых на его страницах материалов.

В преддверии 5-летнего юбилея журнала «Мир Евразии» хочется пожелать Николаю Семёновичу и коллективу редакционной коллегии новых творческих идей, вдохновения, а 10-летие издания отметить в маститой когорте рецензируемых журналов из списка рекомендованных ВАК РФ!

В. Г. Дацышен, Т. Ш. Уметбаев

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Адлыкова Анастасия Павловна, кандидат ист. наук, доцент, Горно-Алтайский государственный университет (ГАГУ), г. Горно-Алтайск.

Алейников Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Алтайская государственная академия образования (АГАО) им. В. М. Шукшина, г. Бийск.

Антонова И. В., Сибирский Федеральный университет (СФУ), г. Красноярск.

Гиренок Сергей Николаевич, соискатель, АГАО им. В. М. Шукшина, г. Бийск.

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории СФУ, г. Красноярск.

Дворников Эдуард Павлович, кандидат исторических наук, ГАГУ, г. Горно-Алтайск.

Дудик Светлана Геннадьевна, ст. преподаватель кафедры философии, ГАГУ, г. Горно-Алтайск.

Иванцова Надежда Федоровна, доктор исторических наук, Московский государственный педагогический университет, г. Москва.

Кенешбеков К.А., Восточно-Казахстанский государственный университет (ВКГУ) им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Кумарова Б., ВКГУ.

Мельников Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, Электростальский политехнический институт, г. Электросталь.

Мезенцев Роман Викторович, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и права АГАО им. В. М. Шукшина, г. Бийск.

Модоров Николай Семенович, доктор исторических наук, профессор, ГАГУ, г. Горно-Алтайск.

Мырзашкызы Анара, магистрант ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск.

Попов Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, Историко-архивный институт (РГГУ), г. Москва.

Сидоренко Дина Ивановна, аспирант АГАО им. В. М. Шукшина, г. Бийск.

Федосеева Ирина Михайловна, магистрант кафедры всеобщей истории СФУ, г. Красноярск.

Хвастунова Юлия Викторовна, кандидат философских наук, доцент, ГАГУ, г. Горно-Алтайск.

Шекшеев Александр Петрович, Республиканская организация «Мемориал», г. Абакан, Республика Хакасия.

Шмаков Олег Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Челябинский государственный педагогический университет, г. Челябинск.

Н. Н. Южакова, профессор кафедры международных отношений и истории зарубежных стран ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск.

Явнова Людмила Александровна, кандидат исторических наук, доцент АГАО им. В. М. Шукшина, г. Бийск.

ИНФОРМАЦИЯ

Ассамблея народа Казахстана Восточно-Казахстанской области
НЭГ АНК ВКО
Восточно-Казахстанский государственный технический университет
им. Д. Серикбаева (г. Усть-Каменогорск)
Лаборатория социально-демографических исследований при ВКГТУ им. Д. Серикбаева
проводят XIII Международную научно-практическую конференцию

**«ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ»**

Сентябрь 2013 г., г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

Для обсуждения на конференции предлагаются следующие вопросы:

1. Численность и структура населения;
2. Процессы воспроизводства населения Казахстана и сопредельных стран;
3. Миграции населения: тенденции и перспективы;
4. Проблемы методологии исследования этнодемографических, этнополитических процессов РК
5. Особенности урбанизации на постсоветском пространстве в конце XX — начале XXI вв.

По итогам конференции будет издан сборник статей. Оргкомитет оставляет за собой право отклонять неверно оформленные материалы. Полные тексты статей необходимо предоставить в оргкомитет конференции по электронной почте не позднее 15 сентября по электронной почте ukgconf@mail.ru.

Требования к объему и оформлению статей: до 8 страниц, Times New Roman, 12 кегль, 1,5 интервала, сноски в конце статьи.

Заявки на участие в конференции (с указанием ФИО, места работы, должности, ученой степени, e-mail, контактных телефонов, темы выступления) принимаются оргкомитетом до 1 сентября по электронной почте ukgconf@mail.ru.

Адрес оргкомитета: 0700010 Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск, ул. Серикбаева, 19, оф. 1-308, Лаборатория социально-демографических исследований при ВКГТУ им. Д. Серикбаева

тел. (7232) 540811; факс (7232) 267409

Алексеев Александр Николаевич тел. 8 (7232) 254573

Краснобаева Нелли Леонидовна тел. 8 (7232) 221176

Исторический факультет Алтайского государственного университета
приглашает Вас принять участие в работе всероссийской научной конференции

**«IX НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА БОРОДАВКИНА»,**

которая состоится 3–4 октября 2013 г.

Проблематика конференции:

- Сибирь в древности и средневековье
- *Вопросы историографии и источниковедения истории Сибири*
- *Историческая демография и история народонаселения Сибири*
- Экономическая история Сибири
- *Социально-политическая история Сибири XVII–XIX в.*
- *Социально-политическая история Сибири XX в.*
- Культурное наследие Сибири
- *Сибирь и сопредельные территории в исторической перспективе*

Для участия в работе конференции необходимо до 15 сентября 2013 г. прислать заявку и тезисы выступления (одним файлом) по электронной почте: kse-pozhar@mail.ru. **Заочное участие в конференции не предусматривается.**

В заявке необходимо обязательно указать: 1) фамилию, имя, отчество; 2) ученую степень и звание; 3) место работы и должность; 4) почтовый адрес, адрес электронной почты; 5) тему доклада.

Тезисы выступления объемом не более 3 страниц должны быть набраны в Word (гарнитура Times, кегль 14, межстрочный интервал 1,5, все поля — 2 см.). Текст желательно сохранять в формате RTF. Ссылки автоматические, в конце текста. Все сокращения при первом упоминании должны быть расшифрованы.

Контактные телефоны: (3852) 66-84-55, 8- 913-366-24-37

(секретарь оргкомитета -Пожарская Ксения Александровна).

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ И
ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ И
РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Кафедра религиоведения и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета проводит в **октябре 2014 г.** в г. Барнауле
ВТОРУЮ МЕЖДУНАРОДНУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ
«РЕЛИГИЯ В ИСТОРИИ НАРОДОВ РОССИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»

Основная тематика конференции и планируемых секций

- Теоретические и прикладные аспекты изучения религии
- История отечественного и зарубежного религиоведения
- Прозелитарные религии в Сибири и Центральной Азии
- Ранние формы религии
- Семантика первобытного и древнего искусства
- Традиционное мировоззрение и культура народов Сибири и Центральной Азии
- Новые религиозные движения в России и сопредельных государствах
- Государственно-церковные отношения в России: исторический опыт и современное состояние
- Религиоведческое и религиозное образование
- Современные этноконфессиональные исследования в регионах
- Религия и музейно-туристическая деятельность

Для публикации статьи в сборнике необходимо до **15 февраля 2014 г.** прислать ее текст (в печатном и электронном варианте), а также сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail, планируемое очное или заочное участие в конференции).

Статья может включать текст и иллюстрации до 6 страниц (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2,5 см, правое — 2,5 см). К статье обязательно прикладывается полный список использованных работ, оформленный в соответствии с требованиями.

Оргкомитет оставляет за собой права отклонения представленных статей, в случае не соблюдения требований к их оформлению и не-соответствия тематики конференции.

Точные сроки проведения конференции и официальные приглашения будут высланы дополнительно.

Адрес оргкомитета:

Россия / Russia, индекс 656049, г. Барнаул, пр. Ленина-61, Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения и государственно-конфессиональных отношений, Дашковскому Петру Константиновичу,

Электронная почта: dashkovskiy@fnp.asu.ru ; znsngns_p@mail.ru (с пометкой заявка на конференцию);

Контактный телефон: (3852)366331 (деканат, Дашковский Петр Константинович); (3852)366342 (кафедра религиоведения и государственно-конфессиональных отношений, Гончарова Наталья Сергеевна)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

в журнале «МИР ЕВРАЗИИ»

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 до 1 авторского листа (20 — 40 тыс. знаков). Объем сообщений, рецензий, заметок не должен превышать 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

Рукопись должна быть отредактирована, сопровождается рецензией доктора (кандидата) исторических наук. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки.

Статью необходимо печатать в редакторе MS WORD 6-7, формате А4, шрифтом 12 пт. (Times New Roman), межстрочный интервал — 1,5; отступ от сторон листа 2,5 см. Статья оформляется следующим образом:

- Ф. И. О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на английском языке (до 300 знаков);
- УДК;
- Ф. И. О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на русском языке (до 300 знаков).
- Ключевые слова (на русском и английском языках)
- Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.
- Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют сквозную нумерацию.
- Все таблицы и рисунки (черно-белые) должны быть встроены в текст статьи.
- Библиографический список (в порядке цитирования) оформлять по ГОСТ 7. 1. -2004. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. Например, [1, с. 25-27].
- В конце статьи указывается дата ее отправки в редакцию.

Статья (бумажный вариант и электронный вариант на дискете) вместе с заявкой и рецензией, должна быть выслана обычной почтой на адрес редакции или электронной почтой по адресу (E-mail: mns@gasu.ru. Файлы необходимо именовать согласно фамилии первого автора, например «Завьялов, Самара». Нельзя в одном файле помещать несколько статей. В разделе «Тема» указывать «В редакцию журнала». За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы) статьи. Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

После экспертизы статья может быть отклонена, послана автору на доработку или рекомендована к публикации.

Материалы, не соответствующие данным требованиям, к публикации приниматься не будут.

Статьи аспирантов публикуются бесплатно.

МАТЕРИАЛЫ И РЕЦЕНЗИИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1 Университет, Редакция международного журнала «Мир Евразии» Главному редактору.

Контактные телефоны: 8 (388-22) 2-62-33, 2-68-15. Факс: 8 (388-22) 2-67-35. E-mail: mns@gasu.ru

Образец оформления статьи

Sidorenko D. I.

Realization the decree SNK «About separating of church from State and of school from church» on the Altay (1917-1921)

In the article, on the basis of documentary sources for the first time introduced into scientific turn the religious policy of Soviet power on the Altay in 1920-1930 years.

Key words: revolution, church, decree, requisition, religious organizations, repression, board of justice, liquidation commission.

УДК 902

Д. И. Сидоренко

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА АЛТАЕ В 1920-1923 ГГ.

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документальных источников анализируется конфессиональная политика Советской власти на Алтае в 1920-1930 гг. ».

Ключевые слова: революция, церковь, декрет, реквизиция, религиозные организации, репрессия, коллегия юстиции, ликвидационная комиссия.

Претворение в жизнь нормативных актов Советской власти, касавшихся религиозных объединений, началось на Алтае только в начале 1920 г. Существовавшие же здесь (с декабря 1917 по июнь 1918 г.) ее органы власти вопросами конфессиональной политики практически не занимались [1, с. 86,88]. Это был результат ТЕКСТ...

Библиографический список

1. Будегечиева, Т. Б. Горловое пение в системе народной культуры тувинцев / Т. Б. Будегечиева // Мелодии «Хоомея» / Материалы I Международного симпозиума «Хоомей-92». — Кызыл: Изд-во КГУ, 1994.

и т. д.